

Мф

МИР ФАНТАСТИКИ

СЕРГЕЙ
СНЕГОВ

★
Люди как боги
★

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Люди как боги

Сергей Снегов

Люди как боги (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1966, 1968, 1977

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Снегов С. А.

Люди как боги (сборник) / С. А. Снегов — «Азбука-Аттикус»,
1966, 1968, 1977 — (Люди как боги)

Звездный флот Земли далекого будущего совершает дальний перелет в глубины Вселенной. Сверхсветовые корабли, «пожирающие» пространство и превращающие его в энергию. Цивилизации галактов и разрушителей, столкнувшиеся в звездной войне. Странные формы разума. Возможность управлять временем... Роман Сергея Снегова, написанный в редком для советской эпохи жанре «космической оперы», по праву относится к лучшим произведениям отечественной фантастики, прошедшим проверку временем, читаемым и перечитываемым сегодня. Интересно, что со времени написания и по сегодняшний день роман лишь единожды выходил в полном виде, без сокращений. В нашем издании воспроизводится неурезанный вариант книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

© Снегов С. А., 1966, 1968, 1977
© Азбука-Аттикус, 1966, 1968, 1977

Содержание

Галактическая разведка	9
Часть первая	9
1	10
2	12
3	14
4	15
5	17
6	18
7	19
8	20
9	22
10	24
11	26
12	28
13	32
14	34
15	37
16	38
17	39
18	40
19	41
20	42
21	43
22	46
23	47
24	48
25	50
26	51
27	53
28	56
29	57
30	60
31	62
32	64
33	67
34	70
Часть вторая	74
1	74
2	74
3	76
4	79
5	80
6	82
7	83
8	86
9	89

10	90
11	92
12	95
13	96
14	100
15	103
16	104
17	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сергей Снегов

Люди как боги

© С. Снегов (наследники), 2015

© В. Шикин, иллюстрации, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Галактическая разведка

Часть первая Змеедевушка с Веги

*Из Фраскати в старый Рим
Вышел Петр Астролог.
Высоко чернел над ним
Неба звездный полог.
Он глядел туда, во тьму,
Со своей равнины.
И мерещились ему
Странные картины.*

Н. Морозов

*Я человек: как бог я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.*

И. Бунин

1

Для меня эта история началась с того, что на второй день после возвращения на Землю, во время прогулки над кратерами Килиманджаро, я повстречал Лусина верхом на огнедышащем драконе.

Я не люблю летать на драконах. В них есть что-то от древнего театра. А неповоротливых пегасов я попросту не терплю. На Земле для полетов я беру обычную авиетку – так и надежней, и удобней. Но Лусин не мыслит передвижения без драконов. В школе, когда эти неповоротливые чудовища лишь входили в моду, Лусин вскарабкался на учебном драконе на Джомолунгму. Дракон вскоре подох, хоть был в кислородной маске, а Лусину на месяц запретили появляться в конюшне. С той поры прошло пятнадцать лет, но он не поумнел.

Он твердит, что в нем играет душа его предков, обожествлявших этих странных существ. По-моему же, он оригинальничает. Андре Шерстюк да он готовы вывернуться наизнанку, лишь бы чем-нибудь поразить, – такой уж это народ!

И когда с Индийского океана понесся крылатый змей, окутанный дымом и пламенем, я сразу понял, что на нем Лусин. Лусин выкрикнул приветствие и приземлился на обрыве кратера Кибо. Я покружился в воздухе, рассматривая его зверя, потом тоже сел. Лусин подбежал ко мне, мы радостно пожали друг другу руки. Мы не виделись два года. Лусин наслаждался моим удивлением.

Дракон был крупный, метров на десять. Он бессильно распластался на камнях, устало закрыл выпуклые зеленые глаза, его худые бока, бронированные оранжевой чешуей, вздувались и западали, крылья подрагивали. Над головой зверя клубился дым, при выдохе из пасти вырывалось пламя. Огнедышащие драконы были мне внове.

– Последняя модель, – сказал Лусин. – Два года выводил. Инфовцы хвалят. Хорош, нет?

Лусин работает в Институте Новых Форм – ИНФе – и не устает хвастаться, что у них создают живые новообразования, до каких природа не доберется и за миллиард лет. Кое-что, например говорящие дельфины, у них и вправду получалось неплохо. Дымящий, как вулкан, змей не показался мне красивым. Правда, летает он эффектно, этого отрицать не буду.

И пегасы, и драконы в воздухе чувствуют себя хорошо.

Лусин объяснял, что при работе мышц у них развивается антигравитационное поле, отчего они теряют добрых девять десятых веса. Но мне все равно странно глядеть, когда такие массивные животные легко устремляются вверх. Драконы обычно довольно медлительны. А у этого мне не понравился дым, хотя Лусин сказал, что и дым, и пламя у него лишь для красоты, вроде как оперенье у павлина: и не жжет, и не пачкает.

– Вся эта бутафория ни к чему. Если, конечно, вы не задумали пугать им детишек.

Лусин любовно похлопал дракона по одной из лягушачьих ног.

– Эффектен. Повезем на Ору. Пусть смотрят.

Меня раздражает, когда говорят об Оре. Половина моих друзей летит туда, а мне не повезло. Меня бесит не их удача, конечно, а то, что они превращают интереснейшую встречу с обитателями иных миров в примитивную выставку игрушек. Каких только изделий не тащат на Ору!

– Чепуха! Никто там не взглянет на твоё ископаемое. Каждый звездожитель сам по себе удивительней всех ваших диковинок. Думаю, машины заинтересуют их куда больше.

– Машины – да! Звери – тоже да. Все – да!

– И ты – да! – передразнил я. – Вот уж образец человека шестого века: рыжеволосый, рыжеглазый, рост метр девяносто два, одинок. Как бы там в тебя не влюбилась мыслящая жаба. И на драконе не удерешь!

Лусин улыбнулся и покачал головой:

– Завидуешь, Эли. Древнее чувство. До драконов. Понимаю. Сам бы на твоём месте.

Лусин говорит словно иероглифами. Мы привыкли к его речи, но незнакомые не всегда его понимают. Его слова обидели меня, я возмущенно отвернулся.

Лусин положил мне руку на плечо.

– Спроси – как? – попросил он печально. – Интересно.

Я кивнул, чтобы не огорчать Лусина равнодушием. Из рассказа я понял, что в легких у дракона синтезируются горючие вещества и что самому ящеру от этого ни холодно ни жарко.

Лусин работает над темой «Материализация чудовищ древнего фольклора», огнедышащий дракон – четвертая его модель, следующие за ней формы – крылатые ассирийские львы и египетские сфинксы.

– Хочу бога Гора с головой сокола, – сказал Лусин. – Еще не утверждено. Надеюсь.

Я вспомнил, что Андре везет на Ору сочиненную им симфонию «Гармония звездных сфер» и что первое ее исполнение состоится сегодня в Каире. Я с сомнением отношусь к музыкальным способностям Андре, но лучше уж музыка, чем дымящиеся змеи.

Лусин вскочил:

– Не знал. Летим в Каир. Я впереди. До ракетной станции.

– Сам наслаждайся ядовитыми парами своего уroda, – сказал я. – А я по старинке: раз, два, три – и ста километров нет!

Мне удалось обогнать Лусина минут на двадцать. Пока он выжимал из своего оранжевого тихохода последние километры, я договорился, чтоб дракона покормили в «Стойле пегасов».

На ракетной станции была конюшня крылатых коней – специально для туристов. Просьбу мою встретили без энтузиазма, особенно когда узнали, что змей огнедышащий. Задиристые пегасы ненавидят смиренных драконов и, чуть их заметят, сейчас же яростно обрушиваются сверху. Конечно, ни копыта, ни зубы ничего не могут поделаться с чешуей, но вздорные лошади штурмуют до изнеможения. Не понимаю, что побудило греков когда-то избрать для поэтических полетов этих быстро устающих в воздухе животных. Я предпочел бы устремляться в художественные высоты на кондорах и грифах – те поднимаются выше и отлично парят над землей.

Я помахал рукой медленно приближающемуся Лусину.

– Торопись, а то опоздаем! Можешь оставить своего вулканоподобного детеныша здесь. Пегасов к нему обещали не подпускать.

2

Первым, кого мы повстречали в Каире, был Аллан Круз, тоже из школьных товарищей. Он прилетел часа за два до нас и шел с чемоданом из Палаты Звездных Маршрутов. В чемодане у него, как всегда, книги. Аллан обожает это старье. В этом отношении он похож на Павла Ромеро – тот тоже не отрывается от книг. Павлу они требуются по роду занятий, Аллан же возится с ними для забавы. Острее ощущаешь современность, когда поглядишь рассыпающиеся журналы двадцатого века, говорит он, посмеиваясь.

Он или сердится, или хохочет, гнев и радость – не крайние, а соседствующие состояния его психики. Если он не возмущен, то ликует – от одного того, что не возмущен. Узнав, куда мы идем, он остановился.

– Да зачем было мчаться в Каир? Включили бы концертный зал и наслаждались музыкой издалека.

Я потянул его за рукав. Не люблю, когда люди ни с того ни с сего замирают на полушаге.

– Симфонию Андре надо слушать в специальных помещениях. Его музыка не удовольствия, а тяжелая физическая работа.

Аллан пошел с нами.

– Мне надо поговорить с Андре, – сказал он грозно. – Последняя модель его портативных дешифраторов никуда не годится.

– Умерь шаг и не маши чемоданом перед моим носом. У тебя там, наверное, килограммов пятьдесят?

– Шестьдесят три. Послушайте, какой конфуз приключился с нами на Прочионе из-за легкомыслия Андре.

О конфузе на Прочионе мы уже знали. Экспедиция Аллана испытывала облегченную модель Звездного Плуга. В окрестностях Солнечной системы разгоняться запрещено, и одиннадцать с половиной световых лет пути они проделали за тридцать девять ходовых суток. В созвездии Малого Пса тоже усердствовать не пришлось – там они обгоняли свет всего в сто раз. Зато именно в этом созвездии, в планетной системе Прочиона, они, так и не узнав сами, совершили наконец предсказанное пять столетий назад открытие – обнаружили мыслящие мхи. На второй

из трех планет Прочиона не хватало света и тепла и скалы покрывал рыжий мох. Астронавты ходили по мхам. Изучали их приборами. Но нашли лишь, что от растений исходят слабые магнитные волны. А когда экспедиция возвратилась на Землю, Большая Академическая машина расшифровала записанные излучения – это была речь. Удалось разобрать предложения: «Кто вы такие? Откуда? Как вы развили в себе способность передвижения?»

Неподвижные мхи больше всего поразило человеческое искусство ходьбы.

– Во всем виноват дурацкий ДП-2! – гремел Аллан на всю улицу. Он всегда говорит очень громко. – Он, конечно, лучше наручных дешифраторов – те годятся лишь для бесед с собаками и птицами. Например, на Поллуксе, в Близнецах, мы неплохо потолковали с высокоорганизованными рыбами. Забавные nereиды генерировали ультразвуковые волны. Но для трудных случаев прибор Андре не годится. Совершенно беспомощная машина, а выдана за последний крик техники!

Аллан вдруг снова остановился. Я хотел еще нетерпеливей дернуть его за рукав, но меня поразило выражение его лица.

– Совсем забыл, братцы! – сказал он и оглянулся, словно боясь, что кто-то подслушает. – В Палате Звездных Маршрутов сегодня получено удивительное сообщение. Толком никто ничего не знает, а в общих чертах – открыты новые разумные существа. Что-то вроде людей. И похоже, в их обществе свирепствуют междоусобные войны куда посерьезней, чем древние человеческие.

Сейчас мне странно то безразличие, с каким мы слушали Аллана. Вся история человечества переламявалась – теперь это ясно каждому школьнику. А мы с Лусином даже не поинтересовались, кто доставил информацию и чем именно новооткрытые существа похожи на людей. Я лишь высказал предположение, что они обитают далеко от ближайших звезд: в нашем районе Галактики ни о чем похожем еще не слыхали.

– Не знаю, – ответил Аллан. – Большая Академическая второй день обсчитывает полученную информацию. Завтра-послезавтра нас ознакомят с результатами обработки.

– Подождем до завтра, – сказал я. – А если и до послезавтра, так я тоже стерплю.

Лусин был того же мнения. Концерт Андре занимал его больше, чем информация о последних открытиях. В эти месяцы перед совещанием на Оре мы только и слышали что о новых разумных существах, обнаруживаемых звездными экспедициями. Мы как бы потеряли ощущение необычности. Удивительное стало обычным.

– Толпа! – сказал Лусин, ткнув вперед пальцем. – Мест не хватит. Поторопимся.

Мы прибавили шагу. Огромный Аллан вынесся вперед. Он и в школе ходил быстрее всех, в его шаге метр и две десятые. Я крикнул:

– Захвати для нас с Лусином два местечка рядом с собой!

В концертный зал вливалось два потока людей. Западные двери были к нам ближе, и мы направились туда.

Аллан проник в голову потока, под прикрытием его широкой спины двигался Лусин, за Лусином я. У дверей случилась неприятность, порядком подпортившая мне настроение.

Какая-то худощавая некрасивая девушка резко отодвинулась от пробивающего себе дорогу Аллана, и на нее налетел я. Она с негодованием обернулась. У нее была тонкая высокая шея и темные глаза. Возможно, впрочем, что они потемнели от гнева.

– Грубиян! – сказала она. Голос у нее был мелодичный, низкого тона. Лицо ее портили широкие брови, такие же черные, как глаза.

– Вас тоже не обучали вежливости! – огрызнулся я, но она, похоже, не услышала.

В зале, сидя между Лусином и Алланом, я два раза вставал и осматривался, отыскивая эту худощавую девушку. Но среди двадцати восьми тысяч человек, заполнивших концертное помещение, обнаружить ее было непросто.

Могу сказать одно: в те минуты перед концертом возмущение на ее лице занимало меня больше, чем загадочное сообщение Аллана.

3

– Андре! – сказал Лусин. – Вот чудак! – Андре и на концерте не удержался от озорства. Вместо того чтобы показаться на стереоэкране и оттуда улыбнуться публике, он вышел на сцену. Человек казался крохотным на пустой площадке. Он произнес речь: что-то о Земле и звездах, небожителях и людях, полетах и катастрофах – все это, мол, отражено в его космической симфонии.

Мне так это надоело, что я крикнул: «Хватит болтовни!» Если бы я знал, что усилители настроены на все звуки в зале, я бы вел себя поосторожней. Мой голос оглушительно отразился от потолка, в ответ понесся такой же громовый хохот. Андре, не смутившись, весело воскликнул:

– Будем считать ваши нетерпеливые крики увертюрой к симфонии!

После этого он исчез, и грянула музыка звездных сфер. Прежде всего мы провалились. Мы неподвижно сидели в своих креслах, от неожиданности вцепившись в ручки, и вместе с тем ошалело неслись вниз. Состояние невесомости наступило так внезапно, что у меня защемило сердце.

Думаю, другие чувствовали себя не лучше.

А потом зазвучала тонкая мелодия, в воздухе поплыли клубящиеся разноцветные облака, и возвратилась тяжесть. Мелодия усиливалась, электронный орган гремел во все свои двадцать четыре тысячи голосов, цветные облачка пронизало неистово пляшущее сияние, все пропало в кружащемся многокрасочном дожде искр, не было видно ни стен, ни потолка, ни дальних соседей, а ближние вдруг превратились в какие-то факелы холодного света. И тут свет стал теплеть, мелодия убыстрилась, увеличилась тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Я уже собирался сбросить пиджак, как вдруг зал озарила синяя молния, все вокруг запылало зловещим фиолетовым пламенем, и нестерпимо ударил ледяной ветер. Никто не успел ни отвернуться, ни защитить лицо руками. Оледенение разразилось под свист и жужжание электронных голосов. Перегрузка быстро увеличивалась, легким не хватало кислорода. Снова взревели трубы, запели струны, зазвенели медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись оранжевые языки. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, перегрузка падала, превращаясь в невесомость. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок, теплоты и легкости в теле.

Так повторялось три раза: багровая жара под грохот труб и невесомость, стремительно нарастающий, пронзительно-синий холод под перегрузку, почти удушье, мелодичное розовато-оранжевое возрождение, оваянное теплотой. А потом в последний раз ударил мороз, промчалась жара, и уже по-обычному солнечно вспыхнул потолок концертного зала. Первая часть симфонии кончилась.

Со всех сторон неслись восклицания и смех. Кто-то кряхтел, кто-то оттирал застуженные щеки, кто-то зычно орал: «А ну, автора сюда! А ну, автора!» Большинство торопилось к выходу.

– Он совсем с ума спятил! – негодовал Аллан. – Даже от Андре не ожидал такой нелепицы! Зачем вы меня сюда притащили?

Лусин молча наблюдал за взволнованными зрителями, а я возразил:

– Никто тебя не тянул, ты сам пришел. И что тебя ожидает, знал отлично. Я предупредил, что музыку Андре могут вынести лишь здоровяки.

– Я здоровяк, но и мне нестерпимо! Неужели и во второй части такой же страх?

Я протянул ему пригласительный билет. На нем было напечатано: «Андре Шерстюк. „Гармония звездных сфер“. Симфония для звука, света, тепла, давления и тяжести. Часть пер-

вая – „Круговорот миров“. Часть вторая – „Люди и небожители“. Часть третья – „Вечное как жизнь“».

Аллан хмыкнул и повеселел.

– Здесь еще одного компонента не хватает: запаха, – пророкотал он, посмеиваясь. – Вот бы смердящее аллегро и благоухающее адажио! Чтобы полнее впечатление, как по-вашему?

– Успех! – с уважением сказал Лусин. – Все потрясены. Равнодушных нет. А?

– Не «а», а «ч». Чепуха, – сказал я. – На вторую часть осталась лишь треть зала.

– Новизна. Понимают не сразу.

– Занимайся лучше своими диковинными новыми формами, а не музыкой, – посоветовал я. – Твоего бога Гора с головой сокола, может, удастся приспособить для защиты от летучих мышей на дальних планетах, а на что пригодится новое творение Андре?

4

После неистовой первой части вторая показалась спокойной. Возможно, впрочем, что мы пообтерпелись. Главным в ней был свет – клубящаяся зеленовато-желтая тьма, красные вспышки, змеящиеся фиолетовые полосы, искры и стрелы, рушащиеся с потолка, как при полярных сияниях, потом все постепенно затянуло розовым теплым туманом, в нем хотелось понежиться, чувства и мысли засыпали.

Все это происходило под мелодичное звучание электронных голосов, тяжесть и давление то мерно нарастали, то исчезали, холод налетал не так пронзительно, как раньше, сменявшая его жара не так обжигала.

В общем, эта часть мне понравилась. Ее можно было терпеть, а для произведений Андре это уже немало. Зато в третьей части нам снова досталось. «Вечное как жизнь» могло вогнать в гроб любого. Андре, видимо, хотелось доказать, что жизнь – штука непростая, и он достиг цели. Нас обжигало, леденило, оглушало, ослепляло минут двадцать, если не больше.

Симфония уже окончилась, а все в зале сидели, опоминаясь. У некоторых был до того измученный вид, что я расхохотался. Аллан шумно ликовал. Так с ним всегда: необычное сперва озадачивает его, потом приводит в восторг.

– Крепкая симфония! – орал он. – Обрушить этакий концертище на существ с альфы Центавра или Сириуса – там они не очень костисты, – останется мокрое пятно! Нет, здорово!

По пустеющему залу разнесся голос: друзей автора симфонии просили к восточному выходу. Аллан помчался, обгоняя выходящих, мы с Лусином не торопились. Я знал, что Андре меня дождется.

У восточного входа быстро скопилось кучка приятелей. Я устал пожимать руки. Хорошенькая Жанна Успенская, жена Андре, сияла. Она неумеренно торжествует, если Андре что-нибудь удастся, и надо сказать, ей часто приходится торжествовать. В данном случае, впрочем, она могла бы радоваться и не столь открыто.

Она громко сказала:

– Ты изменился, Эли! Просто не верится, такой ты загорелый и добрый. Послушай, ты не влюбился?

Я знал, почему она говорит громко, и мне это не понравилось. К нам приближались Леонид Мрава и Ольга Трондаик.

Грозный Леонид на этот раз казался почти веселым, а Ольга, как всегда, была уравновешенна и светла. Она, конечно, поняла намек Жанны, но и виду не подала, а Леонид с такой силой потрянул мою руку, что я охнул. Этот великан – они с Алланом вымахали до двух метров тридцати – вбил себе в башку, что я стою у него на дороге. Боюсь, Ольга поддерживает в нем это заблуждение. Это тем удивительней, что, не в пример Жанне, Ольга совсем лишена кокетства.

– Я рада, что вижу тебя, Эли, – сказала Ольга. – Ты, кажется, улетал на Марс?

– А чего я не видал на Марсе? – буркнул я. – Мы монтировали седьмое искусственное солнце на Плутоне. Слыхала о таком?

– Конечно. Желто-красный карлик нормальной плотности, мощность восемь тысяч альбертов. Я недавно вычислила, что этой мощности не хватит для нормального функционирования. Ты не ознакомился с моей запиской, Эли?

– Нет. От твоих записок у меня голова болит – так они учены!

Ольга не обиделась и не огорчилась. Она слушала, ровная и розовощекая. Уверен, она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю. Она слушает один мой голос. Жанна встряхнула локонами, они у нее длинные и так светлы, что издали кажутся седыми.

– Ты не ответил на мой вопрос, Эли!

– Да, – сказал я. – Влюбился. И знаешь – в кого? В тебя. Я долго скрывал, но больше нет сил. Что ты теперь собираешься делать?

– Переживу, Эли. А может, расскажу Андре, пусть он знает, каковы его друзья.

Она повернулась ко мне спиной. Жанна так хочет всем нравиться, что сердится, когда над этим подшучивают.

– У Аллана интересное сообщение, – сказал я, чтобы перевести разговор на другое. – Аллан, повтори-ка, что ты говорил нам.

И снова, как перед тем мы с Лусином, никто не отнесся серьезно к новостям Аллана! Его выслушали равнодушно, словно он делился пустяками, а не самой важной информацией, когда-либо полученной человечеством. Сегодня, вспоминая те дни, я не могу понять, почему нами овладело такое непростительное легкомыслие. Оно было тем непостижимей, что Леонид и Ольга, капитаны дальних звездолетов, уже и в то время слыли опытными астронавтами. Кто-кто, а они должны были сообразить, что означает открытие в звездных мирах, на наших галактических трассах, существ, равных нам по разуму и могуществу. Леонид поступил еще легкомысленней, чем я. Он попросту отмахнулся от Аллана. Наше маленькое искусственное солнце на Плутоне интересовало его больше.

– Удивляюсь вашему консерватизму, – сказал он. – Сперва монтируете огромный спутник, потом разжигаете, пока он не превратится в крохотное светило, и тратите на это столько же лет, сколько и наши деды пару веков назад. А зачем? Звездный Плуг за месяц работы зажжет десяток искусственных солнц всех запроюктированных размеров и температур. Не нужно ни монтажа, ни разогрева – короче, ничего, кроме приказа: зажечь и доставить на место солнце!

– Хорошо! – сказал Лусин. – Очень. Даже – очень-очень! Зажечь и доставить! Замечательно. А?

– Великолепно! – сказал я. – Много лучше пожаров, которые ты разжигаешь в животах бедных драконов. Кстати, почему в самом деле не используют для создания малых солнц Звездные Плуги?

Ольга рассудительно ответила (иначе она говорить не умеет):

– Создание солнц с помощью Звездных Плугов, вероятно, было бы проще. Но их запуск в окрестностях нашей системы грозит нарушением равновесия космического пространства. Не хотите же вы, чтоб Сириус налетел на Процион, а Проксима Центавра ударилась о Солнце?

Леонид сказал:

– Реальность такого катастрофического нарушения равновесия не доказана...

– Никто не доказал и обратного, – возразила Ольга. – Решение может дать опыт, неудачный же опыт – непоправим.

Из концертного зала вышли Андре с Павлом Ромеро. Появление Павла было так неожиданно, что я в восторге побежал к ним навстречу.

5

Ромеро после разлуки не здороваётся, а обнимается: он говорит, что этот обычай раньше существовал во всех цивилизованных племенах. Хорошо еще, что он не целуется, – был, кажется, и такой странный обряд приветствования.

– Это вы, Эли! – сказал он важно. – Ясно вижу, что это вы!

Они стояли передо мной плечо к плечу – улыбающиеся, довольные. Оба невысокие, всего метр девяносто один каждый – меньше, чем Лусин и я, – широкоплечие, молодые: Андре ровесник мне и Лусину, Ромеро на пять лет старше. На этом сходство заканчивается, все остальное, от облика до привычек, вкусов и поступков, у них не только различно, но и противоположно. Ромеро ни на кого не походит, кроме себя. Его усы и бородка-эспаньолка мало напоминают окладистые бороды и усы на портретах доисторических королей, хотя он утверждает, что скопировал их не то с римского цезаря, не то с американского президента – в общем, с какого-то из владык древних республик. И он всюду для забавы таскает трость. Он и обнимал меня, не выпуская трости.

Но если Ромеро ни на кого, кроме себя, не похож, то Андре не бывает долго похожим даже на самого себя. При каждой встрече он иной и неожиданный. Если бы он не был гениален, я бы сказал, что он тщеславен. В школе он менял волосы чаще, чем костюмы. На пятом курсе второго круга он удалил доставшиеся ему от природы каштановые кудри и завел черные и прямые волосы, а на третьем круге растительность на голове менялась год от года: гладкие пряди сменились локонами, за ними появились пучки, похожие на кочки, потом он был сияюще лыс, затем снова обзавелся волосами – на этот раз короткими и колючими, как проволока.

Цвет тоже менялся: кудри были золотые, потом превратились в воронные, а проволокоподобная поросль обжигала малиново-красным, так что голова пылала на свету, как головешка, – Андре считал, что такое сверкание ему к лицу. На этот раз у Андре были мягкие каштановые кудри, такие же длинные, как у Жанны. Во всяком случае, это красивее, чем малиновая проволока.

– Ты загорел, Эли! – сказал мне Андре. – Неужели солнца на Плутоне так пламенны?

– Это результат концерта, – возразил я. – Твоя симфония меня чуть не испепелила. А один старичок хватался за сердце.

– Тебе не нравится? Нет, правда, тебе не нравится, Эли?

– Как может нравиться вздор?

– Та же мысль, что я высказывал, – подхватил Ромеро. – И те же слова, дорогой Андре: вздор ваша симфония!

Жанна обняла Андре и показала нам язык.

– Не огорчайся, милый. Полчаса назад Эли басом объяснялся мне в любви! «Я у твоих ног. Что ты собираешься делать?» Как можно серьезно относиться к Эли?

Мы хохотали, даже Ольга улыбнулась. Андре продолжал огорчаться. Этот чудаковатый всерьез надеялся восхитить мир своей адской музыкой.

– Я могу объяснить, что не понравилось в концерте, – сказал я. – Но на это нужно время, Андре.

Он ответил:

– Давайте присядем в парке и побеседуем.

– Лучше походим по парку, – предложил Павел. – В старину философы любили беседовать, прогуливаясь. Почему бы нам не воспользоваться некоторыми их обычаями?

– Без ходьбы философия у древних не шла, – подтвердил Леонид. – Их поэтому называли ходоками.

– Перипатетиками, то есть прогуливающимися, любезный Мрава. Могу вас уверить, что ходоки, или жалобщики, не имели отношения к философам.

Леонид промолчал. С Павлом спорить бесполезно. О древности он знает все. К тому же никто из нас не представлял, чем именно различались профессии жалобщиков и прогуливающих. В старину было много удивительных ремесел.

6

Мы двигались шеренгой, под руки: Жанна, Ольга, Андре, Павел, Лусин, я, Леонид, Аллан.

Я начал с того, что художественное произведение должно доставлять наслаждение, а не выматывать душу. А после симфонии Андре надо принять освежающий радиационный душ для восстановления сил. Кое-что в ней и неплохо – некоторые мелодии и цветовые эффекты, холод под перегрузку и жара под невесомость, но все это в таких дозах, так утрировано, что наслаждение превращается в страдание.

– Мне нравятся лишь музыка и цвета, – заметил Ромеро. – Должен признаться, друзья, что ваши модные перегрузки, невесомость, давление, жару и прочее душа моя не приемлет.

– Запаха не хватает! – повторил Аллан высказанную раньше мысль. – И знаете – электрических уколов! Под грохот и вспышки, ледяной ветер и перегрузки эдакие ядовитые мураши, будто кто-то быстро-быстро перебирает когтями по телу. – Он захохотал.

Лусин проговорил с восхищением:

– Мураши – хорошо!

– Не слушай их! – сказала Жанна. – Они тебя не любят. Одна я тебя понимаю. Я вынесла твою симфонию от начала до конца и только раз вскрикнула от страха.

– Нет, вы меня любите! – энергично сказал Андре. – Но вы заблуждаетесь, и вам надо высыпать. Сейчас я это сделаю!

А затем он произнес речь. Это было блестяще и вдохновенно, как и все, что делает Андре. Его слово в защиту симфонии понравилось мне куда больше симфонии. По его мнению, мы слишком люди – и это плохо. В нашу эпоху, когда открыто множество разнообразных цивилизаций, человеку стыдно выдавать свой жизненный мирок за единственно приемлемый. Его земные обычаи годятся лишь для него, нечего их распространять за пределы Солнечной системы. Но разве человек не ощущает единство жизни во Вселенной, разве тысячи нитей не роднят его с диковинными существами иных миров? Это не общность деталей и внешности – нет, общность живого разума. Вот об этом, о единстве разумных существ Вселенной, и трактует симфония.

– Моя музыка – не земная, она космическая, она раскрывает философскую схожесть всего живого. И если многое в симфонии для человека трудно – не беда, может, именно это придется по вкусу иным мыслящим существам. Кое-что понравилось вам, что-то будет по душе обитателям Веги, нечто третье порадует пришельцев с Фомальгаута, четвертое приглянется жителям Плеяд. Труд мой удался, если он затронет души разных существ. Моя симфония – это множество рук, протянутых друзьям во Вселенной. Не требуйте же, чтоб все эти руки пожимали одну вашу, не жадничайте: гармония Вселенной не исчерпывается той, что совершается в ваших душах!

Аллан в восторге подбросил шляпу вверх:

– Первая в мире симфония для видящих, слышащих, осязающих, ходящих и летающих! Нечто впечатляющее для глаз, ушей, лап, жабр, кожи, брони, хобота и присосок!

Ромеро насмешливо улыбнулся:

– Вы своим созданием строго указали бедному человеку на его скромное местечко во Вселенной, но сам-то он может не примириться с ролью чего-то среднего между остроумящей ящерицей и глуповатым ангелом. Вы не подумали об этом, Андре?

Андре ждал, что скажу я. Мне не хотелось его огорчать, но и отмалчиваться я не мог.

– Твои намерения прекрасны, Андре, но неосуществимы. Мне кажется, не существует произведений искусства, воздействующих на все разумные существа Вселенной. Человеческое – человеку. А мыслящим рыбам – нечто особое, может, вовсе чуждое нашему пониманию.

Не помню случая, чтоб Андре уступил сразу. Он непременно поищет неожиданные ходы, изобретет запутанные варианты, которые потребуют проверок, – лишь бы не признавать поражения.

– Пусть звездожители сами разрешат наш спор! Продолжим дискуссию на Оре!

Наступило замешательство. Мне трудно было смотреть на Андре.

– Разве ты не знаешь, – сказала Ольга с упреком, – что Эли не летит с нами на Ору?

7

Андре так огорчился, что мне стало его жаль. Он глядел на меня, словно не верил.

– Ничего не поделаешь, – сказал я. – Вы отправитесь знакомиться со звездожителями, а я возвращусь монтировать искусственные солнца в небесах далеких планет.

– Зауспокойный тон не идет твоей насмешливой роже, когда ты это поймешь? – воскликнул Андре. – Я хочу знать: почему все так неожиданно повернулось?

Я объяснил, что ничего неожиданного нет. При отборе претендентов у меня не оказалось тех преимуществ, какими блистали мои друзья. Без Ольги, Аллана и Леонида дальние полеты невозможны – они инженеры и командиры космических кораблей. Андре тоже необходим: мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь. И Лусин нужен: он познакомится с иными формами жизни, некоторые попытается потом воспроизвести искусственно. Тем более потребуется знаток старины Ромеро. Кто знает, не повторяют ли обычаи и законы новооткрытых обществ того, что уже некогда цвело и увяло на Земле?

– Ну а кому там нужен я?

– В жизни не встречал большего глупца, чем ты! – закричал Андре. – Я спрашиваю о другом: добивался ли ты, чтоб тебя зачислили в экспедицию? Что ты сделал для этого?

Я терпеливо разъяснил Андре, что еще год назад записался на отборочный конкурс. Большая Государственная машина три месяца назад приступила к обработке данных. Всего нас было около шестидесяти миллионов человек, но после первой же отбраковки по возрасту и здоровью осталось три с четвертью миллиона.

– Ты был среди прошедших первую отбраковку?

– Да. Легче от этого мне не стало. Машина последовательно сужала круг отобранных. В конце концов осталось сто тысяч человек, удовлетворявших всем условиям конкурса, и среди них снова был я. И тогда бросили жребий. Мне выпала пустышка.

Некоторое время мы шли молча. Андре хмурился. Я догадывался, что он выискивает возможности возобновить мое ходатайство. Я был спокоен. Таких возможностей не существовало.

– Мы сделаем так, – сказал Андре. – Эли полетит вместо меня. Он отлично меня заменит.

Одна Жанна обрадовалась, что Андре остается. Мы хором его ругали. Наше возмущение было тем сильнее, что мы знали, как нелегко переубедить этого человека, если он вобьет что-нибудь себе в голову.

– Без Эли не полечу! – твердил Андре. – Еще в школе мы мечтали, что первое путешествие в иные созвездия совершим вместе. Поймите, мне не хочется расставаться с ним!

– Правильно, миленький! – быстро говорила Жанна. – И со мной не надо расставаться. Я тоже не хочу с тобой расставаться. Не слушай их!

Андре и без ее советов не слушал нас, мы кричали и перебивали друг друга. Потом в спор вступила молчавшая до того Ольга:

– В твоих действиях нет логики, Андре. Если Эли полетит вместо тебя, вам все равно придется разлучаться.

Андре зачастую в спешке хватается за первый попавшийся аргумент, не соображая, что тот повернется против него. Ошеломленный, он уставился на Ольгу. Этим воспользовался Ромеро.

– Я попрошу Веру помочь Эли, – объявил он. – Через пять минут я лечу в Столицу. Сейчас десять. В одиннадцать вы узнаете, Эли, благосклонна ли к вам судьба.

Он завершил эти напыщенные слова таким же напыщенным поднятием руки и удалился. Ромеро умница и добряк, но говорит и ходит, как древнеримский император.

Андре пригласил нас к себе в гостиницу. Лусин вспомнил о своем драконе: беднягу, вероятно, обижали пегасы. Леонид и Ольга торопились на галактическую базу, у Аллана тоже нашлись неотложные дела.

– Хотелось поругать тебя за дешифраторы, но придется отложить, – сказал он с сожалением.

Андре взял меня под руку:

– Погуляем еще и пойдем ко мне. Нет, я так рад, так рад, что вижу тебя, Эли!

8

В Каире я люблю летние вечера. Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать нашу планету в пространстве, различия в климате разных широт смягчились. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не установить ли на Земле стационарный климат – вечное лето в тропиках, вечная весна в высоких широтах. Идею постоянной весны на шапках планеты и непрерывной жары в центральном поясе, однако, отвергли – и хорошо, что отвергли. Чувство жаждет перемен и противится однообразию. Нынешняя расписанная по месяцам и неделям смена тепла и холода, дождей и ясности, ветров и тишины мне по душе.

Однако каждое место на Земле имеет свою особую прелесть. Никакие старания метеорологов не придадут воздуху в Гренландии и Якутии южного аромата и неги. На севере мир суровой и светлее, а у тропиков природа задумчивей и нежней. Синий, напоенный выразительными, как крик, ароматами южный вечер волнует меня своей музыкальностью, – возможно, это надо сказать по-иному, я просто не подберу слов точнее.

Именно так я и выразился, когда мы с Жанной и Андре прогуливались по бульвару под пальмами и кипарисами. Жанна сорвала амариллис, кроваво-красный, с дурманящим запахом. Садовые амариллисы на севере не пахнут. Этот же изнемогал, источая благовоние, два-три вдоха из его распахнутой чаши заставляли усиленно биться сердце.

– Глупая! – Андре забрал цветок у Жанны. – В твоем состоянии надо быть осторожней.

Я поинтересовался, что за состояние у Жанны: она мало изменилась за два года, что мы не виделись. Андре объяснил, что они ждут мальчика. Он показал синтезированный по формулам портрет их ребенка, каким тот будет в десять лет. Я поразился, до чего малыш походил на Андре: те же глаза, нос, подбородок. Оказалось, Жанна на четвертом месяце, и вчера, перед отлетом в Каир на концерт, Медицинская машина, обследовавшая ее, установила, когда будут роды, а затем рассчитала и отпечатала будущий портрет сынишки.

– Вот генетический гороскоп Олега, мы хотим назвать его Олегом, – сказал Андре. – Чудный парень, не правда ли? Ты полюбуйся, какова степень его познавательных способностей, как высок индекс жизненной активности!

Индекс жизненной активности у малыша был на двадцать единиц выше, чем в свое время высчитали мне, и степень познавательных способностей незаурядна. Однако меня не так поразили способности их будущего сынишки, как его сходство с Андре. Все эти великолепные цифры, какими нас снабжают при рождении, не более чем возможности – их нужно осуществить, чтоб они стали реальностью, а это штука непростая! Набор жизненных индексов в родовых паспортах – потолок, до него еще надо дотянуться. А сколько людей так и не берут возможную высоту... Пока человечество в целом ниже того уровня, какой ему внутренне приущ, мы пока не дорастаем до себя – вот беда нашего времени!

– Яркий пример неосуществленных возможностей – Павел, – сказал я. – Разве у него не определили при рождении больших математических способностей? А он не терпит математику! Он любит одну историю.

– У тебя высчитали критичный и насмешливый ум – и разве это не так? – возразил Андре. – В Олеге я уверен: он осуществит все, что предсказывает его генетический гороскоп.

– Пока что он больше похож на тебя, чем ты сам, ибо ты любишь менять свою естественную внешность. Ты не прятался возле машины, когда Жанну просвечивали?

Они в один голос запротестовали. Жанна надула губы: она гордилась сходством своего будущего сына с отцом больше, чем его высчитанными заранее необыкновенными способностями. В природе женщин много необъяснимого. Достаточно сказать, что генетические гороскопы девочек осуществляются далеко не так точно, как гороскопы мальчиков.

– Роды по расчету будут нелегкими, – сказал Андре. – Жанне надо придерживаться строгого режима. А Охранительница слишком редко одергивает мою неразумную жену!

– Охранительница, не сомневаюсь, исправно выполняет свои обязанности, а ты, как всегда, тревожишься попусту.

– Эли, ты до того логичен, что это непереносимо! Рано или поздно ты женишься на Ольге, и вместо разговоров вы будете обмениваться цифрами, как словами!

– Не смей! – сказала Жанна и обняла меня. – Эли – хороший, и я люблю его, а тебя нет. Я рада, что ты надолго улетаешь и оставляешь меня одну.

Слова Андре напомнили мне, что Ромеро обещал потолковать с Верой. Шел двенадцатый час. Я мог бы вызвать Веру по ее шифру. Не надо, решил я про себя, она подумает, что я упрощаю ее. Однако не прошли мы и двух шагов, как на аллее вспыхнул видеостолб и в нем загорелся силуэт Веры. Она сидела на диване и улыбалась мне. Я видел люстру и цветы справа, остальное терялось во тьме между цветами и картинами. Слева от Веры кто-то стоял, мне показалось, что это Ромеро, но Вера поняла, куда я смотрю, – и освещенное пространство сузилось, охватывая лишь ее.

– Брат, – сказала Вера, – прилетев на Землю, ты мог бы явиться ко мне.

– У меня были дела по командировке. И я не знал, что на вашей суматошной Земле стало модным ходить в гости.

– Ты мало изменился, Эли, – заметила она.

– Другие находят, что я очень изменился, – отозвался я.

– А теперь ты хочешь лететь на Ору?

– Разве запрещено хотеть что вздумается?

– Не все желания осуществляются, Эли.

– Я уже изучал это в курсе «Границы возможного» и, кажется, получил за благоразумие высший балл – двенадцать.

– Боюсь, твоего благоразумия дальше экзаменов не хватило.

– Я часто огорчался своему благоразумию на экзаменах.

Она засмеялась. Я люблю ее смех. Никто не умеет так смеяться, как Вера. Она словно освещается при смехе.

– Тебя не переговоришь, брат. Завтра вечером приходи. Обстоятельства стали другими, и, возможно, твое желание осуществится.

Я не успел ни поблагодарить, ни узнать, почему обстоятельства стали другими, – видеостолб погас. Андре в восторге обнял меня:

– Итак, ты летишь с нами, Эли!

– Вера сказала: возможно.

– Если Вера говорит «возможно», это значит – наверное!

Жанна тоже поздравила меня, но по-своему. Она сказала, что двумя сумасбродами на Земле станет меньше, а она устала от сумасбродств. Потом она прислушалась к себе.

– Охранительница требует, чтоб я легла, Андре. Не понимаю, почему такая спешка: еще нет двенадцати.

Андре схватил нас с Жанной под руки.

– Немедленно в гостиницу! Я могу объяснить, что случилось. Ты сегодня чувствуешь себя хуже, но не знаешь этого, а Охранительница на то и Охранительница, чтобы все знать о нас.

Мы прошли в их номер. Жанна ушла в спальню, а я вышел на балкон. Внизу лежал спящий Каир, над ним раскинулась звездная полночь.

9

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звездным небом.

Наших предков-пастухов охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей тысячами бессмертных глаз, – меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

– Что с тобой? – спросил Андре, выйдя на балкон. – На тебе лица нет.

– Любуюсь небом – ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку – дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глазам становилось больно.

Андре тихо проговорил:

– А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это – и все же стремились вперед.

– Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

– Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда недвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз

разъяренного небесного быка – Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета – Ора.

– Пятьсот с лишним лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, – задумчиво сказал Андре. – Может, и сейчас их корабль несется шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают подлокотники истлевшими пальцами... Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!

– Почему такая печаль, мой друг?

– Я боюсь оставлять Жанну.

– Почему? Неудачных родов давно не бывает.

– Да нет, не то!..

Он помолчал, словно колеблясь.

– Перед женитьбой мы с Жанной запросили Справочную о нашей взаимной пригодности к семейной жизни. И Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов.

– Вот как! Никогда бы не подумал.

– Мы сами не ожидали. Я был как пришибленный. Жанна плакала.

– Помню, помню: перед женитьбой ты ходил мрачный...

– Будешь мрачным! Соединиться, имея прогноз, что брак будет неудачен! Потом я сказал Жанне: ладно, пусть тридцать девять, да наши, в старину люди сходились при двух-трех сотых взаимного соответствия, ничего – жили!.. Она твердила, что мы друг другу быстро опротивеем, но я настаивал... Первые недели совместной жизни мы сдували друг с друга пушинки, во всем взаимно уступали, только бы не поссориться. Потом как-то остыли – и снова появился страх: не берет ли верх зловерный шестьдесят один процент над дорогими тридцатью девятью? Мы опять запросили Справочную – и что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента!

– Ого!

– Да. Семьдесят четыре. Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или не пригоден, я не хочу ее терять. В день, когда была решена поездка на Ору, мы получили последнюю справку: наша взаимная пригодность достигла девяноста трех процентов. Почти полное единение! Но и семь сотых лежат камнем на душе. Конечно, если бы я оставался на Земле...

– Все влюбленные глупы. Глядя на тебя, я радуюсь, что не влюблен.

– Это ругань, а не аргумент, Эли. – Андре уныло покачал головой. Я еле удержался от смеха, такое у него было лицо.

– Хорошо, послушай аргументы. Слышал ли ты легенду о Филемоне и Бавкиде? Так вот, среди людей это была самая верная супружеская пара, и боги даровали им счастье умереть в один день, а после смерти превратили их в дуб и липу. Ромеро собрал все сведения о Филемоне и Бавкиде и предложил Справочной просчитать их взаимное соответствие. Угадай: сколько получилось? Восемьдесят семь процентов, на шесть меньше, чем у тебя, чудак! Ты должен петь от радости, а не печалиться!

На это Андре не нашел возражений, и я добавил последний аргумент. На Земле все чересчур уж подчинили машинному программированию. Я понимаю, гигантскую работу по управлению всеми планетами осуществлять без автоматов невозможно. Но зачем отдавать на откуп машинам те области, где легко обойтись собственным разумом? Мы на других планетах действуем пока без Охранительниц и Справочных – и не погибаем! А когда я влюблюсь, то постараюсь ласкать возлюбленную, не спрашивая о взаимной пригодности, – сила нашей любви будет мерилom соответствия. Поцелуи, одобренные машиной, меня не волнуют! Я не Ромеро с

его увлеченностью стариной, но признаю, как и он, что многое у предков было разумнее: они не программировали свои влечения.

Андре фыркнул:

– А что ты знаешь о старине? Откуда ты взял, что предки не программировали своей жизни? А их обязательные социальные законы? Их правила поведения? Их так называемые нормы приличия? Прошелся бы ты по любому из старых городов! Да там каждый шаг был запрограммирован: переходи улицу лишь в специальных местах и лишь при зеленом свете, не задерживайся и не беги, боже тебя сохрани остановиться на мостовой, двигайся с правой стороны, а обгоняй слева – тысячи мельчайших регламентаций, давно нами забытых. А их торжественные вечера? Их священный ритуал выпивок, закусок, чередования блюд и спичей! Я утверждаю, что мы несравненно свободнее предков и наши машины безопасности и справочные лишь обеспечивают, а не стесняют нашу свободу. Вот так, мой неудачный машиноборец.

Мне трудно спорить с Андре. Он соображает быстрее меня и бессовестно этим пользуется.

– Мы отвлеклись от темы, – сказал я.

– Единственное, от чего мы отвлекаемся, – это от сна. Третий час ночи, Эли. Я лягу на кровать, а ты пристраивайся на диване, ладно?

Он ушел, а я задержался на балконе.

Когда Орион повернулся над головой, я лег на диван и заказал Охранительнице музыку под настроение. Если бы Андре узнал, что я делаю, то закричал бы, что у меня нет вкуса и я не понимаю великих творений. Он обожает сильные словечки. Что до меня, то я считаю изобретение синтетической музыки для индивидуального восприятия величайшим подвигом человеческого гения. Она лишь для тебя, другой бы ее не понял. И древние Бах с Бетховеном, и более поздние Семенченко с Кротгусом, и штукари-модернисты Шерстюк с Галом творят для коллективного восприятия. Они подчиняют слушателя: хватают меня за шиворот и тащат, куда нужно им, а не мне. Иногда наши стремления совпадают – и тогда я испытываю наслаждение, но это бывает нечасто. Индивидуальная музыка как раз та, какой мне в данный момент хочется. Андре обзывает ее физиологической, но почему я должен бояться физиологии? Пока я живу, во мне совершаются физиологические процессы, от этого никуда не денешься. Вскоре зазвучала тонкая мелодия. Я сам создавал ее, Охранительница лишь воспроизводила то, чего я хотел. Грустные голоса скрипок звенели, тело мое напевало и нежилось, в темноте за сомкнутыми веками вспыхивали световые пятна. Сперва все это совершалось живо и громко, потом слабело – и я засыпал, борясь со сном, чтобы по-прежнему ощущать музыку. «Завтра будет... Что будет?.. Завтра... день!» – возникла последняя смутная мысль, и она отозвалась во мне торжественно-радостной, радужно-зеленоватой мелодией.

10

Утром я узнал, что сегодня в средних широтах праздник Большой летней грозы, и поспешил в Столицу. Андре с Жанной улетели на рассвете.

Когда я подошел к гостиничному стереофону, на экране показался смеющийся Андре.

– Ты так крепко спал, что нам с Жанной было жалко тебя будить. После Веры приходи к нам.

На улицах Каира чувствовалось, что предстоят важные события: в воздухе проносились авиетки, шумели крыльями пегасы, извивались молчаливые драконы. Я вскочил в аэробус, летевший к Северному вокзалу, и полюбовался сверху панорамой гигантского города. На земле Каир многоцветен и разнообразен, с воздуха все забывают две краски – зеленая и белая, но сочетание их приятно для глаз.

Мы обогнали не меньше сотни пегасов и летающих змеев, пока добрались до вокзала. Экспрессы уходили на север поминутно.

Гроза по графику начиналась с двенадцати часов. Над серединой Средиземного моря мы врезались в первый транспорт облаков. Я знал, что с Тихого и Атлантического океанов заблаговременно поднимают тысячи кубических километров воды и что их неделями накапливают на водных просторах, пока не придет время двинуть на материк. Но что и заповедное Средиземное море стало ареной тучесборов, было неожиданно. На Земле произошло много нового за два года, что я отсутствовал. Я пожалел, что узнал о празднике поздно: хорошо бы слетать на Тихий океан – посмотреть, как гигантские облачные массы, спрессованные в десятикилометровый слой, внезапно приходят в движение и, опускаясь с высоты, куда их загнали, бурно устремляются по предписанным трассам в предписанные места.

Ветер был около тридцати метров в секунду, Средиземное море бурлило, с каждым километром за окном становилось темней. Через некоторое время экспресс повернул на восток и вырвался на ясное солнце. Минут двадцать мы летели вдоль кромки туч. Я поразился, с каким искусством формируют транспорты облаков: километровая толща тумана неслась таким четким фронтом, как если бы ее подравнивали по линейке. Переход из темноты в ясность был внезапен.

В Столицу мы прибыли в одиннадцать и высадились на пересечении Зеленого проспекта и Красной улицы. Чтоб не выходить на многолюдный в праздники проспект, я свернул на Красную.

Это не самая красивая из двадцати четырех магистралей Столицы, но я ее люблю. Невысокие – в тридцать-сорок этажей – здания вздымаются кубами и многоугольниками, их опоясывают веранды высотных садов, уступы прогулочных площадок. Мне нравится яркость этой улицы. Красный цвет содержит тьму оттенков и полутонов. Одни здания взмывают малиновыми языками, другие простираются стеной багрового огня, третьи пылают оранжевой копной – и каждое не похоже на соседнее.

Однако и на Красной было много людей. Полеты на пегасах и драконах в Столице запрещены, зато сегодня жители высыпали в воздух на авиетках. Как всегда, усердствовала детвора: этому народу нужен лишь повод для шума, а разве есть лучший повод побеситься, чем Большая летняя гроза? Они отчаянно кувыркались над домами и деревьями. Я знал, что Охранительницы следят за ними, но становилось не по себе, когда малыши принимались соревноваться в падении с сороковых этажей. Один из десятилетних храбрецов с воплем обрушился на меня. Охранительница, разумеется, вывернула его авиетку, мальчишка пронесся мимо и повис, покачиваясь метрах в десяти.

– Вот догоню тебя! – рывкнул я, стараясь сдержать улыбку.

– Не догоните. Я от всякого убегу.

И он тут же удрал наверх – выглядывать с орлиной высоты новую жертву.

На пересечении Красной улицы и Звездного проспекта стояли свободные авиетки. Я сел в одну и мысленно распорядился: «В Музейный город». Через три минуты авиетка опустилась на площади Пантеона, около памятника Корове. Приезжая в Столицу, я всегда захожу в Пантеон. Ныне сюда уже никого не вносят. Но могучие умы и характеры прошлых веков, своей деятельностью подготовившие наше общество, заслужили вечный почет – он был им оказан прадедами, построившими Пантеон. Мне нравится надпись на фронтоне дворца: «Тем, кто в свое несовершенное время был равновелик нам». Андре иногда смеется, что надпись хвастлива: задираем нос перед предками. А я в ней вижу равенство на лучших людей прошлого, желание стать достойными их.

Я прошел аллею памятников вымышленным людям, оказавшим влияние на духовное развитие человечества: Прометею, Одиссею, Дон Кихоту, Робинзону, Гамлету, мальчишке Геку

Финну и другим – сотни поднятых голов, скорбных и смеющихся лиц. В стороне от них, у стены, приткнулась статуя Андрея Танева, и я постоял около нее.

Собственно, Танев жил, а не был придуман, о его жизни многое известно, хотя тюремные его тетради были найдены лишь через двести лет после его смерти. Но правда так переплелась с выдумкой, что достоверно одно: в начале двадцатого века по старому летосчислению жил человек, открывший превращение вещества в пространство и пространства в вещество, названное впоследствии «эффектом Танева». Этот человек долго сидел в тюрьме и вел свои научные работы в камере.

Скульптор изобразил Танева в тюремном бушлате, с руками, заложенными за спину, с головой, поднятой вверх, – узник вглядывается в ночное небо, он размышляет о звездах, создавая теорию их образования из «ничего» и превращения в «ничто». То, что мы знаем о Таневе, рисует его, впрочем, вовсе не отрешенным от Земли мыслителем: он был вспыльчивым, страстно увлеченным жизнью, просто жизнью, хороша она или плоха. До нас дошли его тюремные стихи: нормальный человек на его месте, вероятно, изнывал бы от скорби – он же буйно ликует, что потрудился на морозе и в пургу и, с жадностью проглотив свою еду, лихо выпится. Вряд ли человек, радовавшийся любому пустяку, очень тосковал о звездах. Тем не менее Таневу первому удалось вывести формулы превращения пространства в массу, и он первый провозгласил, что придет время, когда человек будет, как бог, творить миры из пустоты и двигаться со сверхсветовой скоростью, – все это содержится в его тюремных тетрадях.

От Танева я пошел к голове Нгоро. Я всегда посещаю это место перед началом важного дела. Ромеро шутит, что я поклоняюсь памятникам великих людей, как дикарь своим божкам. Правда тут одна: мне становится легче и яснее, когда я гляжу на величайшего из математиков прошлого.

В середине галереи, на пьедестале, возвышается хрустальный колпак, а в колпаке покоится черная курчавая голова Нгоро. Она кажется живой – лишь плотно закрытые глаза свидетельствуют, что этот могучий мозг уже никогда не оживет. Нгоро до странности похож на Леонида: тот же широкий, стеною, лоб, те же мощные губы, мощные скулы, удлиненный подбородок, крутые вальки бровей, массивные уши, – все в этой удивительной голове мощно и массивно. Но если выразительное лицо Леонида хмуро, его иногда сводит судорога гнева, то Нгоро добр, глубоко, проникновенно добр.

Когда еще в школе я узнал, что Нгоро попал в аварию и малоискусной медицине его века удалось спасти лишь голову, отделенную от плеч, меня поражало, что голова потом разговаривала, мыслила, смеялась, даже напевала, к ночи засыпала, на рассвете пробуждалась – жила тридцать два долгих года! И, приближаясь к голове Нгоро, я вспоминал, что друзья ученого часто плакали перед ним и Нгоро упрекал их за малодушие и твердил, что ему хорошо, раз он может еще приносить людям благо. Он скончался на шестьдесят седьмом году жизни. Он знал, что умирает: искусственное кровообращение могло продлить жизнь головы, но не могло сделать ее бессмертной.

И сейчас я стоял перед великой головой, а Нгоро улыбался черным лицом, и оно было такое, словно Нгоро уснул сегодня ночью, а не двести лет назад.

– Нгоро! – сказал я. – Добрый, ясновидящий Нгоро, я хочу быть хоть немного похожим на тебя!

В это время снаружи зазвонили колокола, запели трубы.

– Тучи! Тучи! – кричали на площади.

Я побежал к выходу, вызывая через Охранительницу авиетку.

Я поспешил подняться над островом Музейного города (этот остров окружают три кольца высотных домов, заслоняющих видимость). Первое кольцо, Внутреннее, еще сравнительно невысоко, этажей на пятьдесят-шестьдесят, но второе, Центральное, вздымающееся уступами, гигантским тридцатикилометровым гребнем опоясывает город, и, где бы человек ни стоял, он видит в отдалении стоэтажные громады этого хребта, главного жилого массива Столицы.

Рядом со мной взлетали другие авиетки, а над городом их было уже так много, что никакой человеческий мозг не смог бы разобраться в толчее. Я вообразил себе, что выйдет из строя Большая Государственная машина и Охранительницы веселящихся в воздухе жителей Столицы потеряют с ними связь, и невольно содрогнулся: люди, налетая один на другого, рушились бы на крыши и мостовые, превращались в кровавое месиво. К счастью, на Земле аварий не бывает.

Тучи за минуту закрыли половину неба. Мир вдруг распался на две части: одна – черная, вздыбленная ветром – пожирала вторую – сияющую, лениво-успокоенную. Дико налетел ураган, я приоткрыл окно и чуть не задохся от удара несущегося воздуха. Даже на этой высоте было слышно, как осатанело ревет буря. А потом нас сразу охватила тьма. Я уже не видел летящих рядом, и меня никто не видел. Я знал, что машины безопасности охраняют нас, но на миг мне стало страшно, и я повернул к городу. То же, вероятно, испытывали другие: когда первая молния осветила пространство, все катились вниз. Выругав себя за трусость, я направил авиетку в переплетение электрических разрядов.

Может, я ошибаюсь, но в этом летнем празднике всего прекрасней мне кажется полет туч и сражение молний. Вспышки света и грохот приводят меня в смятение. Я ору и лечу в крохотной авиетке, сам подобный шаровой молнии. В глубинах каждого из нас таятся дикие предки, поклонявшиеся молнии и грому. Различие меж нами, может, лишь в том, что они суеверно падали на колени перед небесным светопреставлением, а мне хочется помериться мощностью со стихиями. По графику световым эффектам отведено всего двадцать минут, и я устремился в центр разряда, где накапливались высокие напряжения, – толчок воздуха здесь подобен взрыву, а яркость электрического огня ослепляет даже сквозь темные очки.

Невдалеке вспыхнула молния с десятками изломов и отростков, похожая на исполинский корень. Параллельно ей зазмеилась другая, а сверху ударила третья. Все слилось в разлив пламени. Мне померещилось, что я угодил в центр факела и испепелен. Но все три молнии погасли, а на меня – чуть ли не во мне самом – обрушилась гора грохота. Ослепленный и оглушенный, я на секунду потерял сознание: авиетка рухнула вниз и остановилась лишь над крышей дома.

В одной из приземлившихся машин я увидел вчерашнюю невежливую девушку с длинной шеей. Я помахал ей рукой и взмыл в новое сгущение потенциалов. Попасть в разряд на этот раз не удалось: авиетка вышла на параллельный полет. Я понял, что вмешалась Охранительница.

– В чем дело? – крикнул я вслух, хотя Охранительницу достаточно вызвать мыслью.

В мозгу вспыхнул ее молчаливый ответ: «Опасно!»

Я закричал еще сердитей:

– Пересчитайте границу допустимого! У вас там трехкратные запасы безопасности!

На этот раз бесстрастная машина снизошла до обстоятельного – голосом – ответа. Буря в этом году мчится на таком высоком уровне энергии, что чуть не вырывается из-под контроля. Механизмы Управления Земной Оси запущены на всю мощность, чтоб удержать грозу на заданной трассе и в предписанной интенсивности. Любое местное нарушение системы разрядов может привести к выпадению из режима всей грозовой массы.

Спорить с Охранительницей бессмысленно. Я метался под тучами от молнии к молнии, не успевая к разряду, но наслаждаясь реками света и ревом воздуха. Раза два меня основательно качнуло, разок отшвырнуло в сторону – забава в целом вышла недурная. А когда про-

шли двадцать минут, отведенные на разряды, хлынул дождь, и я поспешил в город: дождь надо испытывать на земле, а не в воздухе, и телом, а не машиной. Я приземлился на площади и выскочил под ливень. Авиетка тотчас улетела на стоянку, а я помчался к дому напротив и, пока добежал, основательно промок. Под навесом стояло человек двадцать. Мой вид вызвал смех и удивление: я был одет не по погоде. Среди прочих оказалась все та же девушка. Она положительно невзлюбила меня с первого взгляда. Она единственная смотрела на меня враждебно. Меня так возмутила ее молчаливая неприязнь, что я вежливо сказал:

– Простите, я не с вами повстречался недавно чуть ниже туч?

– И основательно ниже, почти у земли, – ответила она холодно. – Вы, кажется, закувыркались от разряда?

– Я потерял управление. Но потом возвратился в район разрядов.

– И это я видела – как вы фанфаронили на высоте.

Она явно хотела меня обидеть. Она была невысока, очень худа, очень гибка. Брови и вправду были слишком массивны для ее удлиненного нервного лица, они больше подошли бы мне, чем этой девушке. Она мало заботилась о своей внешности. Конечно, изменить форму головы трудно, но подобрать брови к лицу просто, другие женщины непременно сделали бы это.

– Не люблю, когда на меня глазают, – сказала она и отвернулась.

Я не нашел что ответить и ушел, почти убежал из-под навеса. Вслед мне закричали, чтобы я возвратился, но ее голоса я не услышал и пошел быстрее. Дождь уже не лил, а рушился, он звенел в воздухе, грохотал на тротуарах и аллеях, гремел потоками. Холодная вода струилась по телу – это было неприятно. Охранительница посоветовала сменить одежду на водонепроницаемую, какую носят на Земле. Пришлось вызвать авиетку и поехать на ближайший комбинат.

Через десять минут я вышел под дождь в обмундировании землянина. На Плутоне ливней, подобных земным, не устраивают, и там мы позабыли, что значит одеваться по погоде. Зато теперь я мог спокойно бродить по улицам. Дождь не ослабевал – вода была под ногами, с боков, вверху. Она рушилась, вскипала, рычала, осатанело неслась. Я запел, но кругом так шумело, что я себя не слышал. Громады Центрального кольца пропали в серой невидимости, посреди дня наступила ночь. Лишь водяная стена, соединявшая полузатопленную землю и невидимое небо, тонко, предрассветным сиянием, мерцала и вспыхивала – дождь сам озарял себе дорогу.

Все это было до того красиво, что меня охватил восторг.

Вскоре чернота туч смягчилась – и день медленно оттеснил искусственную ночь. Стали видны здания и башни причальных станций. Потоки низвергающейся воды утончились в прутья, прутья превратились в нити, нити распались на клочья, клочья уменьшились до капель – дождь уходил на восток. Было шестнадцать часов, гроза заканчивалась по графику. На улицы и в парки высыпала детвора, в воздухе снова замелькали авиетки, в окнах затрепыхались флаги. Солнце жарко брызнуло на землю, с земли понеслись ликующие крики – праздник продолжался.

Я зашел в столовую и, не разглядывая, нажал три кнопки меню. Это была старая игра: выпадет ли, что нравится? Мне повезло: автоматы подали мясные грибы, любимое мое кушанье. Два других блюда – сладенькое желе и пирог – были не так удачны, но, согласно правилам игры, я съел и их. Пора было идти к Вере.

12

Вера ходила по комнате, а я сидел. Она казалась такой же, как прежде, и вместе с тем иной. Я не мог определить, что в ней изменилось, но чувствовал перемену. Она похвалила мой вид:

– Ты становишься мужчиной, Эли. До отъезда ты был мальчишкой, и отнюдь не примерным.

Я молчал. Так у нас повелось издавна. Она выговаривала мне за проказы, я хмуро отворачивался. Нетерпеливая и вспыльчивая, она болезненно переживала мои шалости, а я сердился на нее за это. Отворачиваться сегодня не было причин, но и непринужденного разговора не получалось. О делах на Плутоне она знала не хуже меня.

Она иногда останавливалась, закидывая руки за голову. Это ее любимая поза. Вера способна вот так – со скрещенными на затылке руками, высоко поднятым лицом – ходить и стоять часами. Я как-то попробовал минут тридцать выстоять так же, но не сумел.

Сегодня она была в зеленом платье с кружевами на плечах, кружева прихватывала брошка – зеленоватая змея из дымчатого камня с Нептуна. Вера любит брошки, иногда надевает браслеты – пристрастие к украшениям, кажется, единственная ее слабость. Я наконец разобрал, что в ней изменилось. Изменилась не она, а мое восприятие ее. Я видел в ней то, чего раньше не замечал. Я вдруг понял, что Вера необыкновенно красива.

О ее красоте я знал и раньше, все твердили, что она красавица. «Ваша сестра – греческая богиня!» – говорил Ромеро. Но для меня она была старшей сестрой, заменившей рано умершую мать и погибшего на Меркурии отца, строгой и властной сестрой, – я не приглядывался к ее внешности. Теперь же я не только знал, но и видел, что Ромеро прав.

Она спросила с удивлением:

– Что ты приглядываешься ко мне, Эли?

Я признался, усмехнувшись:

– Обнаружил, что ты хороша, Вера.

– Ты ни в кого не влюбился, брат?

– Жанна приставала с тем же вопросом. По какому признаку вы определяете, что я влюблен?

– Только по одному – ты стал различать окружающее. Раньше ты был погружен в себя, жил лишь своими страстями.

– Страстишками, Вера. Дальше проказ не шло, согласись. Побегать одному в пустыне или Гималаях, забраться тайком в межпланетную ракету – помнишь?

Вера не отозвалась. Она остановилась у окна и поглядела на город. Я тоже промолчал. Мне незачем было торопить ее. И без понукания она объяснит, зачем позвала.

– Ты закончил командировочные дела на Земле? – спросила она.

– Закончил, и вполне успешно. Мы получили все, что запрашивали.

– Павел сообщил, что возобновляешь ходатайство о поездке на Ору. Почему ты стремишься на звездную конференцию? Я не уверена, что ты правильно понимаешь, какие задачи мы ставим себе на Оре. До сих пор ты был равнодушен к тому, что волнует других.

Я засмеялся. За те два года, что мы не виделись, Верин характер не изменился, хотя внешне она показалась мне иной. Каждый наш разговор превращался для меня в экзамен. И я твердо решил не провалиться.

– Не так уж равнодушен, Вера. И я аккуратно слушаю передачи с Земли. А о конференции на Оре всем прожужжали уши.

– Ты не отвечаешь на мой вопрос, Эли.

– Я не дошел до ответа. Вот он, дорогая сестра. Вы собираете на Оре жителей соседних звездных миров, чтобы узнать, что им нужно и что они умеют, завязать с ними дружеские связи, наладить обмен товарами и знаниями, организовать межзвездные рейсы. Задуман проект Звездного Союза, объединяющего всех разумных существ нашего района Галактики... Верно я излагаю?

– Верно, конечно, и вместе с тем уже неверно.

– Не понимаю, сестра...

– Видишь ли, общепризнанные задачи Оры ты рассказал точно. Но открыто так много неожиданного...

Я вспомнил, что Аллан говорил о существах, похожих на нас.

– Ты колеблешься, говорить или нет?

– Просто обдумываю, с какого конца начать. Мы, разумеется, понимали, что нами обследован лишь незначительный участок Галактики, несколько тысяч соседних звезд, и делать окончательные выводы преждевременно, если вообще это когда-либо возможно – делать окончательные выводы... Но, открывая одно звездное общество за другим и обнаруживая, что все они ниже нас по техническому и социальному уровню, мы как-то утвердились в чувстве своей исключительности. Жители Альдебарана и Капеллы, Альтаира и Фомальгаута, даже вегажителли, не говоря уж о бесчисленных ангелах в Гиадах, – все они уступают человеку. Наши звездные соседи примитивней нас – таков факт. И то, что собираем конференцию на Оре мы, а не кто-либо из них, свидетельствует об особой роли человека среди звездожителей.

– А новые данные опрокидывают ваш вариант антропоцентризма? Человек отнюдь не пуп мироздания, правильно я понимаю, Вера?

– Ты всегда торопишься, брат. Мартын Спыхальский, наш руководитель на Оре, доставил записи сновидений ангелоподобных одной из крайних звезд в Гиадах – Пламенной В. Два слова о ней. Она немного горячее Солнца, класса Ф-8, у нее девять планет, тоже мало отличающихся от Земли, и все населены четырех- и двукрылыми ангелами. Уровень общественной жизни низок: примитивная материальная культура, вражда племен, отсутствие письменности и машин. Но в записях излучений их мозга при сновидениях обнаружены факты, каких мы пока не встречали. В снах ангелоподобные с Пламенной В видят существ, похожих на людей, и видят их воистину в трагических ситуациях. Интересно, что бодрствующие ангелы объясняют свои сны как отражения бытующих у них сказок о каких-то высших по разуму и мощи существах.

– А может, это и вправду сказки? Вроде человеческих историй о богатырях и волшебниках?

– Их сказки тоже записаны – они беднее снов. Судя по всему, похожие на людей существа прилетали в Гиады издалека. Кстати, БАМ перевела их название громким словом «галакты», а не «звездожители», как обычно. Это еще не все. Тому, что где-то во Вселенной есть схожие с нами существа, можно лишь радоваться – постараемся познакомиться с ними и завязать дружбу. Но новые открытия вызывают нелегкие размышления. Дело в том, что у галактов существуют могущественные враги, с которыми они находятся в состоянии космической войны, такой невообразимо огромной, что она подходит к границе нашего понимания. Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а планетные системы. Ангелы именуют грозных существ, враждующих с галактами, зловредами.

– Зловреды! Какое нелепое название! В нем есть что-то инфантильное. Для научного термина оно, по-моему, не подходит.

– Думаю, БАМ не случайно выбрала это слово из тысяч других. Очевидно, оно дает самое точное определение их поведения. Другой вариант – разрушители. Интересно, что на вопрос, каковы они внешне, БАМ ответила: «Неясно». И еще неопределенней: «Разные».

– Крепкий же это орешек, если сверхмогущественная БАМ не сумела его разгрызть!

– Очевидно, недостает данных. С названием «разрушители» ассоциируются зашифрованные понятия: «уничтожать живое», «сжимать миры». Завтра ты увидишь на стереоэкране, как это выглядит. Похоже, разрушители владеют обратной реакцией Танева, то есть создают вещество, уничтожая пространство, – без этого миры не «сжать». А галакты противодействуют им. В результате в межзвездных просторах кипит война.

– Это так грандиозно, словно ты описываешь битву богов.

– Я излагаю расшифрованные записи, не больше. И что значит «битва богов»? Нынешнее могущество человека много больше того, что люди когда-то приписывали богам, тем не менее мы люди, а не боги. Луч света далеко отстает от наших космических кораблей – разве это не показалось бы сверхъестественным жителю двадцатого века? В сегодняшнюю грозу ты мчался наперегонки с молниями – вряд ли подобную забаву сочли бы нормальной сто лет назад.

– Ты и об этом, оказывается, знаешь?

– Я следила за тобой. Раз ты в Столице, следует ожидать рискованных чудачеств. Почему ты считаешь этот город лучшим местечком для озорства. На Плутоне ты вел себя сдержанней.

– На Плутоне у меня не хватало времени для забавы. И потом – там отсутствуют Охранительницы. Скажи теперь, Вера, какие выводы вы делаете из информации о галактах и разрушителях?

Вера, задумавшись, ответила не сразу:

– Завтра собирается Большой Совет, будем решать. Но и сейчас уже ясно, что возникли десятки вопросов – и каждый требует ответа. Существуют ли еще разрушители и галакты или информация о них – пережиток катаклизмов, отгремевших миллионы лет назад? Кто из них победил в космической схватке? Может, в непредставимых сражениях погибли обе стороны? Какое отношение имеют к людям так удивительно похожие на нас галакты? И если и те и другие еще существуют, то где они обитают? Впервые в нашей истории мы выходим на галактические трассы – безопасны ли они для нас? Мы вознамерились создать Межзвездный Союз Разумных Существ – не рано ли? Может, следует полностью замкнуться в мирке солнечных планет? Есть и такое мнение, Эли! У нас огромные ресурсы – не направить ли их на строительство оборонительных сооружений? Может быть, возвести вокруг Солнечной системы кольцо искусственных планет-крепостей? И об этом надо поговорить. Словом, множество непредвиденных проблем! И решением некоторых придется заняться тебе, Эли, – с нашей помощью, конечно.

– Значит ли это, что я полечу на Ору, или у меня будет другое задание? – спросил я, волнуясь.

– Как тебе известно, руководить совещанием на Оре поручено мне. Я хочу взять тебя секретарем.

– Секретарем? Что это такое?

– Была в древности такая профессия. В общем, это помощник. Думаю, ты справишься.

– Я тоже так думаю. Тебе придется запросить Большую: подхожу ли я в секретари?

– БАМ уже сделала выбор. Я попросила в секретари человека мужественного, упорного, быстрого до взбалмошности, решительного до сумасбродства, умеющего рисковать, если надо, своей жизнью, любящего приключения, вообще неизвестное, – никто теперь не знает, с чем мы столкнемся в других мирах. И Большая сама назвала тебя. Должна с прискорбием сказать, что ты один на Земле обладаешь полным комплексом сумасбродства.

Я кинулся обнимать Веру. Она со смехом отбивалась, потом расцеловала меня. Я еще в детстве открыл, что, как бы она ни сердилась, достаточно полезть с поцелуями – и через минуту злости ее как не бывало. Лишь врожденная нелюбовь к подлизыванию и умильным словечкам мешали мне эксплуатировать эту забавную черту ее характера.

– Я рада за тебя, Эли! – сказала она. – Хоть сегодня больше поводов для тревог, чем для радости, я рада за тебя.

Я шумно ликовал.

– Ну что же, Вера, – сказал я, успокоившись. – Возможно, на Земле я кажусь сумасбродом. Но эти дурные свойства моего характера могут пригодиться в других мирах.

– Еще одно, брат. Тебе разрешено быть завтра в Управлении Государственных машин. Нам покажут, что удалось расшифровать. Ровно в десять, не опаздывай! – Она встала. – Твоя комната в том же виде, в каком ты ее оставил, улетая на Плутон, – прибрана, конечно.

– Я не хочу спать. Я посижу в саду.

13

В Столице дома опоясаны верандами (через каждые пять этажей) и садами (на террасах каждого следующего двадцатого). Наша с Верой квартира – на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта, внутренней стороны Центрального кольца. Я поднялся выше и присел в саду восьмидесятого этажа. Не помню уже, сколько я там сидел и о чем думал. Путанные мысли переплетались с путанными чувствами – я был счастлив и озабочен. Потом я стал рассматривать ночной город.

В школах учат, что древние мегаполисы ночью заливало сияние прожекторов и люминесцентных ламп. На шумных улицах вечно толклись прохожие. Хоть Столица – город немолодой (ей скоро четыреста лет) и на клочке земли давно уже не возводят таких скоплений зданий, в остальном она современна. Ночью ее магистрали темны и тихи. Я люблю ночные контрасты Столицы – темные проспекты и сияющие полосы этажей. Сверкающая горная цепь Центрального кольца терялась вдалеке, за черным пятном парка вздымалось параллелями освещенных этажей кольцо Внутреннее – неохватно широкая лестница от земли к небу.

Центр Столицы, Музейный город, был неразличим.

Ни пирамиды, ни ассирийские и египетские храмы, ни Кремль, ни собор Святого Петра, ни парижский Нотр-Дам, ни кельнская и миланская готика – ни один из этих великолепных памятников прошлых веков, воспроизведенных на островном клочке земли, ни одна из этих высоких точек, отчетливо видимых днем, в темноте не прорезалась даже искоркой.

Лишь красное полушарие на центральной площади – Управление Государственных машин – было залито светом. Любой из нас тысячи раз видел на стереоэкранах все комнаты и коридоры этого знаменитого «завода мысли и управления», как иногда его выпендренно называют, однако немногие счастливицы могут похвастаться, что побывали здесь. Три важнейших механизма – Большая Государственная, Большая Академическая и Справочная машины – неустанно, днем и ночью, не останавливаясь ни на секунду, трудятся там уже скоро два столетия.

Я смотрел на красное здание и думал, что сегодня в нем распутывают одну из труднейших загадок, когда-либо стоявших перед человечеством, и что, может быть, само будущее Земли зависит от того, правильно ли машины в ней разберутся. И еще я думал, что мне придется умчаться от этого места, где среди ста миллиардов элементов Большой имеется и неповторимо мой уголок в миллион клеточек, моя Охранительница, мудрый и бесстрастный мой наставник и поводырь. Я не раз сердился на нее, называл ее бесчувственной и даже хвастался ироническим отношением к управляющим машинам. Но, по-честному, я привязан к ней, как не всегда привязываются к живому человеку.

Кто, как не она, бдительно отводит от меня опасности, оберегает от болезней и необдуманных шагов. А если меня что-то гложет – разве она не докапывается до причин и, маленькая часть Большой, не ставит их перед всем обществом как важную социальную проблему, если, по ее критериям, они того заслуживают? И разве я не уверен, что когда мне явится полезная идея, то, пусть я сам забуду о ней, Охранительница, подхватив ее, введет в код Большой, а та немедленно реализует или поставит на обсуждение перед всем человечеством – если мелькнувшая у меня мысль стоит такого внимания!

Я думал, что, когда промахнусь, поступлю неправильно, Охранительница промолчит о моих ошибках (лишь бы они не вредили другим) – ни один друг, самый верный, не хранит тайны так, как она!

Нет, для меня она не была просто умно придуманной, умело смонтированной частью огромной машины – она была своеобразной частью меня самого, моей связью со всем челове-

чеством, миллионами рук, протянутых мной каждому человеку! Скоро, очень скоро эти связи ослабеют, если не исчезнут совсем, – Большую с ее ста миллиардами элементов в далекие путешествия не взять!

Мне захотелось в последний раз испытать могущество обслуживающих машин. Я приказал Охранительнице узнать, что за девушка дважды обругала меня. В мозгу засветился ответ: «Справочной для ответа не хватает данных». После лирических размышлений о всесии управляющих машин этот ответ смахивал на насмешку.

Андре любит доказывать, что мы живем в примитивное время, на переходе к совершенному обществу: потребности, особенно духовные, все возрастают, – и половина остается неудовлетворенной. Еда, одежда, жилища, средства передвижения, образование, свободный выбор профессии – блага элементарные, их отпускают вволю, но их мне уже недостаточно, говорит он. Если же я задумаю переменить свои влечения и наклонности или из старика превратиться в юнца, даже Большая разведет своими электронными руками. Воображаю, как бы он посмеялся над моей неудачей со Справочной.

Я прислонился головой к олеандру и стал вспоминать встречи с той девушкой: толкотню у концертного зала, резкий разговор под навесом, где мы спрятались от ливня. Я видел ее – сердитую, темноглазую, с тонким лицом, с высокой шеей и широкими бровями...

– Теперь данных достаточно, – зазвучал голос Охранительницы. – Девушка – Мери Глан, родом из Шотландии, курс проходила на Марсе, куда уезжала с отцом, двадцать три года, рост сто восемьдесят два сантиметра, вес семьдесят пять килограммов, не замужем. Главное увлечение – выращивание растительных форм для планет с высокой гравитацией и жестким излучением.

– Женихов эта Мери Глан не запрашивала? – поинтересовался я.

– Сердечных увлечений не было.

Я продолжал играть в «жениха и невесту» – так эта забава называется в школах. Там Справочную засыпают вопросами о взаимной пригодности, особенно увлекаются этим девочки. Они перебирают по тысяче «женихов», а выходят замуж чаще всего не за тех, кого им рекомендовала Справочная.

– А я бы ей подошел? Какова степень нашей взаимной пригодности?

На этот раз Охранительница передала ответ Справочной секунды через четыре. Воображаю, какую бездну семейных возможностей – нежностей, страсти, объятий, ссор, примирений, недоразумений, бед, обид, радостей, ликований – она рассчитала за это время! Я вдруг услышал презрительный голос Ромеро: «Не кажется ли вам, дорогой друг, что машинная техника нашего времени переросла себя? Раньше такие явления назывались „зашел ум за разум“». Эти слова прозвучали так реально, что я обернулся. Подслушать мои запросы он, впрочем, не мог: тайна мыслей охраняется строго.

Справочная наконец возвестила:

– Ваша взаимная пригодность – десять и три десятых процента. Ее годность к вам – семнадцать и две десятых процента, ваша к ней – два и восемь десятых процента. Развод вероятен на первом месяце семейной жизни, неизбежен – к середине второго.

Я вспомнил, как Ромеро рассказывал смешную историю. Нашлись два романтика, мужчина и женщина, которые до того уверовали в безошибочность Справочной, что всерьез поручили ей отыскать себе пару. И Справочная, перебрав всех жителей Земли, свела именно их – как максимально пригодных для совместной жизни. Дело оставалось за тем, чтобы встретиться и влюбиться. Они встретились и почувствовали друг к другу отвращение.

Я грубо потребовал от Справочной:

– Эта, как ее, Мери, обо мне не запрашивала?

Охранительница обычно разговаривает приятным женским голоском, реже – ворчливым тенорком старичка, еще реже – просто зажигает в мозгу свои ответы. Не знаю, почему так про-

исходит. Кажется, конструкторы не хотели, чтоб люди свыкались с машиной как с человеком. Если это так, то их предосторожность малодейственна. В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: «Нетактично. Не передаю Справочной».

Я потянулся и встал. В мире не существовало девушки, которая интересовала бы меня так мало, как эта Мери. И я уже говорил Андре, что, влюбившись, не буду спрашивать советов у Справочной.

Я пошел спать.

14

На другое утро ничто не показывало, что вчера был праздник.

Если бы в Столице появился никогда в ней не живший человек, он не поверил бы, что ее населяют пятнадцать миллионов, – до того малолюдны и тихи ее улицы.

У входа в Управление Государственных машин я повстречался с Ромеро и Андре.

– Ты не пришел к нам, – сказал Андре. – А Жанна тебя ждала.

– Был важный разговор с Верой.

Оба поздравили меня с назначением.

– Кто из вас уже бывал здесь? – спросил Андре. – Я – впервые.

Ромеро показал нам здание. Все три великие машины – и Большая Государственная, и Большая Академическая, и Справочная – смонтированы в многоэтажных подвалах, мы туда не пошли. Там неинтересно: миллионы рабочих и резервных ячеек на стеллажах, миллиарды действующих элементов, дикая на неопытный глаз путаница коммуникаций – таков облик этих машин.

Зато величественные залы заседаний мы осмотрели. Большой Совет заседает в Голубом, потолок там имитирует звездное небо. Нас пригласили в Оранжевый. Он вмещает около пяти тысяч человек, и к десяти часам утра все места были заняты. Нашей семерке отвели ложу. Впереди размещался пустой куб стереоэкрана. Все, что появляется на экране, передается по стереофонам Земли. Сегодняшнюю передачу должны были смотреть и планеты Солнечной системы – такое ей придавалось значение.

Когда побежали последние секунды десятого часа, в туманном кубе стереоэкрана появился большеголовый человек с глазами навывкате, румяными щеками и седыми усами.

– Мартын Спыхальский, – прошептал Андре.

Я с интересом рассматривал знаменитого астронавта. Его корабли дальше всех проникли в звездные просторы: он побывал в местах, куда ни до, ни после него никто не проник. Для своих лет он выглядел молодцом, даже голос его был по-молодому звучен.

Он рассказал об экспедиции на Пламенную В, и мы увидели все девять планет звезды. Это были заурядные небесные тела, каких множество. Но крылатые обитатели планет вызвали в зале шепот и смех. Они и вправду напоминали ангелов, какими их представляли древние, поэтому открывшие их Чарльз Вингдок и Софья Когут и дали им такое название.

Все ангелы вспылчивы и драчливы, без потасовок у них редко обходится. Нам показали одну такую стычку: пух с крыльев заволок все как туман, а клекот был так громок, что звенело в ушах. И уж совсем убогими нам показались жилища на планетах этой дальней звезды в Гиадах: одноэтажные бараки с такими узкими дверьми, что бедные ангелы не влетают, а вползают в них, сминая крылья. На центральных светилах Гиад живут удобней, там для отдыха и сна воздвигнуты общественные дворцы с широкими входными (вернее – влетными) порталами. А затем одна за другой стали вспыхивать расшифрованные картины снов ангелов Пламенной В.

Сперва мы увидели фигуру, издали поразительно похожую на человеческую. Она выплывала из клубящегося тумана предсна, она разгоралась по мере того, как сновидение становилось глубже. Вскоре стало ясно, что это и человек, и нечеловек, нечто и меньшее, и большее,

чем человек. На нас спокойно взирали огромные – в треть лица – глаза, длинные локоны падали на плечи. Галакт поднял руку, на ней извивались пять пальцев, именно извивались, а не шевелились. Он поскреб подбородок одним из этих подвижных пальцев и положил руку на грудь: два пальца были протянуты вперед, три загнулись назад, к тыльной части ладони. Руки поразили меня еще больше, чем лицо.

На второй картине были малиново-красные скалы, такая же ярко-красная жидкость, бившаяся волнами о камни, и огромное сине-желтое светило, поднимавшееся над ней. У меня похолодела кожа, так был зловещ этот дикий пейзаж. Я не сразу понял, что нам попросту показывают одну из планет Пламенной В.

На скалу поднялся галакт, окруженный ангелами, – он почти вдвое возвышался над ними. Рост его, доложила машина, два метра восемьдесят. В зале зашумели: галакт на полметра превосходил высокого человека. Присмотревшись, я убедился, что это тот самый, что был в первой картине. Он осматривался, ладонью защищая глаза от ползущего наверх пронзительного светила, а другой рукой дружески похлопывал по плечам четырех– и двукрылых недорослей. Из-за скалы поднялся второй галакт, старый, с седой бородой и седыми волосами, и подошел к первому. И старик, и молодой были в одеждах, похожих на древние человеческие, – ярко-зеленых, свободно развевающихся плащах. Оба с какой-то тревогой молча всматривались в красное море.

– Записано на четвертой планете Пламенной В, – доложила БАМ. – Следующая запись сделана на восьмой планете той же системы.

И эта картина началась с пейзажа, но теперь окружающее было серо, почти черно: однообразно холмистая равнина, тусклые звезды на темном небе. На поверхность планеты, отбрасывая снопы зеленоватого света, опускался сигарообразный звездолет.

– Фотонный космический корабль, – сообщила БАМ, – примерно та же конструкция, что разработали наши предки четыре столетия назад.

– Первая ступень космической техники! – пробормотал Аллан. – Негусто у небесных странников.

В следующей картине фотонный звездолет стоял на грунте, а около него возились галакты и ангелы. В руках у галактов были ящики, похожие на старинные сварочные аппараты, из них вырывались лучи и искры. Неподалеку, на холме, возвышалась башня с вращающимся прожектором. Прожектор рыскал по темному небу. Из носовой части звездолета вынеслась ракетка и умчалась наверх. Галакты, похоже, были в тревоге. Не доверяя вращающемуся глазу на башне, они сами, вдруг забрасывая работу, вглядывались в звезды, тускло посверкивавшие на черном фоне. Движения галактов были быстры, работа тороплива – они спешили.

А когда и эта картина потускнела, появились новые записи: туманные полосы, светящаяся пыль, заполнившая весь объем стереоэкрана. В этой пыли выросли два сближавшихся, скудно мерцавших шара. Сближение походило на преследование: правый шар отклонялся к краю экрана, левый его настигал. Пространство залил голубой свет – и забушевал, поглощая оба шара. У меня было впечатление, будто они взорвались от столкновения и их пожирает пламя. БАМ подтвердила, что мы видим столкновение двух пока еще не опознанных небесных тел.

– Предположительно – космическая катастрофа, – сообщила БАМ.

Следующая картина представляла собой звездное скопление, по виду – рассеянное, а не шаровое. БАМ информировала, что оно не идентифицировано, но в видениях крылатых обитателей восьмой планеты повторяется часто. Облик скопления был причудлив, мне он казался угрожающим. Две почти равные половинки – многие тысячи звезд в каждой. Странность была не в обилии светил – в галактике многозвездных скоплений хоть отбавляй. Одна половинка походила на сомкнутый звездный кулак, мощно ударивший во вторую кучку – та словно отлетела, рассыпаясь на сотни разобщенных звезд.

– Последняя из записей, – доложила машина. – Четвертая, седьмая и девятая планеты. Повторяется у многих крылатых. Демонстрируется самый четкий образец.

И сразу перед нами возник галакт. Из всех картин, что мы увидели в зале БАМ, эта была самой драматичной. Галакт, как подрубленный, падал на землю – он именно падал, а не упал, сонное воспоминание начиналось с момента его падения. А потом, уже лежа, он отчаянно бил ногами и взрывал своими подвижными пальцами землю. Он пытался ползти, голова его была поднята – он полз на нас. На шее его зияла рана, кровь широким потоком хлестала на руки и землю. Никогда не забуду его лица – юного, красивого, искаженного испугом и страданием. Потом он в последнем усилии протянул к нам руки, язык его окостеневал, щеки бледнели, одни гигантские, нестерпимо сияющие глаза продолжали молить о помощи. Неотвратимо скользящий смертью, юноша закрыл глаза и только слабо вздрагивал телом, пытаясь бессильным содроганием порвать ее цепи.

По залу пронесся гул – тысячи зрителей разом вздохнули.

– Черт знает что! – вслух ругался бледный Андре. Снова заговорила БАМ.

Академическая машина оправдывала свое название – она описывала и показывала аппаратуру для записи сновидений, оценивала достоверность расшифрованных картин. Крылатые жители Пламенной В, оказывается, не могли растолковать многого из того, что являлось им во снах, – например, ни один из них и понятия не имел о фотонных ракетах и сварочных аппаратах. БАМ рассказала, как полученные некогда сильные впечатления передаются потомкам механизмом наследственности, потом приступила к изложению сказок о галактах и разрушителях, бытующих на планетах Пламенной В. Предания о пришельцах из космоса обнаружены лишь у ангелов этой планетной системы. Вкратце они сводятся к следующему.

В давние времена планеты были мрачны и неустроенны, по земле ползали хищные гады, в воздухе, таясь от соседей, изредка пролетали дикие ангелы. Кровавые свары раздирали крылатые народы, все было предметом драк: почва и воздух, растения и одежда, еда и жилища. Скучная природа рожала мало, кусок по сто раз переходил из крыльев в крылья, из когтей в когти, прежде чем попадал в рот, – так жили неисчислимую бездну лет, ничто не менялось.

Но однажды с неба спустились корабли и из них вышли галакты. Перепуганные ангелы сперва попрятались в пещерах и лесах, потом, убедившись, что пришельцы зла не несут, высыпали в воздух и с клетотом носились над ними, устраивая драки меж собою. Галакты буянов заперли, а войны запретили. Мир и спокойствие понемногу водворились на спутниках Пламенной В. Галакты, однако, чувствовали себя гостями на ее планетах. Они неустанно наблюдали за небом. И однажды ангелы стали свидетелями космической битвы, разразившейся между ними и какими-то их врагами. Небо превратилось в бездну испепеляющего пламени. Две крайние планеты столкнулись и взорвались. На оставшихся были истреблены посевы, сады, города. От созданной галактами цивилизации не осталось и следа.

Когда уцелевшие от огня и голода ангелы выбрались на поверхность из пещер, куда забегали, им предстала ужасная картина разрушений. Крылатые народы сразу были отброшены в первобытное дикое существование. Ни галактов, ни их врагов нигде не было – и больше ни те, ни другие не появлялись в системе Пламенной В.

БАМ так прокомментировала легенды крылатых:

– За орбитой девятой планеты Пламенной В открыты пылевые облака, вращающиеся вокруг центрального светила. Гипотеза, что они представляют собой остатки двух некогда уничтоженных планет, весьма правдоподобна. На всех планетах системы обнаружены следы пожаров, прикрытые последующими напластованиями. По времени это от двухсот тысяч до миллиона лет тому назад по земному счету.

На этом информация, присланная Спыхальским, закончилась. Членов Большого Совета попросили в Голубой зал. Мы вышли.

15

Вера ушла на заседание Большого Совета. Ромеро пригласил нас в висячие сады Семи-рамыды. Авиетки унесли нас в кварталы Месопотамии и Египта и высадили на верхней террасе Вавилонской башни, у храма Мардука с золотой статуей уродливого бога. Мы сошли на среднюю террасу. Здесь уютно и зелено, отсюда хорошо видны ближние окрестности Музейного города – пирамиды слева и античные храмы справа.

Мы уселись у барьера, над нами шумели кипарисы и эвкалипты, странные для пейзажа Столицы. Впрочем, на острове странное – обычно.

– Что вы думаете обо всем этом, друзья? – спросил Андре.

– По-моему, тебя интересует не столько то, что думаем мы, сколько то, что пришло в голову тебе самому, – возразил я. – Поэтому не трать время на расспросы. Мы слушаем тебя.

– Я утверждаю, что наше сходство с галактами не случайно, – объявил Андре. – Мы с ними в родстве, и они раньше построили высокую цивилизацию.

– Машинная техника галактов отстает от нашей, – заметила Ольга.

– Отставала двести тысяч или даже миллион лет назад. Какая она сейчас, мы не знаем. И тогда она была столь высока, что недалеким ангелам галакты должны представляться богами.

– Гонимые по свету боги, к тому же смертные, – съязвил я.

– Да, гонимые боги! – закричал он. – Во всяком случае, таковы они в суеверных представлениях первобытных народов. Для меня галакты – существа как мы. Их надо разыскать и предложить им союз. Сама природа создала нас для сотрудничества. И если они по-прежнему воюют с врагами, мы обязаны прийти им на помощь.

– Человек помогает попавшим в беду богам – зрелище для богов! – хладнокровно сформулировал я.

В разговор вмешался Ромеро.

– Вы спорите о пустяках, – сказал он. – В родстве ли мы с галактами или развились независимо от них – несущественно. Одно важно: где-то во Вселенной бушуют истребительные войны – и они затронут нас, раз мы выходим в галактические просторы. Я считаю, что человечеству грозит опасность. Если враги галактов уже миллион лет назад были способны сталкивать между собой планеты, то как усовершенствовалась с тех пор их техника уничтожения? Их называют разрушителями, «зловреды» лишь бранное слово, – название не случайное, подумайте об этом! И вполне возможно, что галакты давно истреблены, а поиски наших звездных родичей приведут лишь к тому, что человечество лицом к лицу столкнется с грозными разрушителями и в свою очередь будет истреблено. Что мы знаем о Галактике? Поймите же наконец, слепые люди: мы только выползли за околицу нашего земного домика, а вокруг нас огромный, неизвестный, таящий неожиданности мир!

Не могу сказать, что его зловещая речь не произвела на нас впечатления. Имел значение также и страстный тон пророчеств. Впрочем, все пророки страстны, особенно пророки гибели, – уравновешенных просто никто не стал бы слушать.

В этом смысле я и возразил Ромеро – посоветовал не пугать нас и самому успокоиться. В тот день я даже отдаленно не догадывался, какой перелом совершается в Павле. Он заговорил спокойней:

– С вами спорить не буду, Эли. Для вас, друг мой, любая серьезная мысль прежде всего повод для зубоскальства. И с Андре не хочу препираться: он во всем неизвестном отыскивает материал для удивительных гипотез. Думаю, мне надо обратиться не к вам, а ко всему человечеству – и предостеречь его.

– Мы тоже часть человечества, – пробормотал, нахмурясь, Леонид. – И какое-то значение наше мнение имеет.

Ему, как и мне, не понравились предсказания Ромеро. Но вступать в дискуссию Леонид не стал. Среди вещей он ориентируется лучше, чем среди мыслей.

Чтобы отвлечься, Ольга стала рассказывать о придуманных ею усовершенствованиях звездолетов, а я залюбовался Парфеноном. Знаменитый храм был отсюда метрах в двухстах и казался еще гармоничней, чем вблизи. Не знаю почему, но греческая старина мне ближе всего. И я снова подивился искусству, с которым строители Музейного города разместили великие памятники старины: каждый храм и дворец выступает отдельно, в своем естественном окружении, даже сверху нет впечатления путаницы разноликих зданий.

А потом прилетела Вера.

– Мы приняли важные решения, – сказала она. – По общему мнению, сейчас переломный пункт развития человечества – и любой неосторожный шаг может оказаться непоправимым. Но и бездействовать нельзя. Осторожность и смелость – вот что сегодня требуется.

И она заговорила о постановлениях Совета.

Звездная конференция на Оре утверждена. Возможности создания Межзвездного Союза Разумных Существ нашего уголка Галактики будут исследованы со всей полнотой. Поставлена также новая задача – раздобыть побольше сведений о галактах и разрушителях. Лишь после детального знакомства с этими народами и их конфликтами будет выработана всесторонняя галактическая политика: с кем дружить, против кого выступать? Возможен и нейтралитет Земли в спорах, не ею начатых и ее мало касающихся, об этом тоже говорилось. Будет повышена обороноспособность Земли и планет. Опасность из дальних районов Галактики не доказана – как, впрочем, и то, что ее не существует. Совет рекомендует приступить к созданию Большого Галактического флота.

– Принята ваша идея о судах, в десятки раз превосходящих самые мощные нынешние корабли, – сказала Вера Ольге. – Но этих судов будет не два опытных экземпляра, как вы предлагали, а серии в сотни звездолетов. И еще одно, для вас приятное: командование первой галактической эскадрой поручается вам. И ты радуйся, брат, – сказала она мне. – Построить галактические крейсеры на Земле технически невозможно. Решено одну из планет превратить в космическое адмиралтейство, выбор пал на твой любимый Плутон. Вот главное в рекомендациях Совета. Если человечество утвердит их, они станут законом.

После этого Вера извинилась, что не может остаться с нами: у нее неотложные дела.

– Могу я сопровождать тебя, Вера? – спросил Ромеро.

– Да, конечно, как всегда, Павел.

Свободное время на Земле Вера проводит с Ромеро. Раньше, когда я был поменьше, меня это раздражало. Но с годами я примирился с тем, что Ромеро забрасывает ради нее друзей.

16

Мы с Верой и Ромеро улетели с Земли 15 августа 563 года в последней партии.

Перед посадкой в межпланетный экспресс мы совершили прогулку над Землей. Земля была прекрасна. Я любовался ею и Солнцем. Я знал, что мы надолго прощаемся с ними. На трапе Вера помахала Земле рукой, я ограничился тем, что подмигнул нашей старушке. В салоне планетолета я скоро позабыл о ней. Мысленно я уже ходил по Плутону.

Нет ничего скучнее рейсовых межпланетных кораблей – старинных ракет-рыдванов с фотонной тягой. Даже облик их – длинная уродливая сигара – тот же, что и три столетия назад. И плетутся они с доисторическими скоростями – до Луны добираются за пять минут, до Марса – за сутки, а на полет к Плутону тратят неделю. Ни один из этих «экспрессов» не способен идти быстрее сорока тысяч километров в секунду. И гравитаторы не на всех хорошо работают, временами чувствуется увеличение тяжести. Лишь с невесомостью они справляются отлично, но смешно было бы пасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости.

Я просил Веру заказать межпланетный курьер – тот все же способен долететь до Плутона быстрее. Но она ответила, что торопиться не к чему, и все с ней согласилось. Меня с детства раздражает непогрешимость Веры. Главное в ее словах не их содержание, а то, что они – ее. Те же мысли, но изложенные мной, не производят такого впечатления.

– В прежнее время секретари не кричали на своих руководителей, Эли, – возразила она, когда я сказал, что думаю о ее решении.

– Ты еще скажи, что руководители кричали на своих секретарей. И так как это будет твоя мысль, то даже Ромеро признает ее достоверной.

Ромеро и вправду признал эту мысль достоверной. Начальники в старину не церемонились с подчиненными, сказал он. А один русский царь при беседах с министрами нередко прибегал к дубинке. Особенно доставалось его любимцам: в те времена лупцовка считалась одной из форм поощрения. Тогда были в ходу выражения: «Бросить на руководящую работу», «Влупить (или влепить, точно неизвестно) строгача», «Посвятить ударом меча в рыцари» – все это были синонимы продвижения вверх.

Я, однако, не думаю, чтоб рыцарей, выдвигая их на руководящие посты, реально бросали на что-то, рубили мечами и лупили строгачом. Наши предки обожали языковые фиоритуры. По-моему, в описанных Ромеро явлениях бросания на работу, влупления строгачей и посвящения мечом таятся типичные для той эпохи религиозные обычаи и магические приемы.

– Возьмите такой распространенный тогда термин, как «в магазине выбросили товары»! – воскликнул я, воодушевляясь. – Нормальному человеку это представляется бессмыслицей: вещи изготавливались, чтобы их тут же выбрасывали. Но общественная жизнь тех времен полна противоречий. Сейчас нам известно, что тщательно собранным урожаем кофе и кукурузы иногда топили паровозы или сбрасывали эти продукты в море, а ботинки, сошедшие с конвейера, отправляли на другой конвейер, где их разрезали на части. Неужели вы не согласны, что все это делалось из ритуальных соображений? Вообще, доложу вам, предки логикой не блистали. На Плуtone мы как-то просматривали старинную ленту. Оказывается, в прошлом люди – все поголовно – страдали носотечением. Они собирали бесполезные выделения в специальные тряпочки и хранили их там как сокровище, а тряпочки, надушенные и украшенные кружевами, рассовывали по карманам, чтоб кончик торчал наружу... Не скрывали болезнь, а хвастались ею!

Ромеро посмотрел на меня с удивлением. Мне показалось, что он на время потерял голос от новизны моих мыслей.

– Ваши исторические познания внушают мне трепет, – сказал он очень вежливо. – И поскольку вы с такой остротой проникаете в былое, вас, мне кажется, несколько не должно удивлять, что начальники некогда кричали на своих подчиненных, хотя, с точки зрения здравого человеческого смысла, представлялось бы гораздо более естественным, если бы подчиненные орала на начальников, ибо начальники должны стесняться показывать свое превосходство, а чего, в самом деле, стесняться подчиненным?

Известная логика в этом, конечно, была.

17

За Ураном экспрессы разгоняются, и даже наша колымага показала одну десятую световой скорости. Плутон сверкал в иллюминаторах, выросал из горошины в яблоко, из яблока – в футбольный мяч, вокруг него вращались крохотные искусственные солнца, на полюсах вздымались туманные протуберанцы – заводы водяного пара и синтетической атмосферы теперь ежечасно выдавали по десять миллионов тонн воды и по два миллиарда тонн азотно-кислородной смеси. Эти цифры я привел Вере и Ромеро на память.

– Воды пока не хватает, а атмосфера уже сравнима с земной, дышится, как у нас в горах, – сказал я.

– Мне кажется, на Плутоне самое интересное – заводы воздуха, – сказала Вера. – От их работы сейчас зависит, удастся ли нам быстро осуществить проект переоборудования планеты в галактический завод.

На подлете к Плутону Веру заинтересовало скопление гигантских глыб, кружившихся над ним. Их было девять, одна выделялась – гора посреди холмов.

Я сказал очень торжественно, как и подобало в такой момент:

– База Звездных Плугов. А тот огромный – «Пожиратель пространства», флагман Галактического флота. Здесь мы наконец распрощаемся с фотонными ракетами. И здесь мы снова встретимся с друзьями, которые нас поджидают, – Алланом, Ольгой, Андре, Лусином...

18

Звездолеты кружили над Плутоном, ожидая последней партии товаров.

Вера знакомилась с планетой, я сопровождал ее.

Решение Большого Совета о превращении Плутона в галактический завод было принято не на пустом месте – оно было подготовлено всеми предшествующими годами. Это самая рабочая из всех солнечных планет и пока единственный современный межзвездный порт. Когда-то в далекие рейсы корабли уходили с Марса, даже с Земли, но потом люди поняли, что кустарничество в освоении космоса недопустимо.

Сперва мы посетили один из атмосферных заводов. Сооружение шириною километра в два и длиной около десяти продвигалось по поверхности планеты, срезая слой почвы.

Когда мы приехали на завод, его режущая стена подползла к гранитному холму. Холм обваливался на глазах, он таял, как в огне. Вскоре от него не осталось и следа – и завод уполз дальше. На оставленном месте чернел слой искусственной почвы, удобренной, засеянной семенами растений и цветов. Над заводом гремел ветер – тысячи тонн изготовленного воздуха ежесекундно вгонялись в атмосферу. Я удерживал Веру подальше от вихрей, но с нее сорвало шляпу. И тут едва не случилось несчастье: Ромеро кинулся за шляпой, но был опрокинут потоками воздуха – его пришлось выручать. Леонид и я вцепились в Павла, на помощь поспешил Аллан, втроем мы оттянули Ромеро от беснующейся воздушной бездны, куда он едва не угодил.

– Если бы не вы, друзья, я бы сейчас летел под облаками, – сказал он. Он был очень бледен.

– Думаю, вы сейчас перерабатывались бы в кислород и азот, – возразил я. – А еще минут через пять мы дышали бы вами, Павел.

– Как, вероятно, дышим моей бедной шляпой, – заметила Вера. – Почему вокруг завода нет ограждений?

– Здесь нет людей, – объяснил я. – Все три тысячи автоматических заводов смонтированы в пустынной местности.

Я, разумеется, не сказал, что мы не раз катались вблизи них на авиетках, чтобы побороться с искусственной бурей. Зато я обратил внимание Веры на зелень, покрывавшую почву.

– Это всего лишь трава и цветы, но скоро у нас, как на Земле, зашумят настоящие леса.

– Зелень вкусная, – поддержал меня Лусин. – Сочная. Очень.

– А ты пробовал? – спросил Аллан. Он в восторге хлопнул себя по ляжкам. – Братцы, Лусин траву ест! До того дошел со своими синтетическими животными, что перешел на их пищу.

– Не я. Дракон. Пегасы. Нравится. Как на Земле.

Равнина была озарена тремя рабочими солнцами. Одно стояло в зените, другое закатывалось, третье всходило. Я объяснил, что на Плутоне семь рабочих солнц, каждое запущено невысоко и его излучение охватывает лишь малую часть планеты.

– Фиолетово-голубое, которое сейчас заходит, из новейших. А это, в зените, бело-желтое, изготовлено пятьдесят пять лет назад и уже основательно выработалось. Первые колонисты на Плутоне трудились под сиянием одного этого солнца – тогда оно висело неподвижно над северным полушарием, и лишь освещенный им участок был пригоден для жизни. После запуска третьего солнца первое было введено в общий график вращения. Ныне он таков: четыре горячих светила образуют теплый день продолжительностью шестнадцать часов, два красных поддерживают умеренную температуру во время шестичасовой ночи, а одно, оранжевое, переходное, знаменует вечерний отдых.

Всходило как раз оранжевое солнце, но больше я о нем ничего не сказал. Я хотел, чтобы оно само заговорило о себе. Далекое земное Солнце тоже сияло, но, крохотное, с горошину, терялось рядом с искусственным.

– Боже, как красиво! – воскликнула Вера.

Скалы и долинки, молодую зелень и постройки залило оранжевое сияние. Оно было так ярко и глубоко, словно предметы пылали внутренним жаром, не освещенные, а раскаленные. А над ними нависало желто-коричневое небо, тоже словно разогретое до собственного сияния, очень низкое, почти осязаемое, не пустое, как на Земле.

– Нет, как прекрасно! – восторгалась Вера. – И те солнца великолепны, а это просто удивительно.

– Эли делал, – сказал Лусин. – Хорошо! Очень.

– Эли! – Вера повернулась ко мне. – Это седьмое солнце, брат?

– Да, – ответил я. – Мы поработали над ним. Мы хотели, чтобы оно не только приносило пользу, но и украшало нашу молодую планету.

За ужином Вера сказала:

– Грубая и крепкая планета. Жизнь здесь пока малоустроена, но вдохновенна. Я рада, что именно Плутон выбрали для новых великих работ.

Ромеро посмеялся над общим восторгом:

– Грубая, вдохновенная, великолепная – какие странные слова! Жить здесь нельзя, поработать два-три года – допускаю. Нашли в океане космоса каменистый островок, приспособили его под перевалочную базу и восхищаются: как ладно получилось! А пока все это дурная копия ничтожной части того, что имеется на Земле и чем, я согласен, можно восхищаться.

Говоря это, он уписывал пирожки с синтетическим мясом и запивал их фруктовыми соками – не думаю, что еда на Плутоне казалась ему дурной копией земных яств.

19

Я пока еще понятия не имел, в чем заключаются обязанности секретаря, но лоботрясничать не приходилось и без загадочных секретарских дел.

Я основательно изучил недра Звездных Плугов: побывал и на складах с миллионами тонн запасов, и в цехах, вырабатывающих любую продукцию из любого сырья, и на улицах жилого города, и в сердце корабля – отделении аннигиляторов Танева, самом необыкновенном заводе в мире – заводе, производящем вещество из пустого пространства и пустое пространство из вещества. Когда этот завод запущен, кругом на многие светогоды, на триллионы километров сминается или разлетается межзвездный космос.

Я приведу лишь одну потрясающую цифру, она волнует меня: мощность аннигиляторов Танева в самом крохотном из Звездных Плугов достигает двух миллионов альбертов, а в «Пожирателе пространства» превышает пять миллионов! Все электростанции Земли в конце

двадцатого века старой эры не способны были выработать и трех миллиардов киловатт, то есть не достигали трех альбертов!

И эта исполинская мощь может быть полностью превращена в сверхсветовую скорость, вся до последнего грамма будет работать на аннигиляторы хода. Но если непредвиденная помеха внезапно появится на пути корабля, мгновенно заговорят другие аннигиляторы – и в старом космосе добавится новой пустоты взамен испепеленного препятствия! Еще не существовало механизмов, защищенных так грозно, как наши галактические корабли, – так мне тогда казалось.

Я выложил свой восторг Ольге. Она посмотрела на меня с недоумением.

– Ты увлекаешься, Эли. У звездолетов мощности немалые, но для глубокого проникновения в Галактику их не хватит. К тому же мы не знаем, кто нас ждет впереди – друг или враг, и если враг – как он вооружен? Я допускаю, что техника таинственных разрушителей выше нашей.

С Ольгой нужно заниматься вычислениями, а не разговаривать. Робот оказался бы ей приятным собеседником. Она вполне соответствует своему высокому посту – адмирала эскадры межзвездных кораблей.

– Не расстраивайся, – посоветовал я. – Как-нибудь добредем до Оры и на твоих маломощных суденышках. А что до разрушителей, так ходят слухи, что все они повымерли миллион лет назад.

Ольга так и не поняла, что я смеюсь. Она слушала меня и улыбалась. Если бы я не отошел, она могла бы слушать и улыбаться часами. Ее золотистые волосы приглажены волосочек к волоску, светлые глаза всегда добры, щеки румяны каким-то своим, очень спокойным, уравновешенным румянцем... Меня раздражает и десятиминутный разговор с ней. Если бы меня назначили адмиралом галактической экспедиции, я бы сутки рычал, ревел, хохотал и топал ногами. А она даже не обрадовалась!

20

Андре уединяется с Жанной. Разлука дается им нелегко. Жанна пополнела так, что заметно и посторонним. Роды назначены на 27 февраля и пройдут нормально, я сам читал в прогнозе. Но Андре прогнозу не доверяет.

Мы третий день живем на корабле, и Жанна с нами. Древний обряд расставания решено провести на планете. В полдень со всех кораблей устремились планетолеты с провожающими и отбывающими обратно на Плутон. Я был с Ромеро. Он не пропустит случая поучаствовать в старинном ритуале, а мне хотелось еще разок пройтись по планете.

Мы высадились в порту, когда выкатывалось оранжевое солнце. Ромеро назвал это добрым предзнаменованием, хотя мы заранее знали, что прибудем к его дежурству. На Ору летит около восьмисот человек, провожающих вряд ли меньше. Никто не уходил далеко от планетолетов, но мы с Ромеро зашагали по каменистым россыпям и присели на бугорке. В сиянии оранжевого солнца равнина светилась, как подоженная.

– Скажите, Эли, – спросил Ромеро, – нет ли у вас ощущения, что вы навсегда прощаетесь с этими местами?

– С чего бы это? Нет, конечно!

Когда мы возвращались обратно, Ромеро показал тростью на Жанну с Андре.

– Прощание Гектора с Андромахой. Нам придется стать свидетелями нежных объяснений.

Мы остановились так близко, что слышали их разговор.

– Скорее бы улетали! – говорила Жанна. – Я измучилась от провожаний.

– Не нарушай режима! – отвечал Андре. – Еда, работа, прогулки, сон – все по расписанию! Я спрошу отчет, когда вернусь.

– А ты не болей. И если попадутся красивые девушки с других звезд, не заглядывайся на них. Я ревнива.

– Ревность – истребленный пережиток худших времен человечества.

– Во мне этот пережиток не истреблен. Ты не ответил, Андре, меня это тревожит.

– Успокойся! На Ору людей не привезут, а влюбляться в ящериц или ангелиц я не собираюсь.

Я взял Ромеро под руку, и мы прошли в планетолет.

– Какова взаимная пригодность этих голубков? – спросил Павел. – Они уже третий год не могут оторваться друг от друга.

– Большая не выдает личных тайн, а сами они не откровенничают. Я не могу вам ответить, Павел.

Странно все же устроен человек. Ничего я так не желал, как поездки на Ору. Но, когда я смотрел в иллюминатор на удаляющийся Плутон, мне стало грустно. Мы жаждем нового и боимся потерять старое. В одну руку не взять два предмета, одной ногой не наступить на два места, но, если покопаться, мы всегда стремимся к этому, – не отсюда ли обряды прощания с их объятиями, слезами и тоской?

При мысли, что кто-то заменит меня на Плутоне и восьмое, прекраснейшее из солнц создадут без меня, я расстроился. Черт побери, как говорили в старину, почему мы не вездесущи? Что мешает нам стать вездесущими? Низкий уровень техники или просто то, что мы не задумывались над такой проблемой? Почему каждый из нас – один и единственный? Лусин запросто творит новых животных, воздействуя на гены зародышей, – разве трудно продублировать себя в пяти или шести одинаковых образах? Две Веры, восемь Ромеро, три Андре – один создает новые дешифраторы, второй любит свою Жанну, третий уносится к галактам! Уехать, но оставить себя, одновременно быть и отсутствовать – нет, это было бы великолепно!

– Ручаюсь, что вы нафантазировали что-то немислимое, – сказал Ромеро.

Я опомнился:

– Прощание Андре навело меня на мысль, что мы еще далеко не так удобно устроили свою жизнь, как всюду хвалимся.

– Желания всегда опережают возможности. Недаром Андре жалуется, что половина потребностей остается неудовлетворенной, – для острого словца он путает их с желаниями. Кстати, он все еще прощается – посмотрите.

Андре не отрывался от иллюминатора. Планета уменьшалась, по ее диску катились три солнца – издали они казались ярче, чем были в действительности.

Я отвернулся от Плутона. Впереди выросла похожий на исполинскую чечевицу «Пожиратель пространства», в стороне, сохраняя дистанцию, висели остальные галактические корабли. Только издали можно было охватить одним взглядом эти громадины. В борту звездолета раскрылся туннель космодрома, и мы устремились на посадку.

21

На второй день полета я выбрался в командирский зал, откуда управляют движением звездолета, полую сферу с куполообразными экранами с боков, сверху и снизу – звездным пространством на всех координатных осях. Посреди зала в силовых полях – пять свободно, по мысленному приказу, вращающихся кресел. В центральном – Ольга, с боков ее помощники – Леонид и Осима, низенький, очень энергичный капитан. На боковине кресел – поворачивающийся бинокль с огромным увеличением.

В зале было темно. Пассажиров сюда не пускают, но для меня Ольга сделала исключение.

– Завтра в двенадцать переходим с фотонной тяги на аннигиляцию пространства, – сказала она вскоре после отлета. – Приходи в восемь ко входу в зал.

Без двух минут восемь я подошел к заветной двери. Никто меня не встретил, я постучал – ответа не было. На последней секунде восьмого часа дверь распахнулась, и что-то мощно высало меня в темноту.

Ошеломленный, я вскрикнул – и тут же почувствовал, что сижу в кресле. Обычно мы приноравливаемся, чтобы разместиться поудобней, – но здесь линии поля сами выбрали для меня наилучшую позу. В этом я разобрался потом, а в первый момент меня охватил ужас. Я был словно выброшен вовне, в безмерность космоса, – звезды над головой и под ногами, справа и слева, передо мной и позади! Я услышал спокойный голос Ольги:

– Ты, кажется, застонал, Эли?

Я сделал усилие, чтобы голос не дрожал:

– Это от восторга. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Рассказывай, что тут к чему?

Ольга объяснила, что в зале нет ни верха, ни низа, все направления равноправны. Она тут же хладнокровно перевернулась вниз головой. Я последовал за ней, и та часть неба, что была под ногами, встала над макушкой. Все совершалось так, как если бы верх и низ поменялись местами: тело мое по-прежнему плотно прижималось к креслу.

– Мы могли бы передвигать звездную сферу, – заметила Ольга. – Но тогда картина была бы одинаковой для всех наблюдателей. У нас каждый исследует свой участок неба, не мешая остальным. Силовое же поле создает ощущение, будто голова вверх.

– Как узнать направление полета? Здесь темно – и всюду звезды.

– Пожелай увидеть – и увидишь.

Кресло описало полуоборот. Теперь передо мной сияло созвездие Тельца, в нем дико посверкивал оранжевый бычий глаз – Альдебаран, призрачно, на границе видимости, светились Гиады. В сторонке, похожие на клубок сияющей шерсти, горели Плеяды, или Стожары. Я пока не находил изменений в рисунке созвездий. Я поискал Большую Медведицу – ковш как ковш, я тысячи раз видел его таким.

Ольга рассмеялась:

– Ты нетерпелив. Мы в полете меньше суток и идем на фотонной тяге. От Плутона нас отделяют миллиардов десять километров. Этого недостаточно, чтобы изменились созвездия.

Скорость звездолета определялась по параллаксу ярких звезд относительно шаровых скоплений на границах Галактики. В темноте призрачно засветились две шкалы. На одной были досветовые скорости, на другой – сверхсветовые, первая действовала при фотонной тяге, вторая – когда включались аннигиляторы Танева. На досветовой шкале колебался зайчик – мы шли на трети скорости света.

Я повернулся назад, чтоб поглядеть на другие звездолеты, но не нашел даже точек. Ольга показала, как пользоваться биноклем. Теперь я видел все восемь кораблей, веером идущих за нами на отдалении в миллиард километров. Это была дистанция безопасности: дальнейшее сближение могло затруднить маневрирование судов.

– А когда мы уйдем в сверхсветовую область, мы вообще перестанем их видеть, – сказала Ольга. – Там есть лишь одно средство координировать полет – заранее рассчитанный график движения.

– Лететь, не видя друг друга, не умея передать нужную информацию!.. Вслепую и вглухую!..

– Что поделаешь, Эли! Звездолеты в сотни раз обгоняют свет, а другого природного агента связи, движущегося со скоростью наших кораблей, мы не знаем.

На некоторое время я увлекся биноклем. Я мысленно задавал увеличение и тут же получал его. В такой прибор с Плутона можно было бы видеть на Земле все города и реки. Осима

сказал, что фотонные умножители – так называются эти галактические бинокли – изобретены недавно и на звездолете опытный экземпляр.

Принцип действия прибора иной, чем у телескопов. Те лишь собирают звездный свет – этот его усиливает, умножая число уловленных фотонов. По существу, это не прибор, а оптико-квантовый завод, перерабатывающий полученную скудную информацию в удобную для наблюдения. Бинокль на ручке кресла – лишь ничтожный элемент умножителя, основные механизмы которого размещены в недрах звездолета.

До меня донесся глуховатый голос Осимы:

– Через минуту включаю аннигиляторы пространства.

Все совершалось буднично и невыразительно: ни толчков, ни грохота, ни вспышек, ни перегрузок. Кровь не бросилась мне в лицо, в ушах не зашумело. «Пожиратель пространства» уже не летел в пространстве, но уничтожал его перед собой. Ничто в зале не изменилось. Правда, звезды впереди как бы затянуло маревом, но и это продолжалось недолго.

– Повернись назад, – посоветовала Ольга. – Там будет новое.

Однако и позади я не обнаружил чего-либо поразительного. Лишь потом я заметил за кораблем ту же дымку, что впереди, но более плотную, – звезды сквозь нее казались тусклей и красноватей. Это было вещество, созданное самим звездолетом: космическая пустота, сжигаемая аннигиляторами Танева, становится пылевым облаком. На одном параллаксометре была все та же треть скорости света, быстрота нашего движения в пространстве, но на другом мерцающий зайчик перевалил за двадцать световых единиц – так бурно пожирало пространство аннигиляторы. Восемь точек, веером выстроившихся за нами, пропали. И сами мы стали невидимы для других звездолетов. «Нырнули в невидимость», – сказал я про себя.

Хоть я не ощущал перемен ни в окружающих предметах, ни в далеком звездном мире, в котором мы так ошалело неслись, мне стало страшно от сознания того, что я двигался с такой быстротой.

– До каких величин будет расти скорость? – спросил я.

– Она непрерывно увеличивается, – разъяснил Осима. – Сегодня мы ограничимся ста единицами, а потом доберемся до двухсот.

Ольга добавила:

– До Оры двадцать парсеков, шестьдесят светолет. Нам задано добраться туда за три месяца. Приходится торопиться, Эли.

Я поднимал и опускал умножитель. Пылевой туман позади сгущался. Пять-шесть полетов такой армады звездолетов, размышлял я, и из Галактики выхватится основательный кусок пространства, а взамен его образуется новое космическое тело – пылевое облако, «сотворенное из ничего», как сказали бы наши предки. Неудивительно, что запуск аннигиляторов Танева в окрестностях Солнечной системы запрещен.

Когда Ольге пришло время сдавать дежурство, меня высосало наружу тем же способом, что и втягивало внутрь. У входа я повстречался с Леонидом. Его сумрачные глаза недобро засветились.

– У меня было разрешение, – сказал я.

– Не сомневаюсь, – холодно ответил он. – Наш строгий адмирал очень добр к тебе.

Этот пустячок – встреча с Леонидом – порядочно испортил мне настроение. Для пассажиров устроен обсервационный зал, побольше командирского, но по тому же образцу: невесомость, силовое поле, вращающиеся кресла, бинокли умножителя. Оттуда, правда, нельзя распоряжаться механизмами корабля, но и в командирском зале я не командовал, а наблюдал.

«Буду ходить в обсервационный зал», – решил я.

22

Ору мы увидели на сорок восьмой день путешествия. Знаменитая искусственная планета предстала крохотным пятнышком в умножителе.

День уходил за днем, а она не увеличивалась. Так будет до конца полета. Ора вырастет вдруг, а до той поры останется точечкой в пространстве.

Единственное осязаемое свидетельство пройденного пути – изменение рисунка созвездий. Звездный мир становился незнакомым, и его незнакомость все увеличивалась.

Сперва преобразился Орион, от него оторвалось блестящее его окружение – Капелла, Поллукс, затем и само созвездие сжалось и переместилось. Большая Медведица особо не изменилась, зато Сириус бурно полетел влево от нас, потом повернул назад и стал уменьшаться. Через месяц путешествия мы удивлялись: неужели вон та скромная звездочка – красивая, конечно, красоты у нее и сейчас не отнять, – неужели это и есть прекраснейшее из светил земного неба? А за Сириусом пришла в движение торжественно-холодная Вега: она покинула созвездие Лиры и устремилась к Змееносцу и Скорпиону. Одни звезды ступенькивались, другие выплывали, на небе разгоралась исполинская Капелла, явственней очерчивались Гиады, жарче пылал Альдебаран – мы мчались в их сторону. Лишь Плеяды, маленькое туманное пятно, клубок сияющей шерсти, не увеличивались: они были так далеко, что наше движение не сказывалось на них.

И вовсе не менялся Млечный Путь, исполинская звездная река Вселенной, поток миров, выхлестывающий на берега. Мы можем годами мчаться с этой нашей многократно сверхсветовой скоростью – грандиозный и недоступный, он будет оставаться тем же.

Чаще всего мы глядели назад, на оставленный звездный край.

В той стороне звезды, сорвавшиеся с разных участков неба, сбегались в одно созвездие, оно оконтуривалось, становилось чем-то единым. Вскоре оно напоминало вытянутый параллелограмм, граничные линии отчеркивались Фомальгаутом и Альтаиром, Вегой и Арктуром, Сириусом и Капеллой, а в центре сияли Солнце, Поллукс и альфа Центавра. Это был наш мир, родина человечества, Солнце и его соседи!

И хоть Солнце, превратившееся в звездочку пятой величины, ничем не выделялось среди тысяч таких же скромных звезд и остальные светила нового созвездия потускнели в сравнении с тем, как выглядели с Земли, их вид волновал нас. Нет, оно было красиво, это собрание неярких звезд! «Солнечный мешок» – назвал я его. Мы были вытряхнуты из этого мешка в космическую пустоту и падали, все падали в безмерность звездной бездны!

Вскоре в окружающем Ору пространстве появились признаки жизни. Мы приближались к узловой станции в космосе – пересечению великих галактических дорог. Ольга выключила аннигиляторы Танева, теперь мы снова шли на фотонах. Остальные корабли эскадры, вынырнув из сверхсветовой области, стали видны в умножителе.

А потом Ора из точки превратилась в горошину, горошина стала апельсином. Теперь нами командовал диспетчер межзвездного порта. Судя по голосу, это была девушка – решительная, четкая, звонкая. Она велела нам перестроиться: первыми опускались на Ору малые корабли, «Пожиратель пространства» замыкал эскадру.

Ухваченные силовыми полями планеты, звездолеты один за другим продвигались к назначенным местам. Нигде так сложно не швартуются, как на Оре. Это объясняется тем, что корабли опускаются прямо на поверхность, а не превращаются на время в спутников планеты, куда прибыли.

Отведенная для больших кораблей равнина космодрома напоминала горную страну – кругом вздымались причалившие раньше нас звездолеты. «Пожиратель пространства» покачивался в тормозном поле, медленно приближаясь к своему участку. Мы обошли стороной

неподвижное искусственное солнце – оно притушило сферу, чтобы вблизи не извергать на нас радиацию.

Перед нами, сколько хватал глаз, простиралась поверхность искусственной планеты – самое величественное из созданий человеческого ума и рук! Вот она, вот она, зелено-вато-серая, залитая сиянием, суровая, вдохновенная рабочая площадка Вселенной – здравствуй, Ора, сердце мое!

Корабль замер, плотно усаженный на тормозном поле, и к его шлюзу устремился полупрозрачный трап. Я не стал дожидаться, пока меня как пушинку вытянет наружу, и, заорав, покатился вниз. На меня свалился хохочущий Андре, на него – Вера и Павел.

Наша забава не понравилась диспетчеру порта. Невидимые руки грубо швырнули нас в разные стороны, несколько секунд мы повисели в воздухе, словно ухваченные за шиворот, затем мягко опустились.

– Как девчонка!.. Как девчонка!.. – говорила Вера, смеясь. – Что ты делаешь с нами, Эли!

– А здесь не любят шутить! – заметил Ромеро, он первый, разумеется, обрел серьезный вид. – Встретили нас не слишком любезно.

Мы были на Оре!

23

Прежде чем перейти к событиям на Оре, я должен поговорить о ней самой. Нет темы, столь захватывающей, как Ора. Детьми мы грезили о ней, взрослыми стремились на нее. Сейчас, в наш 563 год, мы способны возвести сооружения пограндиознее Оры. Но такой близкой каждому человеку, как она, уже не будет. Ее придумали наши прадеды, возвели отцы. Это было первое крупное космическое сооружение, заранее рассчитанное и спроектированное. Сто четыре года человечество жило мыслями об Оре, работало на нее, пело и мечтало о ней, и почти половину этого столетия заняло не возведение, а придумывание ее.

Ору задумали как галактическую гостиницу, как место, пригодное для всех форм жизни, – она многообразна, как жизнь. Естественные планеты, как бы их ни оборудовали, не годились для такой цели. Ора – не планета, заставленная механизмами, а механизм, выросший до размеров планеты. И на таком отдалении от Земли ее поместили для того, чтоб она была поближе к нашим звездным соседям: Ора возведена в геометрическом центре нашего звездного района.

К тому же это первое в истории человечества небесное тело, сотворенное из вакуума, из «ничего», по терминологии древних. Флотилия Звездных Плугов многие годы стучала пространство в этом уголке Вселенной – космическая пыль закружилась между Тельцом и Гиадами новой туманностью. Воистину они напылили, эти машины! А потом пыль уплотняли, формируя в металлы и минералы, газы и воду, – выстилались равнины, возводились холмы, устанавливались здания.

Необычна и форма Оры. Конструкторы отказались от шара, в шаре много лишнего – практически используется лишь его поверхность. Ора – плоскость. Ее расстелили в космосе гигантским листом. Толщина почвенного покрова – несколько метров, а под ним – десятки этажей машин, создающих на своих участках заданные условия существования. Я бы сказал еще так: Ора – это ящик, заполненный механизмами и накрытый крышкой, а крышка ее – жилистая поверхность планеты.

Уникально и солнце Оры – другого такого пока нет: оно недвижно подвешено над центром планеты. Здесь оно всегда в зените, а в других районах видно под постоянным углом. От вращающегося солнца вроде тех, что мы запустили на Плутоне, отказались именно потому, что Ора – плоскость, а не шар. Но это не помешало устроить правильные чередования дня и ночи, рассвета и сумерек, и притом так остроумно, что, уверен, схожие конструкции солнц появятся

вскоре и на других планетах. Солнце на Оре управляемое, температура его меняется по графику: на рассвете оно тусклое, потом разгорается, свирепеет до белокалильного жара, снова ослабевает, становится из желто-белого красноватым, меркнет совсем и через некоторое время опять зажигается, но уже холодным лунным светом – и работает не во весь диск, а по долям, согласно расписанию ночных фаз. Полный цикл изменений активности охватывает двадцать четыре земных часа – чтоб люди не отказывались от привычек, усвоенных с детства.

И последнее – воздух! Нигде нет такого воздуха, как на Оре, Атмосфера создана по образцу земной, но на старушке Земле я никогда не дышал так легко, так радостно, так весело. Дыхание на Оре не потребность, а наслаждение. Уверен, местный воздух не только ароматен, но и калориен. В старину шутили: «Питаться святым духом». Когда-нибудь я попытаюсь покормиться одним здешним воздухом.

Такова Ора.

24

На второй день Вера сказала:

– Итак, начинается наша работа, Эли. Ты свои обязанности, конечно, знаешь?

Я их, конечно, не знал. Вера объяснила, чего от меня ждет. Секретарствовать оказалось несложно. Для начала нужно было всюду ходить с Верой и помогать ей. Хожу я хорошо, а что до помощи, то до сих пор она помогала мне, не я ей, – думаю, так будет и впредь.

– Сейчас идем на совещание к Спыхальскому, он доложит, как они выполнили решение Большого Совета.

Спыхальский торжественно поздравил нас с прибытием. Доклад его был неутешителен. Получив предписание с Земли, Спыхальский разослал специальные экспедиции во все звездные окрестности. Но на звездах вне Гиад о галактах не слыхали, а в Гиадах ничего нового не узнали.

– Правда, к нам на Ору с девятой планеты Пламенной В привезли одного четырехкрылого молодца с яркими сновидениями о галактах, – сказал Спыхальский. – Вы сможете с ним потолковать. Он захулиганил и сейчас отделен от собратьев. К людям он относится с уважением, но своих не переносит. Между прочим, мы открыли любопытный астрофизический факт: Гиады удаляются от других звезд.

– Какая же это новость, Мартын Юлианович? – поинтересовалась Ольга. – Еще наши предки знали, что Гиады удаляются от Солнца.

– От Солнца – да, – ответил Спыхальский. – Уходят от Солнца и приближаются к другим звездам. Но расстояние между ними и окружающими светилами растет по всем координатным осям.

– Вы хотите сказать, что Гиады генерируют вокруг себя новое пространство? – спросила Ольга с удивлением.

– Да. Очевидно, какая-то часть вещества в Гиадах аннигилирует. Причины этого явления пока не установлены.

Я посмотрел на Андре. У Андре был взволнованный вид, он что-то горячо доказывал Лусину, тот лишь покачивал головой. Я не сомневался, что Андре уже придумал теорию, полностью объясняющую выпадение Гиад из окружающего звездного мира.

В заключение Спыхальский сообщил, что на Ору приглашены представители всех звездных народов, населяющих окружающие Солнце светила. Звездожители поселены в гостиницах, создающих привычные им условия жизни.

– Через час отправимся в гости к звездожителям, – сказала мне Вера. – Позаботься о дешифраторе.

Я подошел к Андре.

– Даже издали видно, что ты нафантазировал что-то ошеломляющее. Ну, обрушивай на мою бедную голову.

– И обрушу! – закричал он запальчиво. – Твоя усмешка меня не смутит! Только глупцы заранее издеваются над тем, о чем и краем уха еще не слышали.

– Выделяю тебе не край уха, а полностью два.

Андре, смягчившись, с увлечением изложил родившуюся у него гипотезу. Должен признаться, что и меня она захватила – если не правдоподобностью, то яркостью. Андре полагал, что удаление Гиад от всех светил – следствие когда-то бушевавшей в этом скоплении космической схватки галактов с разрушителями. Одна воюющая сторона уничтожала пространство, сталкивая планеты, другая уничтожала вещество, превращая его в пространство, чтоб не дать планетам обрушиться друг на друга. Короче, были одновременно запущены обе реакции Танева – и прямая, и обратная. Прямая давно исчерпала себя, а обратная – превращение вещества в пространство – продолжается, и в результате Гиады медленно погружаются в созданный некогда провал в космосе.

– Этот провал и в наши дни расширяется! – энергично закончил Андре. – А питает его та пыль, что образовалась после взрыва планет. Я утверждаю, что это не простая пыль, а аннигилирующая. Хочу попросить Большой Совет направить в Гиады экспедицию для проверки моей гипотезы.

– Ладно, проси! – разрешил я. – А я попрошу у тебя дешифратор. Ты пойдешь знакомиться со звездожителями?

– Хочу навестить крылатого буяна, которого поселили отдельно. Дешифратор возьмешь у меня в номере.

В номере у Андре я с сомнением поглядел на солидный чемодан, последний вариант того ДП-2, что так подвел Аллана в Малом Псе.

– Теперь он называется малым универсальным, а не переносным, – сказал Андре. – ДУМ, понял?

– Дело не в названии.

– Название отвечает сути. Каждый дурак, посмотрев шкалу настройки, сумеет общаться с любым разумным звездожителем. Забирай и проваливай, Эли!

Я пожелал Андре, чтоб сварливый ангел вцепился ему в кудри. Андре хохотал, глядя, как я сгибаюсь под тяжестью дешифратора. Но я вызвал авиатележку и не торопясь удалился, а тележка с прибором колыхалась на уровне моего плеча – ее тянуло мое индивидуальное поле. На Оре все снабжаются такими полями.

Вера с Ромеро уже ждали меня в ее номере. На улице нас встретил Спыхальский. Он поинтересовался, к кому мы пойдём в гости раньше других.

– К тем, что всех интересней, – сказал я.

Спыхальский улыбнулся странноватой улыбкой – косой, не оживляющей, но словно бы перерубающей лицо: один ус поднимался, другой опускался.

– Мне все интересны, юноша. А вас что больше интересует – ум или красота? Умом они нас не превосходят, а что до красоты... Впрочем, сами увидите.

То, что мы увидели в гостинице «Созвездие Тельца и Возничего» – она была первой, куда мы вошли, – на меня особенного впечатления не произвело. Обитателей Капеллы и Альдебарана – это были первые мыслящие существа, открытые нашими звездопроходцами, – часто показывали в стереопередачах, в них все было знакомо. Конечно, было удивительно, что существа, похожие на земных бегемотов, способны внятно рассуждать, а целый пояс глаз – в сумме все они видели не больше наших двух – способен был восхитить не одного Лусина. Общение с ними не шло дальше разговоров о еде, о тепле, о силе тяжести (массивные альдебаранцы особенно к ней чувствительны).

Мы познакомились с одним из них и еле вытянули из него несколько слов. Он недоверчиво оглядывал нас поясом выпуклых глаз, и, по-моему, только уважение к хозяевам дома мешало ему повернуться задом. Впрочем, у этих странных существ круговой обзор – возможно, он с самого начала стоял к нам спиной.

Первая встреча с обитателями иных миров показалась мне скучноватой. Ромеро, когда мы уходили, сказал, пожимая плечами:

– Не знаю, насколько эти существа разумны, но очень уж они нечеловечны... Я имею в виду их облик.

– Что вы называете человеческим? – спросил Спыхальский Ромеро. – Тонкие талии и бледность кожи?..

– Лучше бледность и полупрозрачность, чем непроницаемая массивность. Тонкая талия также устраивает меня больше, чем туша. И я предпочел бы два синих глаза, а не сорок восемь бесцветных.

Спыхальский удовлетворенно мотнул головой:

– Сейчас мы навестим посланцев Альтаира. Если вы не признаете их сверхлюдьми, я и не знаю, что вам требуется.

25

После этих слов я с нетерпением ждал встречи с альтаирцами. Гостиница «Созвездие Орла» была металлической, без окон, – ящик, поставленный на землю. В вестибюле мы надели скафандры, прозрачные и гибкие, и вошли в высокий пустой зал. Единственным его украшением (если, конечно, это можно назвать украшением) был пояс прожекторов, протянувшихся чуть ниже потолка.

Спыхальский посмотрел на нас с насмешливым торжеством.

– Почему вы так невежливы, дорогие земляне? Вас окружают приветливые альтаирцы, жаждущие беседы с людьми, а вы словно воды в рот набрали.

Ромеро с недоумением поворачивался, пытаясь что-нибудь уловить в пустоте.

– Сдаюсь, – признался он. – Ничего не понимаю.

Пояс прожекторов тускло засветился. И мгновенно вокруг нас зажглись полупрозрачные силуэты, зеленые и фиолетовые. Это, несомненно, были живые существа, но они смахивали на призраков: не то гигантские пауки на тонких ножках, не то шары с жесткими волосиками. Они отталкивались от пола ногами-волосиками и скапливались вокруг нас: мы были окружены облаком альтаирцев.

– Паукоподобные из созвездия Орла, – сказала Вера, перехватив иронический взгляд Спыхальского. – Жизнедеятельны лишь под жестким облучением.

Я задал дешифратору программу: «Район Орла, жесткое излучение». Ромеро не пожелал признать себя побежденным. Вера, пользуясь дешифратором, как передатчиком, беседовала с альтаирцами, а он прошептал мне на ухо:

– Существа эти, пожалуй, прозрачнее наших медуз. Но изящества в них не больше, чем в медузах.

Пока альтаирцы реяли вокруг Веры, Спыхальский рассказал нам с Ромеро об их жизни.

Альтаир – звезда класса А с температурой поверхности девять тысяч градусов, в его излучении жесткие компоненты сильнее, чем в излучении Солнца. Белковые организмы, попав на планеты Альтаира, вскоре были бы истреблены беспощадным светилом. И вот совершилось чудо приспособления: жизнь превратила в свое животворное начало именно то, что несло ей смерть. Клетки в организмах альтаирцев функционируют лишь под действием жестких лучей, исторгаемых звездой. Каждое из этих существ, окружавших нас, само являлось источником радиоактивности, даже их мысли несут в себе смертельную радиацию – они мыслят, убивая.

Образ жизни этих опасных для нас, но добродушных созданий забавен: они просыпаются и становятся видимыми на рассвете, когда Альтаир поднимается, в полдень их активность максимальна, а к вечеру, когда поток рентгеновских лучей ослабевает, они становятся вялыми и впадают в спячку, из которой их могут вывести лишь гамма-лучи.

На Оре их облучают по графику, чтобы не менять привычного для них ритма. Позаботились и об их работе. Альтаирцы – прекрасные строители, возводят здания, роют каналы. За этим залом простирается площадка, предназначенная специально для этого. Кстати, альтаирцы – еще и отличные живописцы, но картины их жестковаты: они пишут не красками, а радиоактивными веществами, иначе не увидели бы своих творений.

Я прислушался к разговору Веры с альтаирцами. наших гостей из созвездия Орла интересовало, нельзя ли привезти на планеты Альтаира великолепный пламень, пронизывающий члены, – они имели в виду гамма-излучатели. Вера пообещала прислать им партию приборов.

Ромеро негромко сказал мне:

– Нет, меня определенно не восхищают ни эти нитеобразные разбойники с Альтаира, ни бегемоты с Альдебарана и Капеллы. И свирепое их солнце не вызывает симпатии. Помните стихи Танева – они словно посвящены Альтаиру:

...Он, осужденный, помощи не просит
И не находит. Нет пощады. Поздно.
Некрепкой жизни быстро рвутся узы.
Лишь мстительное солнце грозно
Стоит над всем, как голова Медузы.

Отвращение Ромеро к этим странным звездным существам показалось мне наигранным. Но и увлечения Веры я не понимал. Она раскраснелась, глаза ее радостно блестели. Она поворачивалась то к одному, то к другому альтаирцу, старалась ответить каждому.

– Теперь идемте в гостиницу «Созвездие Лиры», к мыслящим змеям с планетной системы Вега, – предложил Спыхальский.

Змей я не переносу. Я с тревогой посмотрел на Спыхальского. Кривая его усмешка была зловещей.

Когда мы уходили, я понял, насколько предусмотрительны были конструкторы Оры. Вокруг меня увивался ярко-зеленый альтаирец. Он пытался охватить меня ножками-волосиками, чуть ли не прижимался к скафандру. Мне показалось, что он хлестнул меня по лицу чем-то холодным. Я непроизвольно содрогнулся – альтаирца словно вихрем сдуло.

Оказалось, наше защитное силовое поле мгновенно отбрасывает то, что вызвало страх или отвращение. В некоторой степени оно заменяет милых Охранительниц.

26

И вот мы вошли в третью гостиницу – купол, внутри которого был сад.

Я помню, с каким нехорошим чувством переступал порог, как внутренне сжался перед встречей с ползучими гадами, где-то на далекой звезде, одной из прекраснейших звезд земного неба, развившимися до разумных существ. Вега горячее Альтаира, в ее излучении жестких компонентов больше – какими же уродами должны оказаться вегажителы, если альтаирцы так страшны? Хорошо хоть воздух здесь был нормален...

А Мартын Спыхальский громко проговорил:

– О чем замечтались, юноша? Прошу настроить дешифратор на звуко-цветовую речь.

Теперь мне странно, что перелом от примитивного человеческого эгоизма к ощущению единства мира был ознаменован в моем сознании прозаическим советом настроить дешифра-

тор. Я отрегулировал прибор и перенесся в другой мир, но еще успел в том, старом моем бытии прошептать Ромеро:

– Ради такого зверинца, пожалуй, не стоило устраивать межзвездную конференцию...

Вначале было темно. Вокруг толпились деревья, густые шапки кустов, пряно пахнущие цветы. И вдруг повсюду замерцали оранжевые огоньки – тусклые, как и все в этом сумеречном саду, быстро передвигающиеся среди стволов. Горло мне сжала немота, произвольная, как приступ. На меня глядело человеческое лицо, необыкновенное лицо, прекрасней всех человеческих! Я оглянулся. Такие же лица смотрели и сбоку, и сзади. Нас окружили существа, до того великолепно похожие на людей, что мне захотелось закричать от испуга и восхищения.

Да, конечно, туловища их, очень гибкие, были похожи на змеиные, но человеческие лица и руки лишь чуть покороче и потоньше наших свидетельствовали: они все-таки не змеи.

Как я потом разглядел, у них не было ног – туловище оканчивалось своеобразной пятою, они передвигались, вращаясь на ней, и так быстро, что превращались в сверкающие столбы. Но в ту первую встречу с вегажителями я этого даже не заметил.

Я открыл их, когда они стояли рядом, приветствуя нас голосами и сиянием. Очарованный, я не мог оторвать от них взгляда.

Я сказал, что их лица напоминали человеческие. Это справедливо лишь в грубом приближении. У них были человеческие очертания, контуры голов, такие же глаза, рот и нос. Но и лучшая из красавиц Земли и мечтать не могла о такой матовой коже, таких ярких губах, таких четких бровях и мохнатых ресницах. Все это неважно, я говорю о пустяках. Они были одеты в разноцветные, полупрозрачные одежды – платья или плащи... Нет, и это не то! Самое необыкновенное у вегажителей – их глаза. Глаза вспыхивали и погасали, они меняли цвет. Это были огни, а не глаза. Жители Веги разговаривали сиянием своих глаз!

– Начнем! – сказала Вера. – Я хочу узнать, как чувствуют себя наши гости.

Это был стандартный Верин вопрос, но у меня задрожали руки, когда я поднимал шар дешифратора. Шар засиял и запел, из него исторгались цвета и звуки. А когда он замолк, один из жителей Веги запел и засиял глазами в ответ. Это было так красиво, что казалось фантастически неправдоподобным. Шар перевел его ответ на человеческий скучный язык хрипловатым человеческим голосом – это был одинаковый для всех звездных миров обмен любезностями: в гостях, мол, хорошо, мы благодарны за гостеприимство.

Один из пришельцев с Веги – вернее, одна, это была девушка – с интересом рассматривал меня. Я тоже залюбовался ею. Среди прекрасных вегажителей она была всех прекрасней.

– Как вас зовут? – спросил я.

Она пропела свое имя нежным голосом, напоминавшим флейту. Чтобы повторить, что она произнесла, нужны ноты, а не буквы. Одновременно глаза ее озарились фиолетовым пламенем. Я воскликнул:

– Фиола! Я понял: вас зовут Фиола!

Все кругом засмеялись, даже Вера. В глазах девушки тоже вспыхнул розовато-голубой смех. Она смеялась ярко, радостными цветами.

– Фиола, – повторил я, смущенный. – Разве я не так выговариваю?

– Фиола, – проговорил машинный голос дешифратора. – Фиола.

– Пусть Фиола, – сказала Вера. – Имя красивое, как и девушка. Однако, друзья, довольно отвлекаться. Эли, будь внимательнее!

Внимательным я стать не сумел. Я подносил шар к тому, с кем разговаривала Вера, но смотрел только на Фиолу.

И она глядела на меня, разговаривала со мной вспыхивающими и гаснущими, меняющимися цвет глазами. Вера не задала и половины своих вопросов, как я научился понимать этот восхитительный красочный язык. Нет, я не мог отвечать ей такими же вспышками и сиянием

глаз, вероятно, я лишь глупо таращился на нее, но Фиола разбирала мои молчаливые крики, мои смятенно-страстные объяснения – мы понимали друг друга без слов.

Вы удивительные создания – люди, говорила Фиола, а среди людей ты лучший. У тебя доброе лицо, ты строен и красив, ты так нежно смотришь на меня, мне хотелось бы, чтоб ты схватил меня своими большими руками, у всех у вас большие сильные руки, ты же сильнее других землян. Да, конечно, отвечал я, то есть наоборот, я вовсе не самый сильный и красивый, это смешно – я красивый! Но вот ты – поразительная, мне и не снилось, что могут быть такие существа, я дрожу от радости, когда ты смотришь на меня, смотри, смотри, сияй своими сверхъестественными глазами! Да, я буду смотреть, и ты смотри, это так хорошо, когда ты идешь вперед, а голову оборачиваешь ко мне, прости, я не знаю, как звать тебя, я не могу осветиться твоим именем, но я уверена, оно звучно и стройно, как ты. Меня зовут Эли, ты этого не услышишь, обыкновенное имя, на Земле много таких имен – ни звучных, ни стройных, ни худошавых, просто имен, вот и мое такое – Эли. Нет, я услышала, тебя зовут Эли, это прекрасно и могущественно – Эли, вот я зажгусь твоим именем, эти красно-голубые пламена – ты, это твои цвета, Эли, Эли! Ты скоро уйдешь, вы всегда торопитесь, люди, хоть и тихо передвигаетесь, и ты уйдешь, как другие, а я буду в сумраке гореть твоим именем, Эли, Эли, какое звучное имя, Эли, какое сверкающее имя, Эли, не уходи, Эли, Эли! Я не уйду, Фиола, я останусь, я хочу, очень хочу остаться с тобой...

– Очнись, Эли! – сказала Вера. – Беседа закончена.

– Надо уходить? Неужели надо уходить, Вера?

– Ты хочешь, чтобы мы здесь поселились?

Я повернулся к Спыхальскому:

– Мартын Юлианович!.. В эту гостиницу вход для землян не запрещен?

Лицо его снова перекосила усмешка. Я вдруг понял, что он добрый человек.

– Эта гостиница – единственное местечко, где для человека нет опасностей, кроме красоты ее обитательниц.

Я схватил руки Фиолы, заглянул в глаза – они были темны.

– Фиола! – сказал я, забыв о дешифраторе. – Я приду. Жди меня, Фиола!

Я повторял: «Я приду!» – пока черные глаза Фиолы опять не вспыхнули – как морская вода, освещенная солнцем. Ромеро потянул меня за собой. Я махал Фиоле рукой. За воротами гостиницы Вера сделала мне выговор. Сколько раз я слышал в детстве этот суровый голос!

– Я недовольна, Эли. Чего ты так уставился на бедную девушку?

– Я любовался ею, Вера. Я не озорничал, а любовался!

– Отворачиваться от всех земных девушек, чтоб увлечься первой встреченной звездожительницей, – кто тебе поверит, Эли?

– Главное, чтоб я поверил, – пробормотал я. Я верил.

А Ромеро пошутил:

– В древних преданиях змей искусил прародительницу людей, некую Еву. Бедный Эли, кажется, дал обольстить себя коварной и красочной змее.

Я молча смотрел на него. Я слышал голос из моего прежнего мира, а сам был в новом.

Ромеро опирался на свою дурацкую трость – надменный, высокомерно подтянутый. Я словно бы впервые заметил, что он красив и его короткая бородка расчесана волосок к волоску. Между нами что-то оборвалось, он больше не был мне другом.

27

– Теперь ангелы с Гиад, – сказала Вера. – В этих крылатых обществах сохранились враждующие классы.

– Вздорный народец, – подтвердил Спыхальский. – Каждый день у них драки. Перья летят, как пух с тополей.

– Их много. Двадцать три обитаемые звездные системы в Гиадах, сто семь густо населенных планет. Ни одно из разумных племен не размножилось так – почти четыреста миллиардов...

– Разумное племя? – переспросил Спыхальский. – Что считать разумом... Одно добавлю: голодное племя. Посмотрели бы вы, что происходит, когда зовут к столу.

Вера замолчала. Я думал о Фиоле. Мы долетели до гостиницы «Гиады». В этом здании размером с город масса зелени и света, прямоугольники домов образуют улицы, на пересечении улиц разбиты амфитеатры с экранами – ангелы любят зрелища. Условия тут подобны земным. Крылатые легко приспосабливаются к любым параметрам гравитации, атмосферы и температур. Вероятно, этим и объясняется, что они широко расселились на планетах.

На нас сразу набросились, осатанело зашумев крыльями, три обрадованных ангела. Через минуту вокруг носилась, сталкиваясь и дерясь в воздухе, целая толпа крылатых. Я хлопал их по крыльям, приветствуя, но их было слишком много, чтоб со всеми здороваться.

В ангелах есть что-то внушающее неприязнь. Внешне они импозантны, даже величественны: белое тело, золотые волосы, широкие, мощные, причудливо окрашенные крылья: розовые, фиолетовые, оранжевые, даже черные, особенно среди четырехкрылых, чаще же всего – разноцветные. Зато лица ангелов грубы. Я не встретил ни в тот день, ни после ангела без морщин, морщинисты даже молодые – каждый кажется состарившимся ребенком. Впечатление это усиливается еще и оттого, что они галдят и носятся, как расшалившиеся дети. К тому же ангелы редко моются. В вертепах ангелов вряд ли лучше, чем в конюшнях пегасов.

Когда мы продирались сквозь крылатую толпу, я увидел в стороне Андре с Лусином. Я наклонился к Ромеро:

– Павел, замените меня у дешифратора.

Выбравшись из толпы, я припустил к Андре. Какой-то шальной ангелочек, восторженно завизжав, ринулся на меня с распахнутыми крыльями, но я ускользнул от него.

– Молчи и слушай! – крикнул Андре. – Новые данные о галактах. Говорю тебе: молчи! Мы получили великолепные записи у того четырехкрылого. Чего ты размахиваешь руками?

– Я молчу! – закричал я. – Покажи записи.

– Сперва выслушай, потом покажу.

Андре и Лусину повезло. Когда они пришли к изолированному четырехкрылому, тот спал, и ему снились кошмары, мозг его усиленно излучал.

Андре, не дожидаясь пробуждения ангела, поспешил материализовать записанные излучения на большом дешифраторе.

Он тут же, на улице, при сиянии дневного солнца, вызвал видеостолб. Я с усилием всматривался: внешний свет был сильнее внутреннего свечения видеостолба. Я увидел те же картины, что уже демонстрировались на Земле: скалы, яркие звезды, черное озеро, спускающийся сигарообразный корабль. Нового не было и дальше – те же галакты, башня с вращающимся глазом...

– Ну? – спросил Андре. – Понимаешь ли ты, что это такое?

– Понимаю. Бледная копия старых записей Спыхальского.

– Правильно, – подтвердил молчавший до тех пор Лусин. – Копия. Уже видели.

– Вы дураки! – сказал Андре радостно. – Ну и что, если видели? Важно одно: звездные видения посещают нашего четырехкрылого очень часто, раз мы записали их в первом же обследованном сне. Только личные впечатления могут дать такую четкость образов. Короче, он видел галактов! – Андре с торжеством посмотрел на нас. Я хладнокровно рассмеялся ему в лицо:

– И сейчас ты идешь выпрашивать своего ангела, правильно ли толкуешь его сновидения?

– Совершенно верно.

– Я пойду с тобой, чтобы присутствовать при оглушительном крушении твоей очередной теории.

Четырехкрылый буян был громадный, мужиковатый ангелище со свирепой мордой и могучими крыльями. Он уставился на нас мутными глазами и что-то проворчал. У ангелов тонкие, писклявые голоса. Разговаривая, они захлебываются от торопливости – в любом их сборище трескотня и писк. У этого даже голос был мощный, он не пищал, а грохотал. Он мне понравился.

Андре настроил дешифратор и вежливо проговорил:

– Разрешите задать вам несколько вопросов.

– На колени! – рявкнул ангел. – На колени, не то – к чертовой матери!

Его ярость была так внезапна и буйна, что мы рассмеялись. Смех разозлил его. Он грозно вздыбился, распахнув крылья и клокоча.

– У людей не принято становиться на колени, – сказал Андре.

Дешифратор перевел ответ ангела:

– Я – князь!

Я засомневался в правильности перевода. Слова «к чертовой матери», «князь», «на колени» слишком отдавали старинными земными понятиями, чтобы быть правдоподобными.

– Не думаю, чтобы дешифратор врал, – возразил Андре. – Объем его памяти – четыреста тысяч слов и сто миллионов понятий. И если он выбрал «князя» и «чертову мать», то, значит, наш узник имел в виду нечто больше всего к ним подходящее.

Тогда к ангелу обратился я:

– Почему вы считаете себя князем?

– Налечу и растопчу! – сварливо ответил он.

Я вспомнил, что охранное поле людей на Оре зависит от настроения. Я вызвал в себе гнев. Ангела отшвырнуло в сторону, он завопил от испуга. Я то увеличивал, то уменьшал поле. Крылатого «князя» беспощадно мотало в воздухе. Когда его особенно сильно встряхнуло, он заревел бычьим голосом: «Спасите! Спасите!»

Я сбросил поле, и ангел рухнул. От страха и бессилия он даже не пытался подняться и ползал, униженно распластав широкие крылья. Лусин, засопев, отвернулся. Уверен, что в этот миг грубый ангел представлялся ему чем-то вроде его смирных драконов или диковатого бога Гора с головой сокола.

– Высшие силы! – потрясенно бормотал ангел. – Высшие силы!

– Поднимись и перестань быть князем! – сказал я. – Терпеть не могу дураков. Тебя по хорошему спрашивают, а ты грубишь!

– Спрашивайте! – поспешно сказал ангел. – Хотя не знаю, что я могу таким могущественным особам...

Андре рассказал ангелу о его сновидениях и спросил, не видал ли он сам галактов и их врагов.

– Это предания, – пробормотал ангел. – Никто не видел галактов. Я слышал в детстве сказки о них.

Я выразительно посмотрел на Андре. Он постарался не заметить моего взгляда. Он не очень огорчается, когда его теории терпят крах. Он слишком легко их создает.

– А почему ты хвастался знатностью? – спросил я ангела. – Что означает этот вздор?

Ангел опустил голову и поник крыльями.

– У нас предание, что четырехкрылых привезли небесные скитальцы, двукрылые же – порода местная... Я не люблю двукрылых. Они презренные низшие существа, но вы, люди, не разрешаете бить их...

– И никогда не разрешим, – подтвердил я. – И считать их низшей породой тоже не позволим. Как тебя зовут?

– Труб. Я постараюсь... Я хочу, чтоб вы меня полюбили.

Он был так унижен, что я пожалел его. Я ласково потрепал его крылья. Перья на них были отменные – шелковистые, крепкие, густой лиловой окраски. Собственно, настоящих крыльев у него было два, вторая пара – скорее подкрылки. На изгибе больших крыльев виднелись руки, чуть покороче наших, без ладони, но с пятью крепкими, черными, когтистыми пальцами.

Выйдя, мы подвели итог тому, что узнали от Труба. Андре запоздало попытался оправдаться:

– Все же кое-что новое есть. Я имею в виду предания о происхождении четырехкрылых.

– Нас интересуют галакты, а знаний о них не добавилось, – сказал я. – Такие предания имеются всюду, где работающие существа разрешают оседлать себя паразитам. Разве ты не знаешь, что лучший способ оправдать собственное тунеядство – объяснить его божественностью своей натуры? Все подлое издавна валят на божество.

– Труб хороший, – сказал огорченный Лусин. – Не паразит. Красивый. Очень сильный. Сильнее всех ангелов.

28

Впечатление от следующих гостиниц слилось в смутное ощущение чего-то утомительного. Я понимал, что человеческая двуногая одноголовая форма – лишь одна из возможностей разумной жизни, и был готов к любым неожиданностям. Даже когда мы беседовали с существами, на три четверти состоящими из металлов, и студенистыми мыслящими кристаллами, погибающими от света, я не удивлялся. Можно и так, говорил я себе. В природе существует могучее желание познать себя. А каким способом она осуществляет самопознание – игра обстоятельств.

Вечером мы с Ромеро гуляли по Оре.

Недвижное солнце утратило дневной жар и потускнело, превратившись в луну. Три четверти диска вовсе погасли: луна была на ущербе. Звонкий днем воздух, далеко разносивший звуки, заглох, звуки преобразовывались в шумы и шорохи, зато густели ароматы. Запах цветов хватал за душу, как руками. У меня немного кружилась голова. Ромеро помахивал тростью, я рассказывал, что подумал при знакомстве со звездожителями. Ромеро возмутила моя податливость.

– Чепуха, друг мой! Все эти ангельские образины, змеелики и полупрозрачные пауки не больше чем уродства. С уродствами я не помирюсь. Раньше я не очень восхищался людьми, теперь я их обожаю. Знакомство со звездожителями доказало, что человек – высшая форма разумной жизни. Только теперь я понял всю глубину критерия: «Все для блага человечества и человека».

– Разве против него кто спорит?

– Вы ошибаетесь, – сказал он сумрачно. – Мне не нравится настроение вашей сестры. Я хочу сделать вам одно предложение. Она нам обоим дорога. Давайте образуем дружеский союз против ее опасных фантазий. Вы удивлены? Слушайте меня внимательно, мой друг!

Опершись на трость, он торжественно, даже напыщенно проговорил:

– Я не зову вас в неизведанные дали – наоборот, отстаиваю то, что уже пять столетий считается величайшей из наших социальных истин. Хочу восстать против ее нарушения. Я

против того, чтобы ради полуживотных, моральных и физических уродцев забывали о человеке... – Отвращение исказило его лицо.

Мне многое не нравилось в звездожителях, но ненависти они не вызывали.

– По-вашему, забвение интересов человека – это реальная опасность?

– Да! – сказал он. – Они уже забываются. Верой, когда она планирует широкую помощь сотням звездных систем. Вами, когда вы так возмутительно равнодушно признаете, что мыслящая жизнь имеет одинаковое право быть прекрасной и безобразной. Андре, готовым все силы положить на возню с дурацкими мыслями примитивных, как идиотики, ангелочков. И тысячами, миллионами похожих на вас фантастов и безумцев. Скажите, по-честному скажите: разве не забвение интересов человечества то, что происходит на Оре? Богатства Земли обеспечивают идеальные условия паукам и бегемотам! Звездный Плут, отправленный на Вегу, израсходовал все запасы активного вещества на создание искусственного солнца для милых змей. Такова наша забота о других. А человек? Человека отодвигают на задний план. О человеке понемножку забывают. Но я не дам его в обиду. Если еще недавно я молчал, то сейчас молчать не буду. Я повторяю то, что уже говорил на Земле: неожиданная опасность нависла над человечеством. Мы обязаны сегодня думать только о себе, только о себе! Никакой благотворительности за счет интересов человека!

Он выкрикнул последние слова, пристукнув тростью. Я сказал:

– Не понимаю: к чему этот пафос, Павел? Запросите МУМ, кто прав, ваши противники или вы, и все станет на место.

К Ромеро понемногу возвращался его обычный надменно-иронический вид. На лице его вызмеилась недобрая усмешка.

– Благодарю за дельный совет, мой юный друг, обязательно им воспользуюсь. Итак, насколько я понимаю, вам не подходит предлагаемый мной союз?

– Я вообще не нахожу нужды ни в каком подобном союзе.

– А вот уж это мое дело – есть нужда или нет. Покойной ночи, любезный Эли.

Он церемонно приподнял шляпу и удалился. Я с тяжелым сердцем смотрел ему вслед. Мне было грустно, что наша многолетняя дружба развалилась в считанные минуты. Опустив голову, я шагал по аллее пустынного бульвара. Передо мной опустилась авиетка. Я вспомнил, что, кажется, пожелал чего-то, на чем можно передвигаться. Я влез в кабину и подумал: «К Фиоле».

29

Переступив порог гостиницы «Созвездие Лиры», я смущенно остановился. Зачем я пришел сюда? Если Ромеро и не прав в своей неприязни к звездожителям, это еще не значит, что в них нужно влюбляться. Была бы на Оре Охранительница – как все стало бы просто. «Скажите, милая, что со мной?» – «Ничего особенного – блажь пополам с жаждой познания нового». Или: «С вами – несчастье: вы испытываете земное чувство любви к жителю звезд, где о подобных чувствах и не слыхали». Я рассмеялся. На благоустроенной Земле нас слишком уж опекают машины!

Я прошел в сад. Сквозь деревья светило то же притушенное до лунной прохлады ночное солнце, что и снаружи. Здесь и днем все терялось в полумраке, а сейчас было и вовсе темно. Я пробирался ощупью, наталкивался на деревья. Вдали возник и пронесся розоватый смерч, яркий и стремительный, за ним вспыхнул и исчез другой. Я остановился, чтоб сообразить, где я. На меня навалилась душная темнота, наполненная сонным шорохом листьев и тревожным бормотанием моих мыслей.

– Фиола! – тихо позвал я. – Фиола!

Из черноты кустов снова вырвался и сразу же унесся сияющий смерч. По саду заструилось тихое пение. Я всматривался в бурно вращающийся факел, мелькающий за деревьями, и вслушивался в пение. Оно вскоре стихло, в ушах звенела тишина – и в ней не было ничего, кроме нее самой.

Внезапно меня охватил гнев. Я громко застучал ногами, грубо вломился в кусты. Я хотел пошуметь, чтобы взбудоражить вегажителей. Если они так невежливы, что убегают, не спрашивая, чего мне надо, то и мне можно не церемониться.

– Фиола! – заорал я. – Фиола!

И снова мне не ответили – лишь в отдалении вспыхивали и гасли сияющие столбы. У меня закружилась голова, пересохло в горле, каждая клеточка трепетала, словно меня одурманили жадные запахи незнакомых цветов. Во мне бушевала ярость.

– Фиола! – ревел я. – Фиола!

Я ринулся вперед. Что-то встало на дороге – может, куст, может, вегажитель, – я оттолкнул его. Я бешено ломился в настороженную, боязливую темноту, что-то расшвыривал, обо что-то спотыкался, сваливался, снова вскакивал, хватаясь за кусты, пинал их и бежал дальше, пока не свалился. Я лежал, всхлипывая от бессилия и бешенства. Я чувствовал себя побежденным.

– Фиола! – шептал я. – Фиола!

Затем с трудом поднялся. Ноги не держали, в голове надсадно гудело. Мне стало стыдно. Я, гордящийся своим разумом, вел себя как зверь, ревел и мычал, охваченный жадой драки и разрушения. И эта дикость случилась в доме гостей, верящих в могущество и доброту человека! Что они теперь подумают о нас?

– Простите, друзья! – сказал я. – Я виноват, простите!

Сейчас я хотел одного – поскорее выбраться из глухого сада. В полубезумном беге сквозь кусты я забрался слишком далеко. Надо мной нависали деревья, я не видел неба. Потом я вспомнил, как неожиданно появилась авиетка, и мысленно воззвал к диспетчеру планеты. Диспетчер молчал, связи с ним не было. Я двинулся наугад, ощупью определяя путь. Вскоре деревья расступились, открывая небо с угасавшей луной, и я вышел на дорогу.

Здесь я снова услышал пение и минуту стоял, разбирая, откуда оно. Пение усилилось, в нем звучала тревога, шел спор или перебранка – так мне показалось. И вдруг сад озарился, меж деревьев замелькали огни, они приближались, звеня на высоких нотах. А затем из кустов вырвался столб радужного сияния и смерчем обрушился на меня. Я еле устоял на ногах и, обхватив вегажителя, закружился с ним. Я не сразу сообразил, что это Фиола.

– Фиола! – сказал я потом. – Фиола!

Я обнимал ее, а к нам отовсюду слетались ее светящиеся сородичи. Теперь я видел, что светятся не только их глаза, но и тело. То, что сначала я принял за расцветку тканей, оказалось собственным их сиянием, свободно лившимся сквозь одежду, – оно было много ярче, чем днем. И они не просто освещали телами тьму, но возмущались и негодовали сверканием – сияние их нападало на меня и Фиолу, упрекало нас. Это был разгневанный свет, как у нас бывает разгневанный крик. Какая-то сила, много мощней моей, растаскивала нас с Фиолой. Наши руки разомкнулись, и Фиола выскользнула из моих объятий. В пении ее послышалось рыдание, она рванулась ко мне, но снова нас оттолкнуло друг от друга.

– Фиола, что происходит? – воскликнул я, забыв, что она не понимает человеческого языка.

От злости я стал рассуждать холодно. Эти существа, очевидно, обладали защитными полями вроде моего, но послабей, ибо, лишь собравшись в толпу, могли воздействовать на меня. Я сообразил, как действовать, но раньше нужно было ухватить Фиолу, чтоб ее не унесло с другими.

Улучив момент, я сжал ее обеими руками и вызвал поле.

Если бы я не был так расстроен, я бы расхохотался, когда вегажителей раскидало. Они взлетали и падали, погасая от страха. Я поспешно сбросил поле, чтоб их не разбило о деревья. Дрожащая Фиола прижималась ко мне, глаза ее были темны. Я погладил ее волосы.

Вегажители не разбежались, как я надеялся, но опять стали приближаться, осторожно, медленным вращением, – раза в два, впрочем, быстрее человеческого бега. Я видел на их лицах ужас, – вероятно, я представлялся им чудовищем, всемогущим и беспощадным. От робости они светились тускло, зато пение, печальное даже для человеческого уха, звучало громче. И меня захлестнула нежность к этим мужественным, слабосильным существам – трепещущие, почти уверенные в своей гибели, они все же надвигались на меня, чтоб вызволить свою сестру, попавшую, как им казалось, в беду.

– Глупые! – сказал я. – Почему вы меня боитесь?

Когда я заговорил, пение оборвалось. Вегажители молча старались разобраться в моей речи. Я улыбнулся, опять погладил волосы Фиолы и протянул руку к одному из них – тот поспешно отпрянул. Но они уже не старались разделить нас. Не расступаясь, они и не наступали.

– Я бы скорей убил себя, чем причинил вам зло, можете мне поверить, – сказал я.

Не знаю, поняли ли они меня, но пение, зазвучавшее в ответ, было уже не так однообразно печально. Их тела опять засветились, глаза засверкали – они спорили, в чем-то друг друга убеждая. И тут в их спор вмешалась Фиола. Ее глаза вспыхнули фиолетовым сиянием, оно превратилось в малиновое, потом в голубое, в нем замесались оттенки и цвета. Одновременно Фиола запела – в моих ушах в многоголосом переборе зазвенели серебряные колокольчики. Я услышал повторенную дважды музыкальную фразу, подкрепленную холодным синим пламенем глаз, и понял, что она приказывает: «Уходите! Уходите!» Потускнев от внимания, молчаливые звездожители смотрели на меня и Фиолу. Я повторил:

– С Фиолой не случится ничего плохого.

И все же они не решались покинуть нас. Они пересвечивались друг с другом, перезванивались тоненькими голосами, но оставались. Холодные пламена в глазах Фиолы усилились, в голосе зазвучал гнев. Я понимал каждую ее ноту и вспышку. «Почему вы не уходите?» – возмущалась она.

Лишь когда она повторила свое требование в пятый или шестой раз, толпа стала разваливаться. Сперва завертелся кто-то вдалеке, следом выкрутился в темень сада его сосед, а за ними всех вегажителей охватило попятное вращение. Между деревьями замелькали уносящиеся сияющие столбы, на несколько секунд все снова озарилось причудливыми огнями, потом они погасли – вокруг был тот же непроницаемо-черный, задыхающийся от собственных ароматов, непонятно чужой сад. Я не боялся его – рядом светила Фиола. Вспомнив, что мы немые друг для друга, я схватился за наручный дешифратор, чтобы хоть он помог нам.

– Обойдемся без твоего прибора, – сказала она, засмеявшись.

Я ошалело молчал. Мне были понятны каждое ее слово и цвет.

– Разве тебе не ясно, – прозвенела она, – что я разобралась в твоей речи еще днем, а сейчас ее поняли и мои друзья?

– Мне тоже показалось, что они ее поняли, – сказал я. – Я даже уверен в этом.

Она лукаво посмотрела на меня. Мне стало не по себе, до того она была красива.

– Надеюсь, и ты понимаешь меня? Не так ли, Эли?

Я проглотил комок, вдруг сдавивший горло. Никакого чуда не было. Наш мозг – тоже дешифратор, слова сопутствуют прямой передаче мысли, здесь же мыслям помогали не одни звуки, но и цвета. Но и сознавая это, я не переставал удивляться.

– Наш язык беднее вашего, – сказал я. – На Земле не только люди, но и почти все животные общаются лишь с помощью звука, такова уж наша особенность. Но, знаешь, выйдем на открытое место. Это смешно, но мне мерещится, что у ваших деревьев не листья, а лапы.

– Ты фантазируешь! Деревья – спасители. Их листья экранируют нас от лучей нашей звезды. Днем никто не выходит на открытое место. Мы гуляем ночью.

Я вспомнил, что красавица Вега еще горячее, чем Альтаир, ее поверхностная температура около пятнадцати тысяч градусов – под таким солнцем не погуляешь. И несомненно, светящиеся и разговаривающие светом вегажители просто созданы для ночи.

30

Мы вышли на поляну и сели на скамейку. Ходить с Фиолой не очень удобно: она неспособна ковылять по-человечески, а мне за ней не угнаться. Зато с ней хорошо сидеть, от нее исходит приятная теплота: вегажители, как и мы, теплокровны.

Над поляной раскрылось ночное небо. Луна погасла, и звезды пылали чисто и напряженно (на Оре они ярче). Фиола глядела на Вегу. На Земле я часто любовался прекрасной Вегой, а здесь просто пришел в восторг – такая она великолепная. Фиола попросила указать наше Солнце, я поинтересовался, какое созвездие ей больше нравится. Я с волнением ожидал ответа. Созвездия на Оре не похожи на земные, но Большая Медведица, Кассиопея, Орион, измененные, и здесь прекрасны – я боялся, что она покажет на них.

Но Фиола обратила светящиеся глаза на параллелограмм, отчеркнутый Фомальгаутом, Альтаиром, Арктуром, Сириусом и Капеллой. В центре его сияли три малозаметные, дорогие моему сердцу звездочки – Поллукс, альфа Центавра и Солнце.

– Ты хорошо выбрала, – сказал я торжественно. – Мы оттуда, Фиола. – Я показал на Солнце.

Она удивилась, что Солнце маленькое. Я ответил, что просто оно очень далеко. Фиола задумалась.

– Вы могущественны, люди, – сказала (вернее, просветила и пропела) она. – Когда вы опустились на нашу планету, некоторые решили, что вы божества, так сверхъестественно было ваше появление.

– Теперь вы, однако, понимаете, что мы обыкновенные существа? Не лучше вас.

Она покачала головой, глаза ее засверкали сумеречно и влажно. Задумываясь, она становилась похожей на опечаленного ребенка.

– Во многом вы даже хуже нас. Вместе с тем вы безмерно нас превосходите.

Я попросил объяснения. Отныне мы были способны беседовать на любые темы. Вскоре я убедился, что легко разбираю лишь простые понятия, а сложные мысли ей приходилось повторять по два-три раза. Она начала с того, что при первом знакомстве люди кажутся беспомощными.

– Вы неповоротливы, неспособны к быстрым движениям. И может быть, самое главное: вы жизнедеятельны лишь в узком интервале условий, чуть измени их – вы погибаете. Вы не переносите ни жары, ни холода, ни разреженного воздуха, ни больших давлений, ни жестких излучений, ни длительного голода, ни жажды, ни перегрузок. Выбрось любого из вас без орудий и машин во внешний мир – что с вами будет? Даже средства общения у вас до удивления несовершенны: речь груба и медленна, прямой передачи мысли вы не применяете. Спектр существования людей настолько узок, что трагически превращается в линию – жизнь человека висит на этой линии, как на волоске. Мы во многом совершеннее вас. Хоть мы и предохраняемся от жестких излучений нашего безжалостного светила, зато мы легко дышим и при одном, и при сорока процентах кислорода, переносим стоградусную жару и стоградусный холод, понимаем друг друга без звуков и цветов (они лишь сопутствуют прямой передаче наших мыслей), мы не тонем в воде, месяцами живем без пищи и питья, не умираем, если не поспим неделю. И каждый из нас хранит в мозгу все знания, накопленные обществом, поэтому мы не нуждаемся в

справочных машинах. Вот каковы мы – и каковы вы. Когда знакомишься с вами, поражаешься, что вы, такие беспомощные, все же существуете, что вы не погибли на заре своей истории.

– Это потому, что мы заставили наши недостатки служить нам. Наше могущество – оборотная сторона наших слабостей.

– Да, – сказала Фиола, – ваше величие – продолжение ваших слабостей. Это второе, чему в вас поражаешься. Вам опасны колебания температуры – вы защитились от них одеждами, помещениями, генераторами тепла. Вам страшно падение кислорода в воздухе, вы не переносите разреженности – вы придумали скафандры. Без еды и питья вы не способны жить – вы берете их с собой, умеете изготавливать из любых веществ. От перегрузок вы защищены силовыми полями, те же поля преодолевают невесомость, создавая единственно устраивающие вас узенькие условия тяготения, лишь случайно выпадающие в разнообразии Вселенной. У вас плохая память – вы безгранично расширили ее запоминающими устройствами. У вас немощные мускулы – вы усилили их чудовищно мощными машинами. Мысль ваша замедленна, словесные средства ее выражения примитивны, понимание чужих слов отсутствует – вы преодолеваете эти врожденные недостатки дешифраторами, за вас работают невероятно точные и быстрые механизмы. И хоть сами вы не способны быстро передвигаться на своих слабых, неудачно сконструированных природой ногах, зато вы создали космические машины, далеко обгоняющие самого быстрого мирового бегуна – свет. И так во всем, так во всем, Эли! Вы отыскиваете слабые свои места, беспредельно усиливаете их механизмами – и несовершенства ваши обращаются в преимущества. Без своих изобретений вы до ничтожества жалки, с ними – непостижимо велики. Беспомощные перед каждой стихией природы, вы одновременно самая величественная из ее стихий. Во Вселенной нет более могучей силы, чем вы, маленькие, неповоротливые люди. И хоть это не главное, чему следует у вас удивляться, – как все же не удивиться?

– Хорошо, – сказал я. – Мне нравится твоя речь о недостатках и достоинствах людей. Но чему же ты больше всего удивляешься в нас, если не могуществу?

– Сразу видно, что люди – примитивны. Как засияли твои глаза! Ты тщеславен. Ты заранее радуешься, что тебя похвалят – неважно за что, лишь бы похвалили.

Это было беспощадно метко, я покраснел.

Фиола смотрела на меня с улыбкой. Ее глаза освещали меня и мрак в саду. Она была дьявольски умна, эта божественно прекрасная девушка, мне становилось не по себе. И она не была человеком, а меня томило человеческое, чересчур человеческое! Земных девушек обнимают и целуют, шепчут им ласковые слова – такова наша человеческая любовь, примитивная, как мы, а что требуется совершенным звездочителям?

Фиола разобралась в моем молчании, вероятно, лучше, чем я. Глаза ее быстро меняли цвет, голос пел звучно и мелодично. Если бы я не старался проникнуть в смысл пения, я бы просто наслаждался им, как музыкой.

– Что ты замолчал? – спросила Фиола. – Или тебя не интересует, чем вы удивительны?

– Нет... то есть да, интересует! Чем?

– Своей добротой. Вы покоряюще добры, милый мой человек Эли.

Я немного приободрился. Правда, я мог бы кое-что рассказать о случаях, когда мы злы, но не хотел. Мнение Фиолы было мне приятно.

– Мощь поднимается над мелочами, величие выше частных – таков закон природы. Звезде безразлично, что ее радиация поддерживает жизнь одних живых существ и убивает других. А люди нарушают этот закон природы. Их мощь не слепа, она разрушает и создает планеты – ради жизни. Когда первые люди опустились к нам, нас охватил ужас, мы ждали гибели. Но люди помогли нам защититься от летнего избытка радиации, от зимних жестоких морозов. Они построили экранирующие помещения – и теперь в жару не надо прятаться под деревьями. И мы уже не страдаем от холода, когда планета зимой уходит от Веги: нас согревает

искусственное красное солнце. Многие думают, что люди прибыли лишь затем, чтобы помочь нам, иной цели в их прибытии нет, – разве это не удивительно? Во время перелета с Веги на Ору нам говорили: «Здесь все для вас». На Оре люди твердят: «Наша обязанность – создать вам наилучшие условия». Вот каковы люди! Они считают помощь иным существам своей обязанностью – что может быть выше?

– А разве вы сами не поступили бы так? Скажем, прилети вы на другую звезду...

– Не знаю. На планетах Веги жизнь нелегка, а ваших механизмов мы не имеем. Боюсь, мы всюду заботились бы прежде всего о себе. Вот ночью ты пришел без предупреждения, и все испугались тебя, Эли, а когда я приблизилась, нас хотели разъединить. Но я сижу с тобой, и мне хорошо. Это так прекрасно, что существуете вы, люди!

Она проникновенно сияла, пение ее хватало за душу. В этот момент я чувствовал себя представителем человечества, я гордился, что людей любят.

И я с негодованием вспомнил, что Ромеро презрительно отзывался об искусственном солнце, за которое благодарил Фиола. Экипаж звездолета, отправленного на Вегу, израсходовал на это светило все резервы активного вещества. Программой полета такие действия не были предусмотрены – им придется держать ответ на Земле.

Я мысленно видел планету, где жила Фиола, – летом сжигаемую белокапильным жаром, зимой темную и холодную. Вдали сияла синевато-белая Вега – декоративная, неживотворящая звезда. Да, конечно, можно приспособиться к самым безжалостным условиям существования – и вегажителю приспособились. Ценой страданий. Разумом и чувствами я был с теми, кто бросил луч в их ледяную темноту, послал волну тепла в скованные морозом сумрачные убежища, защитил от пронзительного летнего света! Но, несомненно, кто-то из людей поддержит Ромеро, объявив транжирством бескорыстную человеческую помощь... Но сказать Фиоле, что люди разные, я не мог.

А между тем погасшая луна стала возрождаться в солнце. На черном пологие неба засветился диск, он становился ярче и горячее. Звезды тускнели и пропадали. Фиола прижалась ко мне. Я хотел ее поцеловать, но не знал, принято ли на Веге целоваться. Мне было радостно и без поцелуев.

– День идет, – сказал я. – Рабочий день, Фиола.

– Да, день, – отозвалась она. – И ты уйдешь. Спасибо, что ты был эту ночь со мной, человек Эли.

– И тебе спасибо, Фиола. Ты подарила мне лучшую ночь в жизни.

– Что было в ней лучшим, Эли? То, что я критиковала людей за несовершенство?

– Нет, то, что мы сидели рядом и, разные, чувствовали свое единство.

Она унеслась, звеня и сверкая, в глубину сада, а я поплелся к выходу.

31

Я собирался к Вере, но она сама вызвала меня. У входа в гостиницу вспыхнул видеостолб. Вера сидела за столом. Она казалась усталой.

– Ты не спал сегодня, брат? – спросила она, всматриваясь в меня. – Тебя не было дома.

– Я провел эту ночь с Фиолой в их саду.

– Я тоже не спала. Дурацкая ночь – споры, ссоры... Как бессердечны иные люди!

Я сообразил, что она говорит о Ромеро. Я редко видел Веру такой измученной. Раньше в спорах она воодушевлялась. Дискуссии оживляли, а не подавляли ее. Что-то очень серьезное случилось у них с Ромеро.

– Прими радиационный душ, Вера. И не думай о чужом бессердечии.

– Не думать о бессердечии я не могу. Бессердечие, распространившееся на многие сердца, становится грозной силой. Я вызвала тебя, чтобы освободить на этот день.

Я пошел к Андре. У него сидел Лусин. Я предложил им отправиться на розыски сведений о галактах. Андре собирался готовить зал Галактических Совещаний к своему концерту. Я уверял его, что звездожители отнесутся к симфонии не лучше, чем люди: музыка должна радовать, а не терзать.

– Наш век трагичен! – закричал Андре. – Посмотри на небо – сколько горя! И еще эти чертовы человекообразные с их загадочными врагами! Наши предки могли дикарски радоваться неизвестно чему, а мы обязаны задуматься над смыслом существования.

Он готов был завязать запальчивый спор, но я повернулся к Лусину. Лусина уговорить легче, чем Андре. Он потащил передвижной дешифратор. На улице мы взвалили прибор на воздушную тележку и поехали в гостиницу «Созвездие Орла».

Мысль о том, что надо поискать сведения о галактах у альтаирцев, осенила меня вчера. К тому же я хотел познакомиться с их живописью. В вестибюле мы облачились в скафандры и получили гамма-фонари для высвечивания невидимых жителей Альтаира.

В зале было пусто. Мы светили во все стороны, но никого не обнаружили. В конце зала открывался туннель, и мы прошли сквозь него на рабочую площадку. У меня защемило сердце, когда я увидел раскинувшуюся кругом страну. На темном небе висел синевато-белый шар, имитировавший жестокий Альтаир. Все вокруг разъяренно сверкало. Ни единой травинки не оживляло сожженную почву – до скрежета белый камень, до хруста белый песок, удушливая пыль, вздымавшаяся из-под ног...

– Пейзаж! – сказал я. – Жить не захочешь!

Лусин не изменил себе и тут:

– Неплохо! Здесь жить – искусство. Мастерство. Высокое.

Вскоре нам стали попадаться сооружения альтаирцев – каменные кубы без окон. Мы вошли в один и включили фонари. На стенах вспыхнули люминесцирующие картины. Мы водили по ним невидимыми гамма-лучами – рисунки меняли окраску и интенсивность. Когда мы тушили фонари, картины медленно гасли.

Живопись была странной: одни линии, хаотически переплетенные, резкие, мягкие, извиляющиеся, – не штрихи, но контуры. Я вспомнил о математической кривой Пеано, не имевшей ширины и толщины, но заполнявшей любой объем. Линии, какими рисовали альтаирцы, заполняли объем, очеркивали глубину, изображали воздух и предметы. Я видел все тот же беспощадный пейзаж: неистовое солнце, камни, песок. И всюду были сами альтаирцы – нитенogie, паукообразные, проносающиеся между зданиями.

На одной картине два альтаирца дрались, яростно переплетаясь отростками, сшибаясь туловищами. Художник великолепно передал обуревавшую их злобу, стремительность и энергию движений. Я двигался вдоль одной стены, Лусин вдоль другой. Он вдруг закричал:

– Эли! Скорей! Скорей!

Лусин показывал пальцем на картину. На картине были галакты.

Она тоже была нарисована линиями – ее наполняли лишь контуры. На камне лежал умирающий бородатый галакт в красном плаще и коротких штанах. Одна его рука бессильно откинулась, другая сжимала грудь, глаза умирающего были закрыты, рот перекошен.

Неподалеку стояли трое закованных галактов – на картине отчетливо виднелась цепь, стягивающая их руки, заложенные за спину. И с тем же жутким совершенством, с каким художник передал страдание умирающего, он изобразил молчаливое отчаяние трех пленников. Они не смотрели на нас, головы их были безвольно и покорно опущены... А над ними реяли альтаирцы. Каждая линия их тел кричала, альтаирцы метались, хотели что-то сделать, но не знали – что.

– Где же их враги? – размышлял я. – Очевидно, это не альтаирцы: те сами в ужасе. Никакого намека!

– Загадка. Надо искать. Может, еще картина?

– Надо поискать альтайрцев, – сказал я. – Только они смогут объяснить загадки своих рисунков.

Побродив по пустыне, мы увидели сборище усердно работающих альтайрцев. Шар, заменяющий Альтаир, полдневно накалился, и паукообразные создания светились в видимых лучах, но слабее, чем в зале, где мы увидели их впервые. И если там они были призрачны, то здесь их фантомность даже увеличилась. Кругом были тускло мерцающие контуры тел, а не тела. «Вот откуда их странная живописная манера», – подумал я.

Альтайрцы столпились вокруг нас. Они протискивались поближе, стремились дружески обнять нас ножками-волосиками – пришлось усилить охранное поле. Я настроил дешифратор и пожелал им здоровья. Эти добрые создания ответили пожеланием никогда не спать. Очевидно, сон у них – штука страшная, и они его побаиваются.

– Нам очень понравились ваши картины, друзья.

– Да, да! – загомонили они. – Мы рисуем. Мы всегда рисуем.

– И нам хочется знать, что за существа, похожие на нас, изображены на одной вашей картине?

Когда дешифратор преобразовал вопрос в гамма-излучение, альтайрцы словно окаменели. Если бы у них были глаза, я бы сказал, что они замерли, выпучив глаза. Потом по кольцу паукообразных пробежала судорога, и оно стало разваливаться. Передние отступали, кто-то из задних пустился наутек.

– Что с ними? – спросил я Лусина. – Они вроде испугались вопроса.

– Повтори! – посоветовал Лусин. – Не поняли.

Несколько секунд я молчал, обводя альтайрцев взглядом, и они тоже молчали, ожидая, не скажу ли я еще чего-нибудь страшного. А когда я набрался духа и вторично поинтересовался, кто изображен на картине, их охватила паника. Они уносились с такой быстротой, что не прошло и секунды, как около нас никого не осталось. Я повернулся к Лусину:

– Вот так история! Ты что-нибудь понимаешь?

– Понимаю, – отозвался Лусин. – Загадка.

32

Лусин, выбравшись из гостиницы «Созвездие Орла», сразу затосковал по своим чудищам.

– Да что с ними случится? Пегасы дерутся, а драконы жуют траву. Кому на Оре нужны твои примитивные создания?

– Не говори, – бормотал он. – Не надо. Хорошие.

– Проваливай, – сказал я. – Надоел до смерти. Желаю пегасам попасть в пасть дракона.

Лусин, счастливый, долго хохотал – таким забавным показалось ему мое пожелание. Два пегаса из смирных, дай им волю, загонят любого дракона.

Я вернулся в свой номер и поспал часок за вчерашнюю бессонную ночь. Меня разбудил вызов Веры. Она требовала меня к себе.

Вера порывисто ходила по комнате, иногда что-нибудь брала со стола, на котором громоздилось множество пустячков – кристалликов с записями, зеркальцев, гребешков, духов, – и, повертев, клала обратно. Когда Вера волнуется, у нее темнеют глаза. Сейчас они были почти черными. Она встряхивала волосами – волосы спадали ей на глаза, и она отбрасывала их. В гневе Вера только и делает, что взмахивает волосами. «Трясет головой, как лошадь», – мстительно думал я в детстве, когда она отчитывала меня. Разгневанная, она так хорошеет! Все неприятные минуты моего детства связаны с рассерженным, красивым лицом. С той поры я недолюбливаю красивых женщин, и это уже навсегда. Красота для меня неотделима от резких

слов. Сегодня Вера была красивей, чем когда-либо. Теперь я твердо знал, что у них с Ромеро разрыв.

– Ну, что ты нашел нового, Эли? – Она делала усилие, чтоб слушать.

Она сразу поняла, что мы совершили открытие. До сих пор было известно, что галакты появлялись в системе одной отдаленной звезды Гиад, в ста пятидесяти светогодах от Солнца. Теперь следы их обнаружены около Альтаира, в ближайших наших звездных окрестностях.

– Из твоей находки следует, что галакты со своими врагами могут появиться и в Солнечной системе, если уже не появлялись в ней, – сказала Вера. – То, о чем мы на Земле говорили лишь как о теоретической возможности, стало реальной угрозой. Но снова – кто такие разрушители, враги галактов? Почему их нет на картине? Не духи же они, в самом деле! Чем ты объясняешь бегство альтаирцев, брат?

Я развел руками: у меня не было объяснений.

– Еще одна загадка! А теперь поговорим о другом.

– О другом – это значит о Павле, сестра?

– Да, о Ромеро. Три часа назад мы с ним запросили малую универсальную машину «Пожирателя пространства», кто из нас прав. И МУМ ответила, что я – не права. Помощь звездоджителям она объявила несовместимой с принципом, что все совершается для блага человечества и человека.

– Машина соврала! На Земле запросим Большую.

– Нет, МУМ можно верить, Эли! Если она и не содержит всех знаний Большой, то принципы истолковывает правильно. Такой же ответ даст и Большая.

Я смотрел на Веру во все глаза. Раньше она не уступала, если чувствовала свою правоту. Я обиделся за прекрасных вегажителей, за добрых и смертоносных альтаирцев, даже за болтливых, дурно пахнущих, но по-своему симпатичных ангелов.

– Ромеро умело воспользовался последними данными... Он поднимает крик, что человечеству грозит чуть ли не гибель. А социальные наши машины, конечно, проштампуют его версию: раз над человечеством нависла опасность, нужно думать только о человеке. На то они и машины, чтоб мыслить по-машинному.

– Быстро же ты отступаешься, Вера. Быстро, быстро!..

Она подошла к окну и закинула руки за голову. Я видел лишь ее профиль: ровный нос, тонкие брови, высокий лоб, пухлую нижнюю губу, очень яркую на матовом лице. Красоты в ней больше, чем силы. А когда идет борьба, нужны кулаки.

– Тебе кажется, что я отступаю?

– Хотел бы, чтобы только казалось.

Она отошла от окна.

– Я не отступаю. Я начинаю борьбу. Но не с машиной. Что машина? Справочный механизм. Что в нее вложат, то и получат. Я хочу поставить вопрос перед человечеством: не пора ли расширить принципы нашего общественного устройства? Они существуют неизменными пятьсот лет – не настало ли время развить их дальше?

Я подумал, что она захватывает чересчур широко. Нужно сформулировать вопрос по-иному – и машина даст иной ответ. Ромеро тонок, он нашел хитрый ход, с ним надо бороться его оружием – отыскать формулировку похитрее.

– С ним надо бороться открыто и прямо, Эли. Ты ошибаешься: Ромеро не тонок. Он умен, но примитивен. Среди дикарей тоже встречались умные люди. Слушай, как все это представляется мне.

Она и раньше любила рассказывать друзьям то, с чем потом выступала на Совете. Я не терпел ее длинных речей, но эта показалась мне изложением собственных моих мыслей.

Вера начала с 2200 года старого летосчисления, памятного года, когда человечество объединилось в единое общество.

Год объединения стал первым годом новой эры, подлинная история человечества началась с осуществления принципа «Общество существует для блага человека. Каждому по его потребностям, от каждого по его способностям».

В те начальные годы принцип этот был лишь пожеланием, великую идею предстояло сделать повседневностью быта. Почти шестьсот лет протекло с той поры, и все эти годы человечество совершенствовало себя. Оглянешься – голова кружится: за все предшествующие тысячелетия не было совершено столько доброго, сколько за эти пять веков. Каким бы жалким показался прославленный рай рядом с нынешней Землей!

Но на этом кончилось лишь наше младенчество, не больше. Мироздание ребенка эгоцентрично, в центре Вселенной – он, а все остальное вращается вокруг него. Приходит время, и он узнает свое истинное место. Он становится сильнее и умнее, но из центра мира превращается в его рядовую частицу.

Таково и нынешнее человечество. Оно увидело: формы разумной жизни бесконечно разнообразны. Природа не исчерпала себя в человеке. Возможно, над альпайцами и альдебаранцами ей пришлось потрудиться больше, ибо препятствия для развития разума в этом случае были посерьезнее. Человечество наконец узнало свое место во Вселенной – оно скромно.

И вот тут начинается испытание глубины человека. Мы открыли иные общества – что мы нашли в них? Достигли ли они нашего уровня жизни, превзошли ли его? Удалось ли им овладеть могучими силами, что покорны нам? Нет! Они мучительно борются за существование, жизнь их – сплошное радение о тепле, о свете, о хлебе, добываемом в поте лица своего...

В этом месте я прервал Веру:

– Это не распространяется на галактов: у них развитая машинная цивилизация.

– Мы о них пока что мало знаем. Возможно, когда-нибудь заключим с галактами союз для помощи обществам низких ступеней развития. Сейчас же эта задача стоит перед нами одними.

Я вспоминаю, – сказала она, – как менялись отношения между людьми. Человечество начало со свирепой взаимной ненависти. «Человек человеку – волк!», «Падающего толкни!», «Каждый за себя, один бог за всех» – таковы были жестокие символы веры тех далеких времен. Что заменило их, когда человечество достигло единства? Гордая формула: «Человек человеку – друг, товарищ и брат!» Почти пять столетий жили мы под сенью этой формулы, ибо никого не знали, кроме человека. А теперь пришло время ее расширить: «Человек всему разумному и доброму во Вселенной – друг!»

И вот Ромеро объявляет, что эта мысль противоречит принципу «Общество живет для блага человека – каждому по его потребностям», и машина поддерживает его. Но я утверждаю: если примут мою формулу, принцип «Каждому по его потребностям» останется. Старое, из двадцать второго века, понятие «потребности», заложенное в программу машин, стало узко. Тогда к потребностям относили создание обеспеченной благами, справедливой жизни человека среди людей – звездожителей мы не знали. А сейчас человек стал лицом к лицу с иными мирами.

Можем ли мы равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: «Вы сами по себе, мы сами по себе – прозябайте, коли лучшего не сумели...» А раз появились новые обязанности, то возникли и новые потребности – мы должны стать достойны самих себя! Мы вступаем в следующую стадию нашего развития – выход в широкий мир. А наши государственные машины застыли на уровне, когда человечество знало лишь себя. Они выражают наше младенчество, мы же стали взрослыми. Надо изменить их программу – вот мой план. Сомневаюсь, чтоб Ромеро удалось долго торжествовать!

Как ни захватили меня мысли Веры, я не мог не понимать, что все опять упирается в проблему галактов. Не скажут ли ей, что рискованно начинать космические преобразования, когда мы не знаем, что ждет нас завтра?

– Уже сказали – Ромеро! Но у меня есть ответ. Разузнаем, какая реальность скрывается в известиях о галактах, – это первое. Второе – только не впадать в панику! Миллионы лет эти таинственные существа не посещали нашу систему, о них сохранились предания лишь на отдельных звездах, – почему мы должны вести себя так, словно завтра ожидаем вторжения? И третье, самое важное: если где-то в межзвездных пространствах бушуют жестокие войны, которые могут затронуть нас, почему нам заранее не объединиться со звездными соседями для отражения возможных атак? Разве, объединенные, мы не станем сильнее? И кто сказал, что мы встретим только противников? Галакты так похожи на нас – неужели они станут нашими врагами?

– Ресурсы, Вера! Человеческие ресурсы не безграничны. Ты понимаешь: это не мой довод, это аргумент тех, кто будет против тебя...

– Наши ресурсы огромны, и в нашей воле их увеличить.

Я помолчал, прежде чем задать Вере новый вопрос. До сих пор мы никогда не говорили о ее личных делах.

– А Ромеро, Вера? Неужели твои доказательства на него не подействовали? Мне всегда казалось, что у вас полное единение.

– И мне так казалось, – сказала она горько. – Я думала, что у меня нет человека ближе, чем он, – кроме тебя, конечно. Вероятно, я просто закрывала глаза на многие его недостатки. А вчера ночью он кричал, топал ногами, ругался...

– Ты просила его успокоиться?

– Я прогнала его. Я сказала, что он мне омерзителен.

– Ты всегда резка, сестра!

– Я права, Эли! Это единственно важное – я права! А когда он ушел, мне показалось, что у меня разваливается голова. Почему Ромеро? Нет, почему он? Ну, пусть бы другой, я бы пережила это, мало ли какие люди попадают!.. Но Павел! Я верила в него как в себя, гордилась им. Ты этого не поймешь, Эли, ты еще никого не любил!..

Воодушевление, охватившее ее, когда она излагала мне свои доказательства и предложения, угасло. Она казалась еще измученней, чем утром. Я молчал, не зная, что сказать.

Потом я спросил:

– Как ты представляешь себе борьбу с Ромеро?

– По возвращении на Землю мы обратимся к людям с просьбой решить, кто прав. Коллективный человеческий разум и воля будут высшими судьями.

33

Андре, разумеется, не поверил, что альтаирцы улепетывают при упоминании о галактах. Он схватил дешифратор и умчался в гостиницу «Созвездие Орла». Днем я повстречал его в столовой. Он уныло жевал мясную синтетику.

– Эти чертовы существа трусливее зайцев! – ругался он. – От меня убежали почище, чем от вас. Кое-что я, впрочем, записал.

– И картины, что вы обнаружили, уже нет, – добавил Андре. – Альтаирцы стерли ее. Зато я знаю, почему вы не увидели разрушителей рядом с закованными галактами.

– Ты, очевидно, разработал новую ослепительную теорию?

– Во всяком случае – справедливую. Секрет в том, что разрушители невидимы.

Он хладнокровно стерпел мое изумление. Когда же я сказал, что он пытается разрешить одну загадку, придумывая другую, еще более сложную, Андре презрительно бросил:

– Ты педант и консерватор. Всякая новизна претит тебе уже по одному тому, что она – новизна. Подумай над этим на досуге, Эли. Еще не поздно исправиться. Жду перелома.

Он махнул мне рукой и убежал заканчивать подготовку к своему концерту. Он любил прерывать споры так, чтобы последнее слово оставалось за ним.

Я посетил Труба. Строптивного ангела днем выпустили наружу, но он устроил на площади очередной скандал. Спыхальский распорядился водворить его на прежнее место. Мне показалось, что Труб обрадовался моему приходу, хотя ни единым движением крыльев не показал этого. Он скосил на меня угрюмые глаза и что-то проворчал.

– Как настроение, Труб? Страшные сны не мучают?

– Не хочу здесь больше, – зарычал он. – Отправьте меня домой. Ненавижу низменных двукрылых, которым вы угождаете.

– Не все двукрылые, Труб. Попадаются и четырехкрылые.

– Их тоже ненавижу. Всех ненавижу!

– А себя любишь?

Он уставился на меня как на дурака. Я ожидал ответа с такой серьезностью, что он смутился.

– Не знаю, – сказал он почти вежливо. – Не думал.

Я похлопал его по плечу и приласкал великолепные перья. Это был чудесный экземпляр настоящего боевого ангела.

– Глупый ты, Труб! – сказал я от души.

Он молчал, возбужденно ероша перья. В глазах у него появилась почти человеческая тоска. Но заговорил он с обычной строптивостью:

– Ты не ответил, человек: когда повезете нас обратно?

– Подготавливается звездная конференция. Поговорим о формах общения, о межзвездных рейсах и прочем. А после конференции – по домам!

Он величественно закутался в крылья.

– Конференции меня не интересуют. Двукрылые пицчат о межзвездной торговле. Не терплю торгашей!

Уже в дверях я спросил:

– Меня ты терпишь? Заходить к тебе?

Он хмуро проговорил:

– Заходи! И товарищи твои... тоже...

Вечер я провел у Фиолы. Вегажителю уже не разбегались в страхе, когда я приходил один. Мне становилось с ними все интересней. Интересней всех была Фиола. Она рассказывала, как идет у них жизнь, а я, особенно не вслушиваясь, любовался ею. Она поймала меня на этом:

– Почему ты смотришь на меня, Эли?

– Разве я смотрю?

– Да. И у тебя тускнеют глаза, когда ты задумываешься.

– Я этого не знал. Конечно, глазам человека не сравниться с вашими. У нас цвет их один на всю жизнь. Скучноватые, в общем, глаза.

– Зато у вас прекрасная улыбка, Эли. Когда ты улыбаешься, у меня стучит сердце. Почему ты краснеешь?

– Ты очень откровенна. У нас это встречается не так часто.

– Что значит – очень откровенна?

– Как тебе объяснить? Если у нас кто-то думает, что другой – хороший, он спешит это сказать, чтоб человек порадовался.

– И у нас так.

– Вот видишь! А если другой человек плохой – раздражительный, угрюмый, – то мы обычно молчим, чтоб не расстраивать его.

– Этого я не понимаю. Он должен радоваться, если ему скажут, что он плохой, – он делает себя лучше.

– Ну, знаешь! На Земле и машина не радуется, если ее ругают.

Фиола размышляла. Прекрасная, она становилась еще прекраснее, задумываясь. Глаза у нее превращались в нежно-салатные и разгорались. Когда Фиола поворачивала голову, из тьмы выступали предметы: она освещала их глазами, как огнями. Впрочем, я об этом уже говорил.

– Скоро мы расстанемся, – сказал я.

– Тебя это огорчает?

– Да. Я буду вспоминать тебя, Фиола.

– И я. Когда тебя нет, я думаю о тебе.

Такие разговоры я мог бы вести часами. Я прижался к ней плечом. Она с удивлением поглядела на меня. Когда же я коснулся губами ее губ, она спросила очень серьезно:

– Зачем тебе это нужно?

Что я мог ей ответить? Я сказал, что такое прикосновение называется поцелуем.

– Не могу сказать, чтоб поцелуи были приятны, – сказала она. – Но я буду терпеть, если тебе этого хочется.

– Тебе недолго терпеть, – ответил я.

– Мне будет не хватать тебя, Эли, – повторила она.

– Мне и сейчас не хватает тебя, – сказал я. – По земным понятиям, ты есть, и тебя нет. Ты желанная и недоступная.

– Раньше ты говорил, что я красивая, – напомнила она. – Разве красота недоступна? Ты не отводишь от меня глаз, значит ты видишь ее?

– Можно быть красивой и желанной, красивой и недоступной – одно другого не исключает. Недоступное порой даже более желанно.

– Вероятно, потому, что вы, люди, часто хотите невозможного. У вас есть такая странная особенность.

– У нас много странных особенностей.

– Да. А мы желаем лишь того, чего разумно желать. У нас нет недостижимого и недоступного, ибо мы не стремимся к тому, чего невозможно достичь, и не приступаем к неприступному.

– Люди перемерли бы с тоски, если бы были так трезвы, как вы.

– Я и говорю: в вас много странностей.

– Тогда объясни, Фиола, зачем ты сидишь со мной?

– Ты рассказываешь много интересного.

– Другие люди говорили бы интереснее, чем я, но ты хочешь видеть меня. Почему ты встречаешься со мной, а не с Лусином?

– Ты мне приятней, – призналась она. – Днем я думаю, что вечером увижу тебя, и мне становится тепло. Я не понимаю, что это такое. У нас каждый относится ко всем одинаково.

– А у нас отношение к некоторым иное, чем ко всем остальным. Мы называем это особое отношение любовью. И мы не требуем, чтобы любовь была особенно логична.

– Все явления имеют логику. Любовь тоже должна ее иметь.

– У любви есть логика. Но особая. Тем, кто не знает любви, она покажется сумасбродством. И если мы не замечаем, что любовь странна, то лишь потому, что она широко распространена среди нас. Нет таких, кто хотя бы однажды не влюблялся.

– Бедные! Вы, очевидно, проклинаете все на свете, когда на вас сваливается такое несчастье, как любовь?

– Наоборот, благословляем ее – как дар. Лучшее в человеке связано с любовью. Фиола, помолчим! На Земле перед расставанием всегда молчат.

Мы молчали. Фиола прижималась ко мне. Может, она хотела сделать мне приятное, может, ей стало нравиться так сидеть – я не спрашивал. Я с горечью понимал, что страсть к ней бессмысленна. Можно сотрудничать со звездожителями, можно дружить с ними, помогать им,

обучать их нашим наукам и технике, нашему общественному устройству, но влюбляться в них – противоестественно. Любовь – это человеческое, слишком человеческое, ее не перенести в иные миры.

– Прилетай к нам, – сказала Фиола. – Тебе у нас понравится. Я хочу тебя видеть больше всех людей.

– В этом мало логики, Фиола.

– Мало, да. Ты заразил меня своими странностями, Эли.

Я держал ее руки в своих, гладил их.

– Поцелуй меня, – сказала она одним светом глаз.

Я поцеловал ее и печально сказал:

– Желанная и недоступная.

Она напряженно вслушивалась в мои слова. Я знал, что потом она будет повторять их про себя, будет стараться проникнуть в темный их смысл. Мне стало стыдно. Зачем я вношу человеческое смятение в спокойную душу далекого от людей существа? Зачем прививаю ей мучительную культуру наших страстей? Она поймет только наши тревоги и страдания, наслаждение и счастье наше ей узнать не дано. В смятении и тоске она будет кружиться в своих глухих садах, будет звать меня пением и светом: «Эли! Эли!» Зачем?

– Желанная и недоступная! – шептал я, глядя, как она исчезает в глубине сада.

34

Конференция звездожителей удалась на славу. Огромный зал Галактических Приемов был разбит на секторы, прикрытые куполами, внутри каждого сектора создали свои условия: для альдебаранцев – расплющивающее тяготение, для альтаирцев – жесткое излучение, для вегажителей – томный полумрак с роскошными растениями. Лишь для ангелов с Гиад условий не обеспечили: этот народ отлично приспосабливается к любым.

Много секторов пустовало. Конструкторы Оры предусмотрели столько разных возможностей существования, что половину их пока не удалось обнаружить.

Во время совещания я хотел посидеть с Фиолой. Но Вера настояла, чтоб я явился в сектор Солнца, где собрались люди. Я сел между Ромеро и Андре, тут же разместились Аллан, Ольга, Лусин, Леонид, позади и впереди – работники Оры, свободные от дежурств. Людей набралось порядочно. Еще больше было гостей, особенно ангелов.

За отдельным столиком в центре зала уселись Вера и Спыхальский – председатели сегодняшнего совещания.

Я толкнул локтем хмурого Андре:

– Надо бы выбрать президиум, как любили предки. По одному представителю от созвездия, как по-твоему?

Он буркнул:

– Обратись к Ромеро. Я не специалист по президиумам.

К Ромеро я не обратился. Павел поставил трость между ног и скрестил на набалдашнике руки. Он со скучающим презрением оглядывал зал.

Спыхальский предложил Вере рассказать о цели первого межзвездного совещания. Вера объявила начало новой космической эры – периода внутригалактического сотрудничества. Андре показалось, что Вера старается расписать его слишком уж розовыми красками.

– Вселенское благотворительное общество, – сказал он, зевнув. – Братство падающих с неба синтетических галушек. Великое объединение звездожителей губ-не-дур.

Я с упреком спросил, не он ли недавно сочинил симфонию о гармонии звездных миров.

– Я, – отозвался Андре равнодушно. – И сейчас я за космическое товарищество. Но пусть и звездные братцы закатывают рукава.

Ромеро, казалось, слушал одну Веру. За час он не повернул головы – все те же скрещенные на трости руки, надменная скука на лице. Но он уловил, о чем мы тихо препираемся с Андре. Он повернулся к нам.

– Вот первая ваша мысль, дорогой Андре, которая кажется мне основательной. После вчерашней теории я опасался, что на вас как на мыслителя надо ставить крест.

Я поинтересовался, какую теорию Андре он имеет в виду. Не ту ли забавную гипотезу, что неразгаданные враги галактов – невидимки?

– Следующую за этой. Наш друг Андре – генератор новых идей непрерывного действия. Вчера он доказывал, что человек – нечто вроде искусственного сооружения, придуманного в незапамятные времена галактами, которые, создав нас, бросили на Земле свое творение за полной к чему-либо непригодностью.

Ничего похожего на это я от Андре не слышал.

– Пустяки, – сказал Андре. – Гипотеза как гипотеза – анализ одного из теоретически возможных предположений... У Лусина в институте, воздействуя на гены лошадей и ящеров, выводят пегасов и драконов – почему же не вывести человека генной обработкой обезьян? И вот я предположил, что некогда на Земле высадились галакты и, немного поэкспериментировав с обезьянами, создали людей. Согласись, это допущение отлично объясняет многие загадки.

– Допущение или фантазия? – спросил Ромеро. – Раз уж вы начали, доведите свой рассказ до конца, Андре. Я имею в виду оценку, которую дала МУМ вашей любопытной теории.

– МУМ объявила мою гипотезу ненаучной.

– Она назвала ее чепухой, любезный Андре. Она выбрала именно это слово – «чепуха» – для точной квалификации вашего очередного научного творения.

Ромеро сказал это с такой желчью, что меня передернуло.

После речи Веры устроили перерыв, чтоб гости поразмышляли, а в нем для желающих была исполнена симфония Андре. Он рассказал о своем творении, потом зазвучала механизированная музыка.

Я слушал концерт с Фиолой в их секторе. Музыка привела ее в недоумение: звуки грубы, а цветовые эффекты примитивны, сказала она. Неужели людей восхищает такое пустое искусство? Я заверил ее, что нормальные люди подобным искусством не восхищаются, а если попадутся штукари вроде Андре, то их высмеивают.

Я постарался также выяснить мнение других звездожителей.

– Значит, так, – сказал я потом Андре. – Альтаирцы полагают, что симфония мягковата, нужно бы подбавить рентгеновских лучей, для альдебаранцев она легковесна, ангелам кажется холодной и разреженной, вегажителям – грубозвучной и однокрасочной... Что еще? У людей узкий спектр условий существования, для них она по-прежнему убийственна. Кто выиграл?

– Иди к чертям! – сказал Андре без злобы. Подозреваю, что он предвидел провал и хлопотал о концерте, единственно чтоб выполнить условия пари. – У звездожителей эстетические способности еще ниже, чем у людей. Наслаждайтесь своими физиологическими мелодиями, если не понимаете шедевров.

– Ты не сказал, за кем пари.

– За тобой, – признал он нехотя. – Но, пожалуйста, не танцуй и не ори на всю Ору – ты переживаешь радость слишком бурно.

Я пообещал пережить эту радость тихо.

Последние дни пребывания на Оре были заполнены совещаниями – то людей меж собой, то людей с группами звездожителей. На одной из встреч у Спыхальского, без звездных гостей, было решено, что два самых крупных галактических корабля, «Пожиратель пространства» и «Кормчий», должны продолжать путешествие вглубь Галактики.

Вера объяснила, почему вторжение в звездную глубину не может быть отложено. У экспедиции на Ору было две задачи, из них выполнена лишь первая: заложены организационные основы Межзвездного Союза.

– Однако, – сказала Вера, – где-то обитает высокоразвитый народ галактов, нового о нем мы не узнали. У этого народа имеются могущественные враги, и о них нам ничего не известно. Мы работаем над созданием братства звездожителей, но эта работа окажется под угрозой, если мы не узнаем, не грозит ли что-либо проектируемому Межзвездному Союзу. Куда направить корабли на поиск? Откуда галакты прилетали в Гиады и на Альтаир? Вероятней всего, из Плеяд – ближайшего к Гиадам звездного скопления. Итак, прыжок на Плеяды, где люди еще не бывали, – вот очередное задание. Я лечу на «Пожирателе пространства», – закончила Вера. – Эвакуация гостей и отправка кораблей на Землю возлагается на руководителей Оры.

Я спросил Ромеро, когда совещание закончилось:

– Вы с нами, Павел, или на Землю?

Он сухо ответил:

– В древности главным достоинством мужчины считалось умение сражаться с врагами. «Пожиратель пространства» имеет задание – найти врагов. Я потерял бы к себе уважение, если бы уклонился от возможности показать свою мужскую храбрость!

Думаю, ту же мысль он бы мог высказать и не столь витиевато.

Вскоре на Арктур, на Альдебаран, на Капеллу, на Фомальгаут улетели корабли, настал черед Веги.

Ночь перед отлетом Фиолы я провел в ее саду под грустным светом искусственной луны. Мы больше молчали, чем разговаривали. В молчании было что-то до того лирически-земное, что грусть моя превратилась в печаль. Это была первая ночь с Фиолой, когда она не выпрашивала ни о науке, ни о космосе, ни о социальных наших порядках, ни о звездных кораблях, – интимно-глуховатая ночь, подлинная ночь влюбленных.

– Зажигается солнце, Эли. Мне надо уходить. Мы увидимся в звездном порту, – сказала она утром.

Вечером на базу звездолетов один за другим подъезжали автобусы – и из них выплескивались сияющие столбы вегажителей. Сумрачный нарядный свет озарил базу, так их было много, гостей с Веги. Я пришел с Лусином. Многие узнавали меня, махали руками, приветственно вспыхивали глазами. Потом показалась Фиола. Я сделал к ней шаг, и она мигом очутилась около меня.

– Ты обещал приехать, – напомнила она.

– Желанная и недоступная! – повторил я, когда она уносилась в звездолет.

Потом мы с Лусином долго ходили по Оре.

– Ты биолог, Лусин, – сказал я. – Ты знаешь, что продолжение рода – один из стимулов любви. Может ли она быть, если нет этого стимула – продолжить род? Если два существа разнородны, потомство у них невозможно... Законна ли их любовь?

Лусин понял мое состояние лучше, чем я ожидал.

– Любовь – продолжение рода, да. Так начиналось. Будет новой. Любовь – единение душ. Высшая связь индивидов.

– Выходит, я случайно попал в пионеры нарождающегося чувства – единства родственных душ Вселенной? Мне выпало на долю первому полюбить биологически чуждое существо?

– Да, Эли. Первые шаги. Сегодня – чуждо. Завтра – близко.

– Завтра будет твой ископаемый бог с головой сокола, – сказал я с досадой. – Дальше этого ваша биология не пойдет.

На другой день флотилия из трех звездолетов с ангелами уходила на Гиады. Посадка крылатых на корабли совершалась под крики и клекот. Знакомые ангелы кидались прощаться,

увеличивая беспорядок плачем и причитаниями. А потом в крылатой толпе появился Труб – и разыгрался скандал. Труб заметил нас и, расшвыривая сородичей мощными крыльями, ринулся наперерез общему потоку. Он ревел, обращаясь почему-то ко мне одному:

– Эли! Эли! Эли!

Обхватив меня крыльями, он страшно заклекотал:

– Не пойду! Хочу с людьми!

У Лусина в глазах стояли слезы. Он с нежностью гладил глянцевиные крылья Труба.

– Хороший, – шептал он. – Замечательный. Лучше всех.

Я разыскал Спыхальского и объяснил, что происходит.

– Хотите взять ангела с собой? – изумился Спыхальский. – А какого вам черта в ангеле?

– Посмотрите на него, – сказал я. – Это же красавец. Привезти такого на Землю – он же всех потрясет. И он привязался к нам не меньше, чем мы к нему.

Спыхальский вызвал Веру, сообщил ей о желании Труба и нашем и от себя добавил, что ходатайствует о том же.

– Можете взять Труба, – сказала Вера, исчезая.

Я помчался к своим, издали крича, что дело выгорело.

У Труба в крыльях дьявольская сила – он так сжал меня, что моя голова закружилась.

– Я твой раб, – сказал он. – Раб навеки, Эли!

– Ты мой адъютант, – сказал я. – Адъютант – это что-то не ниже друга, что-то близкое, почти братское. На правах друга я попрошу об одном приятельском одолжении.

– Спрашивай и требуй. Я счастлив, могущественный...

– Прими ванну и смени одежду. На складе заготовлены тюки ангельских рубах, возьми дюжину в запас.

Он немедленно взмыл вверх.

Для такого тяжеловеса летал он великолепно.

Часть вторая

Поход Звездного Плуга

*Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Ф. Тютчев

1

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, меня охватывает сложное чувство: печаль от понесенных утрат и гордость. Мы были участниками самой трудной космической экспедиции из всех донныне совершенных и полностью выполнили свой человеческий долг.

Дело не в том, конечно, что за два земных года мы преодолели десять тысяч светолет, и если не вторглись в таинственный центр Галактики, скрытый темными туманностями, то проникли в звездную бездну так далеко, как еще никто до нас. Если бы лишь этим – триллионами оставленных за кормой километров – исчерпывалась заслуга, гордиться было бы нечем. Пустота остается пустотой, большая она или малая. Но мы узнали, как высоко достигнутое иными существами могущество, как огромны добро и несправедливость, схватившиеся меж собою в галактической схватке, и как неизбежно все это заставляет человека, лишь вступившего на звездный путь, втягиваться в не им начатые споры, ибо, кроме него, некому их решить окончательно. «Наш век трагичен», – часто говорил бедняга Андре и доказал это собственной жизнью. За бортом нашего корабля промелькнули тысячи звездных систем – ни в одной мы не открыли сладенького рая, спокойствия и благодати.

Зато нам пришлось обрушить тяжкий кулак человеческой мощи на тех, кто строит свое маленькое счастье на большом несчастье других. В сплетение кипящих во Вселенной страстей мы вторглись собственными нашими страстью и силой, величайшими из доселе существовавших, – страстью разума, силой справедливости. Быть злым по отношению к злому – тоже доброта. Мы были освобождением и возмездием. Да, конечно, полной победы мы не добились, я далек от такого высокомерного заблуждения, мы были разведчиками, а не армией человечества. Но теперь мы знаем, за кого мы и кто против нас, мы знаем, что тысячи обитаемых миров, проведая о нашем выходе во Вселенную, с мольбой и надеждой простирают к нам руки.

Вот она вьется тонкою нитью, пылевая стежка, след нашего полета. Я надеюсь, я уверен, что недалек тот час, когда проложенная нами в космосе тропка превратится в широкую дорогу, высочайшую трассу Вселенной – от человека к мирам, от миров к человеку!

2

Первым летел «Пожиратель пространства», за ним «Кормчий». Командиром «Пожирателя» была Ольга, помогали ей Леонид и Осима. Вторым звездолетом командовал Аллан. Вера избрала «Пожиратель пространства», с ней были я, Лусин, Андре, Ромеро.

Я каждый день подолгу работал с Верой над ее отчетом Земле, и она разрешила вызывать себя без предупреждения. Как-то, высветив ее комнату, я увидел Ромеро. Мне надо было тот-

час погасить вызов. Растерянный, я забыл об этом. Вера прижималась к стене, Ромеро схватил ее за плечи. У него бело сверкали глаза, дыхание вырывалось со свистом.

– Нет! – не говорил, а шипел он. – Нет, Вера! Этого не будет!

– Уйди! – требовала она, вырываясь. – Я не хочу тебя видеть. Отпусти руки, мне больно!

Ромеро отошел на середину комнаты. Он запнулся, отходя, и бешено глянул на пол, я хорошо помню его взгляд, полный ярости, – он ненавидел даже вещи.

Вера поправила кружевной воротничок.

– Вот так лучше. И поставим на этом точку, Павел. Уходи!

Он взглянул не на нее, а на меня. Он не мог знать, что я незримо присутствую, но повернулся ко мне. Его сведенные брови словно ударились одна о другую, скулы дрожали. Если бы я был с ними, я бы загородил Веру. От человека с таким лицом нельзя ждать доброго.

– В древности существовал неплохой обычай, – заговорил он хрипло. – Дамы, бросая поклонников, объясняли, что перестало им нравиться у отвергаемых. Надеюсь, ты не откажешь мне в вежливости твоих легкомысленных предшественниц?

– Ты хочешь сказать, что я легкомысленна?

– Я хочу знать: что случилось? Только одно – что?

– Ты не знаешь? Странно для такого пронизательного человека, каким ты себя считаешь,

Павел.

– Вера, клянусь тебе! Крыша обрушится на голову – не так неожиданно!.. Всего я ожидал от поездки на Ору...

– Хорошо, слушай. Я не люблю тебя. Этого хватит?

– Это я знаю. Но почему? По-человечески объясни – почему?

– Я могла бы ответить твоим любимым присловьем: неизвестно, почему возникает любовь, неизвестно, почему она пропадает. Но вряд ли тебя удовлетворит объяснение в твоём стиле. Так вот: я не люблю тебя, ибо не уважаю. На этот раз достаточно?

Он помолчал, набираясь духу.

– Значит, все дело в звездных недочеловеках? В бегемотах с Альдебарана, пауках с Альтаира, змеях с Веги, тупых ангелочках с Гиад? Они тебе дороже, чем я? Я встал на защиту человека и в результате потерял единственное человеческое чувство, что нас связывало, – нашу любовь?

– Павел, наш разговор беспредметен. Неужели ты не понимаешь, что каждым словом усиливаешь отвращение к себе?

Гордость боролась в нем со страстью. На миг мне стало жаль его. Еще больше мне было страшно за Веру. В неистовстве он мог поднять на нее руку. От бессилия я сжимал кулаки. Мне надо встать между ними, а не подглядывать!

– Я бы ползал перед тобой на коленях, целовал твоё платье, – сказал он горько. – Я гордился бы участью быть твоим слугой, рабом твоим, если бы тебе хоть немного это было надо.

– Рабов мне не нужно. А слуг у каждого хватает.

– Да, механических! Механических, будьте вы все!.. Восемнадцать миллиардов киловатт на человека, так ведь? Восемнадцать миллиардов киловатт, двести миллиардов египетских рабов! Какой фараон, какой президент мог похвастаться такой армией лакеев? И среди этой бездны киловатт ни единого горячего, преданного, человеческого сердца! Автоматы вы или люди, вы, апостолы всеобщей помощи? Как я ненавижу вас!

Вера подошла к нему вплотную. Теперь я боялся, что она первая ударит его.

– Я долго ждала этого признания. Вот он весь ты – ненависть, одна ненависть! Глупец, ты думаешь, ненависть рождает любовь?

Он опустился на колени и, обхватив Веру, прижался лицом к её платью – она молча боролась с ним. Он в исступлении целовал её ноги.

– Оставь! – закричала она гневно. – Зачем ты мучаешь себя и меня?

Он медленно поднялся. Он стоял пошатываясь.

– Верочка, Верочка! – прошептал он задыхаясь и неуверенно, как слепец, протянул к ней руки. У него были мутные глаза, мне показалось, что он и вправду не видит. Она отодвинулась. – Верочка, жить без тебя!.. Пойми, жить без тебя!.. Все, что потребуешь, ни единого слова против, восхвалять буду... Верочка!

Она руками заслонила от него, отвернула лицо от его отчаянного взгляда. Он подошел ближе, она оттолкнула его:

– Отойди и успокойся! Это недостойно – действовать такими средствами... У нас с тобой спор о принципах. Будь честен, Павел, ты не переделаешь себя!

– Переделать себя! – пробормотал он глухо. – Переделать себя!

Вдруг он скверно выругался и пошел к двери. Вера устало села на диван и закрыла глаза. Она по-прежнему не догадывалась, что я наблюдаю за ней. Так, с закрытыми глазами, она сидела минуты две. Потом она стала плакать, сперва тихо, почти беззвучно. Рыдания, усиливаясь, трясли ее тело. Вера повалилась лицом на диван, вскрикивала, захлебывалась слезами. Я погасил вызов.

3

Лусин со своим новым любимцем Трубом пропал в недрах корабля, и мы его почти не видели. Ангел учился говорить по-человечески без дешифратора. На столе у Андре стояла карточка Жанны.

Жанна так походит на Андре, что издали их путаешь. Многое тут от природы, но еще больше от старания – одинаковые, до плеч, локоны, тот же наклон головы, тот же покрой одежды. Не знаю, кто к кому принаравливается, – вероятно, оба стараются, но они больше смахивают на брата и сестру, чем на мужа с женой.

Однажды на столе у Андре появился и его будущий сынишка, три гороскопические фотографии – каким тот будет в год, в два и в десять лет.

– Иконостас родственников, – сказал я. – Затосковал, милоч?

– Сегодня Олег родился, – торжественно ответил Андре. – В десять утра по местному земному времени. Толстенный парень, сероглазый и розовощекий, шестьдесят три сантиметра, пять с половиной килограммов улыбок и веселья – вот он каков!

Я полюбопытствовал, как известие с Земли преодолело разделявшие нас в это время четыреста светолет.

Андре поглядел на меня с возмущением:

– Не думал, что ты забудешь о машинном гороскопе малыша. Мне подарили в дорогу альбом состояний Жанны на все дни беременности.

Он вытащил из стола объемистую книгу. На каждой странице имелась дата, фотография Жанны, синтезированная по формулам этого дня, и запись, как Жанна будет чувствовать себя, а также какой у нее на эти сутки режим сна, еды и прогулок. Я перелистал книгу.

Медицинские машинные прогнозы исполняются неточно, особенно у женщин. Кроме того, возможны случайности: упал, сломал ногу, поссорился с приятелем – все это влияет. Но я не стал расстраивать Андре сомнениями.

Андре любовался фотографиями и записями.

– Когда ты наконец обратишь внимание на земных женщин, заведи себе такой же альбом. Будешь далеко от возлюбленной – и рядом с ней! Все знать о ней, ощущать биение ее сердца, тепло ее руки!..

– Надеюсь, это будет нескоро. А если случится, я приобрету альбом настроений жены на каждый день года: какого числа нежна, какого – встает с левой ноги... Думаю, к тому времени

подобные прогнозы станут обычными. Лишь тогда семейная жизнь обретет прочный фундамент, как по-твоему?

– Ты мастерски портишь хорошее настроение, – сказал он с досадой. – Не понимаю, почему тебя любят друзья!

– По нетребовательности, Андре. Знают, что хорошего от меня не дождешься, и мирятся на плохом.

Андре спрятал альбом.

– Пойдем в наблюдательный зал. Неужели мне не удастся отпраздновать рождение сына хорошим открытием?

Корабли третий месяц шли курсом на Плеяды.

Скорость звездолетов равнялась трем тысячам световых лет – мы основательно вспахивали пространство. Из мироздания был вырван клочок вакуума, достаточный для образования звезды. Если бы нарушенная нами геометрия этого участка мира не восстанавливалась за счет невозмущенной мировой пустоты, изменения от вторжения Звездных Плугов были бы еще значительней. «Зола космического пространства», – сказал как-то Андре, рассматривая образованную нами пыль.

В зале Андре повернулся к оставленному позади Солнцу. Солнечный мешок – еще недавно, на Оре, величественное созвездие – сжался и потускнел, даже гиганты Вега и Капелла были на пределе: наша звездная отчизна закатывалась в невидимость. Андре настроил умножитель на экран, чтоб мы оба видели одну картину. Потерянные миры ожили. Снова засверкало Солнце. Нам показалось даже, что мы различаем вращающиеся вокруг него планеты, – это был, разумеется, оптический обман.

– Здравствуй, родина! – сказал я. – Здравствуй, человек Олег, появившийся на свет сегодня. Твой отец и твой друг шлют тебе привет из звездных глубин! Андре, как нам отметить его рождение? В старину в подобных ситуациях напивались. Предлагаю потанцевать и покричать!

Не дожидаясь согласия, я толкнул кресло Андре. Он полетел головой вниз. Я понесся вслед. Вселенная завертелась, звезды то насакивали, то удирали. Андре в восторге надал ходу, я обогнал его. Мы варварски забавлялись в темноте, пронизанной звездным светом.

Устав, мы вывернули кресла лицом к далекому Солнцу.

– До свидания, сын! – сказал Андре. – Мы чудесно потанцевали в твою честь.

Он занялся Плеядами.

Мы мчались к ним уже два месяца – они не менялись. И с Земли, и с Оры Плеяды казались небесной паутинкой, повисшей среди крупных звезд. А когда до скопления остались считанные парсеки, оно стало расширяться, наливалось светом. Великолепное созвездие, туго набитое ярчайшими светилами, разгоралось в небе. Гайгета, Астеропа, Целена, Электра, Мерепа, Майя, Алциона, Плейона, Атланта – каждая звезда ярче наших Сириусов и Канопусов – играли разноцветными огнями, рядом с ними теснились десятки других светил.

– Вижу планетную систему, – сказал Андре.

Крайние звезды скопления пусты – одинокие, небольшой светимости. Но у этой, Атланты, в сотню раз более яркой, чем Солнце, были спутники – три темных шара. Мы любовались ими и передвинулись к центру. Вокруг Алционы и Майи, двух мощно излучающих светил, вращалось по шесть планет, и так близко от звезд, что орбиты их должны были пересекаться. Я вызвал командирский зал. Ольга уже знала о планетах в Плеядах. На некоторых автоматы обнаружили атмосферу с кислородом.

– И кажется, на Электре имеется высокая цивилизация, – добавила Ольга. – На второй из четырех ее планет замечено искусственное свечение. Оно разгорается вскоре после захода Электры, потом ослабевает. Ночное освещение городов дает такой же эффект.

– Города! – закричал Андре. – Какие города?

– Городов отсюда не обнаружить.

Андре навел умножитель на Электру. Четыре планетки вокруг нее мы нашли скоро, но что-либо рассмотреть на них не удалось. Я забросил Плеяды и перевел умножитель немного в сторону. Передо мной засияли два рассеянных звездных скопления – Хи и Аш Персея.

С Земли и Плутона я часто рассматривал эти плотные кучки светил, удаленных от нас на четыре тысячи световых лет. Они никогда не вызывали у меня большого интереса. Но сейчас в их рисунке было что-то непонятно знакомое. Я понимал, что это обман восприятия: отсюда, с Плеяд, далекие скопления Персея видны под другим углом, чем с Земли или Оры. Не только я, но и никто из людей не наблюдал еще этих скоплений в такой проекции, они не могли быть мне знакомы. Так я говорил себе, пытаясь подавить нараставшее волнение.

– Что с тобой? – спросил Андре. – Третий раз зову – не слышишь. Посмотри на Электру. Искусственный свет над одной из планеток.

– Отстань! – пробормотал я. – Надоела твоя Электра!

Две сияющие кучки звезд были почти равны, но одна казалась концентрированной – многие тысячи светил, натолканные в узкий объем... Она была похожа на сжатый кулак, ударивший в центр другого скопления, – звезды разлетались в стороны как осколки... Внезапно я вспомнил, где видел эту картину.

Я схватил Андре за плечи, потряс его. Голова его моталась, он безвольно щелкал челюстями.

– Они с Персея! – орал я. – Они с Персея!

– Отпусти! – молил он. – Ты вытрясешь из меня зубы. Кто они? Почему Персей?

– Разрушители! Я знаю теперь, где гнездятся эти чертовы создания.

Андре так разволновался, что потерял голос.

– Вспомни картины в Оранжевом зале, – сказал я. – Вспомни, как ты убеждал нас, что слышал вопль, исторгнутый звездным скоплением при ударе... Разве это не те звезды? Я спрашиваю тебя, разве это не в точности та же картина?

Андре наконец оторвался от умножителя.

– Эли, друг мой, ты совершил открытие, – сказал он торжественно. – Я всегда был уверен, что природой ты предназначен для чего-то более серьезного, чем скучное зубоскальство. А теперь бегом к Вере.

– Зачем? Успеется.

– Ничего не успеется. Надо срочно менять курс. Зачем нам Плеяды, если те, кого мы ищем, в Персее?

Он тянул и толкал меня. Я уже хотел подняться, но в это мгновение вспыхнули аварийные сигналы, завизжали сирены. Небесную сферу затянуло дымкой. Мы услышали спокойный голос Ольги:

– Справа впереди по курсу космическое тело с околосветовой скоростью. Объявляю общую тревогу. Мы выходим из сверхсветовой области.

В свободных креслах наблюдательного зала один за другим появлялись пассажиры. Рядом со мной уселась Вера. Я торопливо рассказал ей, что увидел в Персее.

– Мы поручим автоматам проверить твоё наблюдение, – сказала она. – Но сейчас меня интересует, что за тело несется с такой скоростью. Что, если это звездолет?

Через некоторое время анализаторы доложили:

– Впереди корабль на фотонной тяге с бездействующими двигателями. Двигается по инерции.

4

Космический корабль предстал в умножителе светящейся точкой, потом удлинился до стручка. Это была металлическая ракета. Мы различали кормовые дюзы, не экранированные броневыми плитами иллюминаторы. «Пожиратель пространства» подавал сигналы, незнакомый корабль не откликался. Андре стал доказывать, что перед нами «Менделеев» Роберта Листа, затерявшийся в мировом пространстве пятьсот лет назад. Мне показалось невероятным, чтоб корабль с мертвым экипажем мог уцелеть за пять веков блуждания.

– Что-то не верится в летучих голландцев космоса!

Когда до корабля оставалось с миллион километров, на нем заработала радиостанция. Андре запустил дешифратор на все радиодиапазоны. Незнакомые звездоплаватели, применяя старинную азбуку Морзе, пытались заговорить с нами на русском и английском языках. Отчетливо различались фразы: «Земля... Лишен управления. Камагин, Громан... Земля... Звездолет „Менделеев“...»

– На этот раз ты угадал, – сказал я Андре. – Первый успех после многих провалов.

В пространство понеслись радиоволны нашего корабля. «Слышу вас хорошо, – диктовала Ольга. – Я звездолет с Земли. Отсутствие у вас управления значения не имеет. Заторможу и поведу на посадку своими полями. Люков без команды не открывать».

А затем «Пожиратель пространства» повис над фотонным звездолетом, осветив его прожекторами. Рядом со Звездным Плугом ракета казалась крохотной. Поле плавно втягивало «Менделеева» в недра нашего корабля, потом вывело на причальную площадь, где стояли оперативные звездолеты, планетолеты и авиетки.

Люк ракеты распахнулся, из нее выдвинулась лесенка. На лесенку выбрались два молодых человека. Они сорвали с себя шлемы и замахали ими, мы закричали и зааплодировали. Потом, словно по уговору, на миг наступила тишина, и мы услышали первые слова космонавтов.

– Боже, какие они высокие! – сказал один по-русски. – Это же не люди, а великаны!

А второй восторженно воскликнул:

– Эдуард, у них нормальная тяжесть! Здесь наши магнитные башмаки ни к чему!

К ним подошел Ромеро. Он единственный среди нас владеет древними языками. Ромеро пожал каждому руку и поздравил с благополучным причаливанием.

– Надеюсь, вы здоровы? На борту имеются средства от любой хвори.

– Мы здоровы, – ответил один из космонавтов. – Нас двое: я – Эдуард Камагин, помощник командира, и Василий Громан – штурман. Товарищи наши... они недавно погибли в катастрофе. – Он добавил с волнением: – Почему вы не появились на месяц, всего на месяц раньше?

– Давно стартовали с Земли, дорогие друзья? – спросил Ромеро.

На это ответил Громан:

– Не так давно: три года назад.

По площади пронесся гул, мы переглядывались. Ракеты в наше время можно увидеть лишь в музеях.

– Вы забываете, земляки, об Эйнштейновом замедлении времени, – весело сказал Камагин. – Чем больше торопилась наша ракета, тем тише плелось бортовое время. Когда мы покидали Землю, шел сорок первый год новой эры. – Он посмотрел на Ромеро. – Не откажите в любезности сообщить, какое сегодня столетие на дворе?

Ромеро ответил:

– Сегодня девятое апреля пятьсот шестьдесят третьего года новой эры!

5

Их все изумляло, этих славных парней, пятьсот двадцать лет назад стартовавших в космос и вскоре затерявшихся в его просторах. Они восхищались всем. О корабле они сказали: «Летающий остров – вот что это такое!» Их поражало, что внутри звездолета имеются не только машины, но и городок с парком и бассейнами. И они чуть ли не со страхом глядели на нас: наш рост поражал их, пожалуй, больше, чем размеры корабля. А когда они узнали, что мы движемся в сверхсветовой области и превращаем пространство в вещество, в материальные тела, как говорили в их времена, и столь же легко создаем гигантские пустоты из уничтожаемых материальных тел, то решили, что мы шутим. Дотаневская физика с ее непониманием вещественности пространства, с преклонением перед необъяснимо предельной скоростью света засела у них в мозгах как гвоздь!

– Мы знали, что вы, наши потомки, далеко уйдете вперед, – сказал Громан, когда ему разъяснили, что такое эффект Танева. – Но такой скачок!..

После того как молодые «предки» отдохнули, они рассказали подробности своего затянувшегося путешествия.

Звездолет «Менделеев», самое совершенное человеческое творение того времени, стартовал от Земли в пятницу, 13 августа 41 года новой эры, имея на борту четырнадцать инженеров и двух капитанов – Роберта Листа и Эдуарда Камагина. Съестных припасов и ракетного горючего было взято с расчетом на пятьдесят лет путешествия.

В первые месяцы рейса миновали Солнечную систему, углубились в межзвездные просторы – шли курсом на Сириус. Цель экспедиции состояла в исследовании этой двойной звезды, в частности – меньшей, белого карлика.

Вскоре после выхода из Солнечной системы звездолет разогнали до световых величин. Лишь три тысячи километров в секунду отделяли его от светового барьера. Начали действовать околосветовые эффекты: увеличение массы корабля, замедление бортового времени. А затем произошла катастрофа – удар шального метеорита и взрыв. Та часть звездолета, где хранились запасы антивещества, была уничтожена. К счастью, он разделен на отсеки, и люди не пострадали. Места разрушения были заблокированы. Корабль, получивший от взрыва дополнительное ускорение, продолжал мчаться, но уже не в сторону Сириуса, а в созвездие Тельца, к рассеянному скоплению Плеяд. И выправить курс было невозможно: на борту не осталось фотонного горючего, не действовали тяговые механизмы.

После первого отчаяния Роберт Лист потребовал от космонавтов, чтобы они взяли себя в руки. Плохо, говорил он, но мы еще не погибли, а это уже хорошо. Времени достаточно – вся жизнь, имеются механизмы, материалы, лаборатории, будем заделывать повреждения, попытаемся произвести некоторое количество горючего. Скорость у нас гигантская, убеждал он, нужно лишь изменить ее направление – может, и удастся вывернуть звездолет назад. Мы еще вернемся на Землю, твердил он, давайте закатывать рукава!

И вот они приступили к работе, продолжавшейся, по их бортовому времени, около трех лет, а по земному – свыше пяти столетий. Повреждения были заделаны, и тяговые механизмы, ослабленные, но работоспособные, ожидали лишь топлива. Космонавты уже считали дни до пуска двигателей, когда разразилась вторая катастрофа.

Камагин и Громан в тот день дежурили в штурманской рубке – лишь они уцелели...

Эдуард Камагин, вспоминая появление светящегося шара, весь побелел, и нам передалось его волнение. Шар возник внезапно – именно возник, а не приблизился: зеленый, пронзительно излучающий, он словно выпрыгнул из небытия «по щучьему велению» – это была первая загадка из тех, что он принес с собой. «Менделеев» несся вплотную у светового барьера, и тем не менее шар настигал звездолет. Он был огромен – светящаяся планетка.

«Эдуард, дай наши позывные! – приказал Лист. – Интересно, корабль это или космическое тело?»

Это были последние слова Листа. Камагин запустил передатчик и фотографирующий аппарат обзора. Он не успел отнять пальцев от пульта, как страшная тяжесть вдавила его в приборный щит. Теряя сознание от перегрузки, он услышал вопли товарищей.

Когда Камагин очнулся, шара не было. Проявленные впоследствии снимки показали его внезапное исчезновение – не удаление, а скачок в небытие. Шар пропал, как будто и не появлялся! Около Камагина лежал Громан и стонал. Камагин влил ему в рот воды и подтащил к креслу. Немного придя в себя, они спустились в лабораторию. На полу лежали мертвые товарищи: кто погиб от перегрузки, кого придавило рухнувшими предметами.

– Мы уложили их в холодильник, – закончил Камагин свое печальное повествование. – Пленки со снимками шара хранятся в сейфе.

На другой день останки космонавтов перенесли на наше кладбище в парке – склеп с прозрачными саркофагами, где в нейтральной атмосфере трупы, нетленные, сохраняются вечно. Гремела траурная музыка двадцать второго века, над погибшими склонялось знамя Объединенного Человечества, найденное на звездолете «Менделеев».

После похорон мы рассматривали на стереоэкране фотографии катастрофы. Шар и вправду возник и исчез внезапно. Анализаторы установили, что форма его идеально сферична, диаметр – восемнадцать и шесть десятых километра, свечение монохроматично на волне пятисот шестидесяти миллимикрон, поверхность без выемок и наростов.

Андре порывался высказаться первым. Он отверг предположение о космическом теле, случайно появившемся около звездолета.

Естественные тела с неестественными свойствами – чудо, а чудес не бывает. Шар – механизм, боевой крейсер, и в недрах его сидели таинственные разрушители. Все указывает на них, все подводит к ним. Гравитационные волны, потрясшие звездолет, свидетельствуют, что разрушители овладели механикой гравитационных полей, что, впрочем, было известно и раньше. Их появление «из ничего» и внезапный провал «в ничто» вполне объяснимы, если они, как и мы, движутся со сверхсветовыми скоростями. За световым барьером тела невидимы, ибо обгоняют свет, а начиная тормозить, внезапно возникают, словно из небытия. Разумеется, то, что нынче нам представляется элементарным, космонавтам первого столетия должно было казаться сверхъестественным.

Андре так говорил о боевых кораблях, словно видел разрушителей у гравитационных орудий. Меня он убедил, Ольгу тоже.

– Факт, что шар передвигался с регулируемой скоростью и нанес гравитационный удар, – сказала она. – Вывод Андре логичен: регулировали скорость и стреляли разумные существа. Разрушители они или другие, мы не знаем. Важно, что они существуют и не обладают даже плохонькой добротой сварливых ангелов с Гиад. Это технически развитый народ.

Вера поставила перед нами вопрос:

– Гравитационный удар обрушился тотчас же, как звездолет послал данные о себе. Допустим, что в шаре разрушители. Они не могли не расшифровать радиосообщения. Они ответили на него смертоносным залпом. Почему?

– Война! – откликнулся Андре. – Установив, что перед ними люди, они тут же объявили человечеству войну и попытались уничтожить его первых посланцев. Мы вступили в область космических побоищ и, сами того не желая, стали воюющей стороной.

Это было то, что Ромеро предрекал нам на Земле. Тогда с ним не согласился никто. Сейчас никто не осмелился бы возразить ему. Я поглядел на Павла. Ромеро был молчалив и мрачен.

– Мы по-прежнему ничего не знаем ни о природе, ни об общественном устройстве этих существ, – продолжала Вера. – Но что они существуют и что они агрессивны – это, к сожа-

лению, почти достоверно. Надо быть начеку. Еще одно нужно решить. Анализаторы подтвердили, что звездное скопление в сновидениях ангелов совпадает с тем, какое мы видим отсюда в Персее. До скоплений Персея свыше четырех тысяч светолет. По-моему, менять курса не надо. Раз в окрестностях Плеяд обнаружены разрушители, будем продолжать исследование Плеяд.

После совещания я взял Андре под руку.

– Второй раз ты оказался прав. Я посмеивался над твоей теорией, что разрушители – невидимки, но, кажется, они сами подтверждают ее.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Почему ты так хмур, Эли?

– Будешь хмур! Идем словно слепые. Кругом на триллионы километров прозрачность, а в ней, может, рядом – невидимые враги! И ничем их не обнаружить, пока они сами не обнаружатся!

Он задумался, потом сказал:

– Между прочим, ты напрасно меня похвалил. Я имел в виду личную невидимость разрушителей, а не исчезновение их крейсеров в сверхсветовой области. В этом смысле мы тоже неразличимы, но, согласись, смешно называть нас невидимками. Нет, они реально, как живые существа, невидимы – вот была моя мысль.

– Ты продолжаешь настаивать на ее правильности?

– Хотел бы ошибиться. Страшно, Эли, если я прав!

Он сказал это с таким волнением, что мне стало не по себе.

Увлекающегося, суматошного, вспыльчивого Андре я видел ежедневно. Но Андре, который чего-то боится, я не знал. После того, что произошло в Плеядах, я не могу отделаться от мысли, что Андре уже тогда томили смутные предчувствия катастрофы.

6

Позади остался рассеянный звездный шлейф Стожар, мы приближались к центру скопления. Вокруг было множество ярких звезд. Однако космической пустоты хватало – одно светило от другого отстояло если не на десятки светолет, как у нас, то и не меньше, чем на светогод. Наш курс – по-прежнему на Электру. На звездолете была образована исследовательская группа. В нее включили космонавтов Камагина и Громана. Руководил Андре, я – первый помощник. Я спросил Лусина:

– Как Труб? Не рвется наружу?

Лицо Лусина осветилось, ответ был ясен без слов.

– Готовь ангела в полет. Будет разведчиком.

На подходе к Электре звездолет перешел на субсветовые скорости. Из осторожности Ольга не приближалась ни к одному светилу, поджидая «Кормчего». Тот шел в сверхсветовой области, пока невидимый, но сами мы были ему уже видны. Мы пробирались к Электре по сложной кривой. Одни автоматы выискивали в пространстве чужеродные тела, другие нацеливались на планеты. Андре хвастался, что различает города и каналы на второй планете, я видел лишь ночное свечение, разговарившееся с наступлением сумерек. Мы назвали планету Сигмой.

Вскоре стали поступать сигналы от «Кормчего». Ему передали о встрече с «Менделеевым» и о таинственном шаре. Встреча звездолетов произошла недалеко от Электры. Из «Кормчего» вынесся планетолет. Аллан, сдав корабль помощникам, отправился к нам. С ним был его вечный походный чемоданчик.

– Где предки? – прогремел он. – Дайте-ка расцеловать их!

Он так стиснул Камагина и Громана, одновременно обоих, что они заохали. Ни тот ни другой не доставали Аллану до плеча.

– Вот вы какие! – грохотал Аллан. – Точь-в-точь как на фотографии, ну ни капельки не переменялись за пять столетий. Можете сами полюбоваться – здорово, правда?

Он вытащил из чемоданчика книги, журналы и монографии первого века. Со страниц на гостей глядели они сами и их погибшие товарищи – репортажи с космодрома, сообщение об утрате связи со звездолетом и изменении его курса. В последних журналах грустная правительственная сводка поисков извещала о неудаче попыток наладить связь с пропавшими. Там же похоронными колонками выстраивались статьи друзей и ученых: да, погиб великолепный корабль, и все они погибли, наши дорогие товарищи, отважные разведчики галактических бездн.

Было что-то трогательное и странное, что родные и друзья космонавтов, горевавшие по поводу их гибели, сами давно, четыре века назад, простились с жизнью, даже памяти о них не сохранилось, кроме как на пожелтевших бумажных страницах. А те, кончину кого они оплакивали, стояли рядом с нами – молодые, здоровые, красивые, далекие предки наши, живущие с нами предки, с которыми еще предстояло работать, спорить, сражаться плечом к плечу против общих врагов. Камагин со слезами обнял улыбающегося Аллана. Громан тоже заплакал, разглядывая фотографии давно умерших товарищей и родных.

– Это подарок – да! – сказал потом Камагин. – Самый дорогой, самый неожиданный – взгляд в неизвестное нам будущее, которое давно стало прошлым.

– Именно ваше будущее! – захохотал Аллан. – Самый свежий журналец – через двадцать лет после старта «Менделеева», а ведь по вашему календарю с того часа прошло всего три года, так что события еще предстоят. Покажите теперь, братья-звездопроходцы, на какой космической галоше вас унесло с Земли на Плеяды.

Он отправился с космонавтами осматривать их звездолет, а я стал готовиться к высадке на Сигму. Дело это возложили на меня.

7

Мы высадились на планету 8 мая 563 года.

День этот отмечен в моем сердце черной краской. В школе я изучал подлости прошлых веков человечества. По космическому масштабу они были мелки: войны между крохотными государствами, людские свары... Здесь я увидел подлость такую космически огромную, что путались мысли. И здесь я потерял самого близкого мне человека.

На Сигме имелись города. Именно имелись – по сути, их уже не было, когда мы высадились. Но я забегаю вперед. Мне надо начать с того, как мы издали исследовали четыре спутника Электры.

Первая, ближняя планета нас не заинтересовала. Это был огненно-дымный шар: океаны лавы и тучи сернистого газа над ними. Никакие формы жизни не могли существовать в этом адском пекле. Две крайние планеты тоже не привлекали: они были покрыты толщами вечного льда.

Но вторая, Сигма, вспыхивавшая вечерами розоватым сиянием, была похожа на Землю: океаны, горы, леса и реки. Одно поразило нас: приближаясь, мы сигнализировали радиоволнами и светом, но ответа не получили. Побаиваются неожиданных пришельцев, думали мы. Оба звездолета повисли над планетой, а к ней направился планетолет: Андре, я и Лусин с Трубом. Из осторожности много людей в разведку решили не посылать.

Сперва мы облетели Сигму – обнаружили четыре города и десяток поселений, но ни жителей, ни машин не увидели. Внизу лежали четкие кубики глухих зданий, они складывались в улицы, улицы вливались в площади – и улицы, и площади были пусты. Андре выбрал лужайку в леске недалеко от одного из городов и вылез первый. Когда я стал выбираться, меня обогнал

Труб. Ангел с шумом вырвался наружу. Как ни просторно в звездолете, но здесь ему было вольготней. Он стонал от восторга и кувыркался в воздухе, как мальчишка на авиетке.

– Отправимся на поиски местных жителей, – сказал Андре.

Труб понесся вперед, стараясь обогнать авиетки, но вскоре отстал. Лусин посадил к себе пристыженного ангела. Мы не торопясь продвигались к городу. После пещерных жилищ альдебаранцев и защитных роц вегажителей он казался обычным. Здесь все же были здания – ящики без окон и дверей, с какими-то отверстиями у крыш, приземистые, угрюмые, непомерно длинные – иные простирались на километр и больше. Если бы не исполинские размеры, я сказал бы, что они напоминают дома альтаирцев.

– Ручаюсь, что жители здесь крылаты, – сказал Андре. – Что-нибудь вроде нашего Труба.

Но они были похожи скорей на кузнечиков, чем на ангелов. Мы вскоре увидели группу таких кузнечиков, ростом с наших десятилетних детей, зеленых, чешуйчатых, прозрачнокрылых, шестиногих, с прямо поставленной, узкой, почти человеческой головой, – мертвых... Они лежали у стены, окровавленные, расплюснутые, ни у одного не билось сердце, ни один не дышал. Мы молча стояли перед ними, лишь Труб со свистом рассекал воздух крылами.

– Нет мира под звездами, – хмуро сказал Андре. Он поманил Труба. – А ну, приятель, просунь голову в дырку и доложи, что видишь.

Труб пролез в одно из верхних отверстий и пропал минуты на две. Потом камнем рухнул вниз.

– Смерть! – возбужденно прохрипел он. – Все убиты!

Я подозвал ангела. Он с готовностью подставил спину. Этот крылатый парень был силен как бык и легко доставил меня к отверстию. Я просунул вниз ноги и сел, ухватившись руками за край стены.

– Внутрь и побыстрее, Труб! – сказал я.

Он мигом проник в другое отверстие и подлетел ко мне изнутри. Я шире его в плечах и не мог пролезть так легко. Труб дернул меня за ноги и подхватил на лету. Я включил карманный прожектор.

В гигантском каменном сарае были штабелями навалены мертвые кузнечики с человеческими головами. Везде были мертвецы, одни мертвецы – никто не приподнял головы, никто не шевельнул крыльями.

– Мор или побоище? – спросил Андре, когда мы с Трубом вернулись.

– Вероятней побоище. Жители города прятались под защитой стен, смерть настигла их в укрытии. И произошло это недавно, может, несколько дней или часов назад. Трупы расплюснуты, очевидно – удар из гравитационных орудий.

Впереди тянулась стена здания, перегородившего улицу. Мы свернули налево. Вдруг Лусин сорвался с места, крича:

– Человек! Мы. Такой же.

Мы поспешили за ним, нас опередил с клетотом Труб.

На крохотной площади, образованной торцами трех зданий-сараев, стояла скульптурная группа из трех фигур. Высокий человек обнимал двух человекоголовых кузнечиков. Все трое смеялись, поднимая лица вверх, – они чему-то одинаково радовались. Желтый нарядный камень, не похожий на холодный мрамор наших статуй, усиливал радостное впечатление.

– Галакт, – сказал Андре, показывая на изогнувшиеся в разные стороны пальцы центральной фигуры.

– Встреча друзей, – сказал Лусин. – Сошел с неба. Ждет других.

Я не мог оторваться от галакта. Скульпторы Земли не умеют с такой живостью передавать лица: в изображениях всегда остается что-то безжизненное, показывающее, что перед тобой камень, а не тело. Здесь было живое лицо, до того живое, что хотелось улыбнуться в ответ на его улыбку. И снова меня поразили огромные глаза галакта. Почти четырехугольные, они

захватывали добрую треть лица. И у них было иное выражение – сквозь веселье проступала тревога, художник мастерски передал ее: кузнечики с умными человеческими лицами только радовались, обнимая галакта, он и радовался, и тревожился, был счастлив и насторожен. Вглядываясь в небо, он, казалось, ожидал не одних веселых известий.

Я мысленно вызвал сестру. Во вспыхнувшем видеостолбе я увидел командирский зал, в креслах сидели Вера, Ольга и Леонид.

– Не беспокойся, – сказала Вера. – Мы следим за вами.

– Значит, вы видели ужасы этого города мертвецов? И понимаете, что это значит?

– Да, Эли. Вы защищены мощными полями, пользуйтесь ими.

Вокруг нас, то взмывая, то падая вниз, летал Труб. Внезапно он унесся в сторону, и вскоре раздался его призывный клекот. Он кричал так страшно, что мы со всех ног кинулись к нему. Я вспомнил, что он не обучен пользоваться защитными полями, и огородил его своим. Труба отбросило от глыбы, на которую он с яростью кидался. Я поспешно снял поле. Труб так и не понял, что произошло. Он потом рассказывал, что невероятная сила схватила его за волосы и метнула прочь.

– Враг! – надрывался Труб, снова бросаясь на глыбу. – Подлый!

Но это было не живое существо, как показалось Трубу, а снова камень.

На отполированном пьедестале возвышалось нечто странное: не то раздувшаяся черепаха, не то рыцарский шлем из земных музеев. А из середины каменной опухоли вздымалась гибкая – змеиным телом – трубка, и на конце ее был нарост вроде ананаса. Он сверкал, этот нарост, от него отбрасывались лучи, но не как от лампочки – сплошным сиянием, а словно от тысячи колюче-ярких остриев, как если бы он был инкрустирован драгоценными камнями, каждая грань блистала особо. В облике удивительного сооружения ощущалось что-то злое, и я понимал Труба, набросившегося на него с таким неистовством.

– Не разрушитель ли это? – сказал Андре без обычной уверенности.

– Скорей боевая машина разрушителя, – высказался я. – А огурец на шее – глаза или перископ. Конструкция живая или механическая, так и хочется назвать ее головоглазом.

– Третья! – крикнул Лусин, бросаясь в проход между зданиями. – Головоглаз первоклассный! И галакт – тоже!..

Третья скульптурная группа в самом деле была великолепной – но это относится к мастерству, а не к содержанию. На краю постамента громоздилась такая же каменная туша со сверкающим наростом, а в центре и с другого края располагались два галакта и восемь жителей Сигмы.

Притихшие, мы замерли перед скульптурой. Вторично, после уничтоженной картины альтаирцев, мы видели ужасную сцену неволи. На шее галактов висели цепи, такие же цепи были на жителях Сигмы. Это была процессия пленников, и первыми шли галакты, а сверкавший перископом головоглаз был, очевидно, надсмотрщиком.

– И все-таки кое-чему я во всем этом безобразии радуюсь, – сказал я. – И знаешь чему, Андре? Теперь мы можем спокойно закрыть одно твоё открытие. Я имею в виду твою грозную теорию невидимок.

– Не могу передать, как я рад! – воскликнул Андре. – Вид у этой бронированной опухоли отвратительный, но все же это тело, а не привидение.

– И я думаю... – начал я, но не закончил.

– На помощь! – отчаянно крикнул Андре.

Ошеломляюще-острый свет ударил нас по глазам, и необоримая тяжесть швырнула на стену здания.

Мне показалось, что я попал под пресс и раздавлен.

8

Это продолжалось, очевидно, сотые доли секунды – стремительный, тотчас же отраженный удар.

Теперь я понимаю, что, если бы друзья на звездолетах не следили за нами, мы были бы уничтожены первым же гравитационным выстрелом головоглаза. Наши индивидуальные поля, как потом выяснилось, слишком слабы, чтобы противостоять мощи создаваемых ими в коротких ударах перегрузок. И когда разрушитель послал свой убийственный импульс, защитные наши поля были смяты, лишь ослабив навалившийся на нас тысячетонный груз. Зато на помощь пришли автоматы звездолетов, их встречный импульс нейтрализовал удар.

Несмотря на потрясение, я удержался на ногах. В секунды большого напряжения мысли и чувства убыстряются в сотни раз. Я слышал, видел, воспринимая десятки важных образов, давал на них ответы, отвергал, принимал – все сразу. Во мне кричал яростный голос Леонида: «Кинжальное поле, Эли, кинжальное поле!» – я видел перекошенное лицо самого Леонида, он, отдаленный от нас тысячами километров, сражался вместе с нами.

И тут же я увидел посиневших, задыхавшихся Андре и Лусина – главная волна перегрузок обрушилась на них, и, почти расплющенные, они боролись сами с собой, чтобы не потерять сознания. И еще я увидел головоглаза – огромную землистую опухоль с длинной шеей и сверкающим на шее страшным глазом. Он выполз из-за стены и приближался, готовя новый, в десятки раз усиленный удар, который, возможно, уже не смогли бы отразить далекие автоматы звездолетов.

Дальнейшее запечатлелось в моей памяти единой картиной, оно, вероятно, и было единой картиной, ибо совершилось в десятые доли секунды – появление разрушителя, стремительная атака Труба, мой бешеный выпад. Я не знаю сейчас, что тогда поразило меня больше: вид погибающих Андре и Лусина, свирепый облик наступающего разрушителя или глыбой упавший с высоты Труб.

Отважный ангел с ревом низринулся на врага, выбросив свои грозные когти. Он нацелился прямо в глаз, и нападение, видимо, было так неожиданно для головоглаза, что Трубу удалось полоснуть его когтями. Головоглаз мотнул шеей, выбросив свое поле вверх, Труб отлетел в сторону, крылья его были сломаны, смятые перья облаком рассеивались в воздухе. И в это мгновение я поразил разрушителя насмерть.

Я хорошо помню свое собственное состояние. Я зарычал от непереносимого бешенства. Все мои помыслы были сконцентрированы в точечном фокусе одной мысли: «Пронзить! Пронзить!» И, до нестерпимости сжав свое охранное поле в узкий, как луч, пучок, я ударил им врага, как шпагой. Головоглаз не упал, обливаясь кровью, но лопнул, как мыльный пузырь, по которому хлопнули палкой. Взрыв, взвившийся столб огня и дыма, падающие куски и капли – вот и все. Существо, напавшее на нас, было превращено в ошметки – не повержено, а разбрызгано. Я тогда не знал, что это естественная форма смерти головоглазов.

Я кинулся к Андре и Лусину. Андре, бледный, пошатывался, глаза его были закрыты. Лусин пришел в себя быстрее.

– Труб, кажется, погиб! – крикнул я. – Посмотри Труба, Лусин.

Лусин, держась за стены, нетвердым шагом направился к Трубу. Поверженный ангел лежал у стены, Лусин пытался поднять его и не мог. Я возился с Андре. Тот открыл глаза, но еще не мог говорить. Я выкликнул авиетки, но они не появились. Я выругался и вызвал планетолет. Он тоже не отозвался. Вспыхнул видеостолб. Никогда не забуду страха на лице Веры. Она глядела на меня, словно я был уже мертв.

– Эли! – простонала она. – Вас окружают, Эли!

Ее сменил Леонид. Его резкое лицо пылало гневом.

– Авиетки уничтожены! – крикнул он. – Планетолет поврежден. К вам ползет не меньше полсотни этих тварей. Мы усилили ваши поля до предела, идем на помощь. Держитесь, братья!

– Сколько у нас времени? – спросил я. – Минуты? Секунды?

– Минуты три. Прячьтесь за экранирующие укрытия!

Оставив Андре у стены, я помчался к Лусину. Вместе мы перетащили Труба к Андре. Бедный ангел был так помят, что голова его бессильно заваливалась. Но в нем еще бушевал азарт боя, он хрипло заклекотал, когда его проносили мимо места, где стоял головоглаз, остатки перьев на сломанных крыльях злобно взъерошились.

Положительно, я испытывал нежность к этому молодцу!

Я оглянулся. Ничего экранирующего от гравитационных полей вблизи не было. Я потряс Андре.

– Нас окружают враги! Надо концентрировать поля.

Андре вздрогнул и сел. В его глазах появилась мысль. Я оставил его и обратился к Трубу. Теперь я был спокоен за Андре. Сознание опасности и необходимость противостоять ей вместе с остальными – лучшее лекарство для таких, как он.

С ангелом было хуже. Он хорошо сражался крыльями и когтями, умело наваливался телом, но полем оперировал плохо. Поле приводится в действие мыслью и ощущением, Труб никак не мог понять, что желание обороняться – это уже оборона. Для него существовал лишь мир видимый и осязаемый. Того, что нельзя потрогать, того попросту нет – вот его понимание вселенной: храбрый, но наивный парень.

– Появятся головоглазы, сам не шевелись, а кричи на них: назад! назад! Про себя кричи, понимаешь? – убеждал я его. – А если не можешь про себя, ори вслух – это тоже подействует.

– Их надо рвать зубами, бить телом! – твердил он в волнении и пытался встать, помогая себе обломками крыльев, но они не держали, и он охал и морщился от боли.

И тут показались разрушители. Они выкатывались из-за стен, неуклюже шествовали по улице, предваряемые сумрачным сиянием своих гологолов. Багровые пламена метались между зданиями, становились все ярче – мы словно попали в центр гонимого ветром пожара, до того мощно и зловеще было выбрасываемое головоглазами красноватое сияние. Чтобы не ослепнуть, мы надели шлемы и включили светофильтры. Андре, окончательно придя в себя, раскрыл чемоданчик дешифратора и пустил его на все диапазоны.

– Сумасшедший, зачем? – прошептал я.

– Не помешает. Я уверен, что они переговариваются между собой и сияние их голов связано с этим.

Я человек другого толка, чем Андре. Я весь был поглощен ощущением предстоящего боя. Уверенности, что мы отразим нападение, у меня не было, но что жизни дешево не отдадим, я знал твердо.

Врагов собиралось все больше, они выстраивались полукругом, неторопливо приближались. Я понимал их план – в основе его лежал нехитрый расчет. Сила их гравитационных полей обратно пропорциональна квадрату расстояния – вдвое сокращая его, они усиливали свой удар в четыре раза. Судя по всему, они намеревались методично сжимать кольцо, сколько позволит сопротивление наших полей, а там, внезапно суммировав усилия, нанести короткий уничтожающий удар.

Я понял, что, если не расстроить их план, они превратят нас в раздавленное яйцо. Во мне пылала злоба против этих бестий, без причин и повода напавших на нас. Я должен был выплеснуть ее в хорошем выпаде. У нас было огромное личное преимущество перед ними – скорость нашего бега, – и я решил использовать это преимущество.

– Концентрируйте на мне свои поля! – приказал я. – Сейчас я покажу этим светящимся черепахам, что им далеко до людей!

– Эли! – сказал Лусин. – Берегись! Концентрируем!

И тогда я ринулся на ближайшего головоглаза. Он выполз немного дальше других и поплатился за неосторожность жизнью. Брызги его еще сыпались на землю, когда мое кинжальное поле прошло насквозь его соседа.

Разрушители попятились, и без того мощный свет их голов тревожно усилился – теперь они пылали как прожектора, обжигая глаза даже сквозь густые светофильтры. Тело мое сжало словно тисками, я стал задыхаться от боли. Сжатие налетело мгновенно, тут же ослабло, снова усилилось и спало – головоглазы рубили меня гравитационными импульсами, а друзья отражали удары своими полями. Я зашатался, теряя сознание, и, перед тем как рухнул, успел разбрызгать еще одного врага.

Ко мне подбежали Андре и Лусин, и я упал им на руки. Они проворно оттащили меня под прикрытие стены. Лусин хохотал и топал ногами, ангел свирепо рычал, обнажая клыки, даже Андре смеялся. Нам – не говорю об ангеле, конечно, – еще не приходилось насмерть драться с врагами, и первая удача хмелем бросилась в голову.

– На атомы! – орал Лусин. – В брызги! Так их!

Андре успокоился первым.

– Они повторяют натиск, – сказал он.

Головоглазы снова шли на нас полукругом. На этот раз они изменили план нападения. Центр их надвигался осторожнее, чем крылья, они старались охватить нас с боков и отсюда, поле на поле, смять двумя встречными ударами. А если бы я опять вырвался вперед, они, отступив в центре, спокойно расправились бы с моими друзьями, лишёнными защиты с флангов. Расчет их был на такого недалёковидного противника, что я почувствовал к ним презрение. Я еще не знал тогда, что не следует считать врага глупее себя, если не хочешь, чтоб он тебя перехитрил.

– Мы тоже повторим нападение, но уже по-иному, – сказал я.

И когда они приблизились на достаточное расстояние, мы, собранные в кулак – трое людей впереди, прихрамывающий ангел сзади, – ударили по их левому крылу. Все было рассчитано до мелочей и удалось даже в мелочах. Нападая на одно крыло, мы удалялись от другого и тем ослабляли его удар, а с центром во время короткой схватки можно было не считаться: раз проученный, он не спешил попасть под кинжальные поля.

Разя уже не одним, а четырьмя полями, мы обратили в бегство весь их левый край. Преследовать мы не могли, пришлось поворачиваться к центру и второму крылу. Коротким выпадом мы заставили попятиться и их. Поле боя было усыпано останками уничтоженных врагов.

Мы опять укрылись под защиту стены и перевели дух.

Эти дьявольские создания, однако, хорошо учились на неудачах. Они поняли, что, атакуя цепью, лишь подставляют себя под клинки наших силовых шпаг. Сейчас они шли компактными группами, голов на двадцать каждая, туша к туше. То самое, чем мы разметали их во второй атаке, они обращали против нас – многократно усиленное, собранное в кулак поле. Никаким выпадом, как бы он ни был быстр, мы не смогли бы разметать столь многократно суммированный силовой поток. Теперь время, отведенное нам на жизнь, определялось лишь скоростью сближения.

– Ты успеешь вызвать звездолет и записать прощание, Андре, – сказал я и отвернулся.

Враги не торопились. Они знали, что мы у них в полях. Они наступали осмотрительно. Андре вызвал звездолет. Никогда еще мой порывистый друг не говорил так ровно и ясно.

– Жанна! Олег! – диктовал он. – Через две минуты меня не станет. Я люблю вас. Будьте счастливы!

– Обнимемся, друзья! – сказал я. – И потом ударим в последний разок. Не стоит тянуть эту волюнку.

Мы обнялись. Труб припал к моему плечу и всхлипывал, как человек. Оказанная этому чуду человеческая ласка почти примирила его с гибелью. Я подал сигнал – и мы бросились на центральную группу головоглазов. Как я и боялся, нам не удалось ее разметать. Мы даже не смогли сконцентрировать наши поля – так непреодолимы были охватившие нас силовые цепи. Лишь Лусин пронзил одного врага – и тут же упал сам. Я не хотел ни кричать, ни звать на помощь, но у меня непроизвольно вырвался отчаянный вопль. Рядом закричал Андре.

И не успели наши крики оборваться, как сверху что-то обрушилось – и все волшебным образом переменялось: внезапно ослабли тиски, погасло нестерпимое жжение перископов, а головоглаз, на которого я перед тем нацелился, но не достал, взвился облаком брызг и пыли.

– Концентрируйтесь на мне! – грянул дикий голос Леонида. – Вперед!

Я пошатнулся, и меня поддержал Ромеро.

– Не правда ли, неплохой удар, храбрый Эли? – сказал он, усмехаясь. – Кажется, мне удалось разложить вашего противника на молекулы. Соберитесь с полем и поспешим за нашим боевым вождем!

9

Леонид рвался вперед, и перед ним, словно сметаемые вихрем, разлетались и распадались головоглазы. С двух боков его охраняли Аллан и Андре, сзади торопились, поддерживая друг друга, Лусин и ангел. Я сделал шаг и почувствовал, что у меня нет сил двигаться.

– Смелее, смелее! – подбадривал меня Ромеро. – Вам, конечно, досталось побольше, раньше всего они собирались покончить с вами, но нельзя же так распускаться. Говорю вам, соберитесь с полем!

– Не отставай, Эли! – весело орал Аллан. – Покажи им, чего ты стоишь, Эли!

Уговоры и крики, а также то, что я увидел низкорослых Громана и Камагина, бежавших на помощь передовой группе, придали мне бодрости. Я двигался все уверенней, и мы догнали Леонида. Я схватил его за руку и прошептал:

– Подожди! Их не надо истреблять. Нужно хоть одного заполучить живьем.

– Правильно! – сказал Аллан и захохотал. – Притащить такое чудовище на Землю! Раньше это называлось «добыть языка». – Он повернулся к Камагину и Громану: – Так, предки?

Те подтвердили, что добывание языков и скальпов – важная операция в любой цивилизованной войне. Правда, в их времена войн уже не было, но предания о них сохранялись. Кроме того, они читали о войнах в книгах. Писатели древности с охотой изображали ужасы: кражи, убийства, погоню за прибылью и славой, измены жен и мужей, коварные продвижения по так называемой службе и прочие дикие действия, требовавшие хитрости и крови. Так как мы в этом далеком созвездии столкнулись с жестоким народом, то и нам следовало знать кое-что из обычаев тех воинственных времен.

Андре поднял кусок тела одного из разлетевшихся головоглазов.

– Посмотрите-ка! Они не существа, а машины!

На его ладони лежал смоченный темной жидкостью набор элементов электрической схемы – полупроводников, сопротивлений, емкостей, соединительных каналов. Это был, несомненно, механизм.

– Нет, – сказал Лусин, поднимая с камня другую часть тела. – Организм. Вот!

Второй кусок был живой тканью – в нем переплетались нервы и сухожилия, виднелся обломок кости, приставшее к кости мясо. Андре вертел находку, пачкая пальцы в неприятной клейкой жидкости.

– Да, – признался он. – Не механизмы.

Наши спасители ушли, прихватив Труба, а мы втроем обшаривали арену недавней битвы. И я снова поразился, до чего были велики силы, взрывающие сраженных врагов. Слово «разбрызган» – это не образное выражение, а точное описание гибели головоглаза.

– Мне кажется, странная форма уничтожения есть ключ к тайне их существования, – сказал я после того, как, повозившись полчаса, мы раздобыли десяток кусочков.

Андре разложил их в ряд.

– Посмотрите: шесть – живые ткани, четыре – искусственные элементы. Вам это ничего не говорит?

– Понимаю, – сказал Лусин. – Наполовину – организм, наполовину – механизм. Полуживой, полуискусственный. Нет?

– Да, – сказал Андре. – Именно это.

– Вы забываете еще об одной возможности: живой разрушитель сидит в машине, – возразил я. – При распаде ткани тела перемешиваются с частями механизма – вот и разгадка.

– Тогда полюбуемся вот этим кусочком.

Кусочек и вправду был поразительный – живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод, на конденсаторе виднелись нервы и волокна мяса. Это было органическое соединение, а не механическое сочетание живого и мертвого.

– Две возможности, – сказал Андре. – Или живые существа открыли способ мастерски заменять свои несовершенные органы искусственными и стали наполовину механизмами. Или, наоборот, кем-то созданные автоматы научились вмонтировать в себя органические ткани и поднялись до уровня полуорганизмов. В том и в другом случае мы имеем дело с высокой культурой.

Для меня двоякая природа разрушителей объясняла самое важное: их жестокость. Существа, деградировавшие до механизмов, не могли не потерять доброты.

– Зовут, – сказал Лусин. – Поспешим.

10

Леонид мрачно прохаживался у одного из зданий. Он взглянул на нас так, словно мы тоже были головоглазами. Стало ясно, что заполучить разрушителя живьем не удалось.

– Распадаются, как мыльные пузыри. Остались в живых три.

Я увидел обессилевших головоглазов – они были загнаны в угол между двух стен и сжаты нашими полями. Глаза их тускло светились. Андре запустил дешифратор. Ромеро поманил меня к себе.

– Знаете, почему мы ни одного не взяли живьем? Это невероятно! Они кончают с собой, когда положение безвыходно. Самовзрывающаяся конструкция – таковы наши противники.

В это время Камагин, сконцентрировав на себе три поля, отрывал одного головоглаза от двух других. Когда между ними образовался просвет, разрушитель изогнул шею и ударил себя головой по телу. Раздался взрыв, и головоглаз разлетелся кучкой мокрого праха. Два оставшихся еще теснее прижались друг к другу. Их головы сумрачно мерцали.

– Вот так они все! – сказал Леонид, топнув ногой. – Хоть руками хватай их за проклятую голову!

– Как у тебя? – спросил я Андре. – У них, кажется, световая речь, а это штука нехитрая.

– В том-то и дело, что нет. – Андре озадаченно пожал плечами. – От них исходят слабые гравитационные импульсы, похожие на речевые, а свечение лишь сопутствует им. С такой формой речи я сталкиваюсь впервые. Ключ, ключ! Один бы сигнал расшифровать.

– Сейчас дам тебе ключ. Я кое-что сделаю – следи за их реакцией.

Я выдвинулся вперед, ударил – не очень сильно – по лбу и снова отошел. Операцию эту я повторял раза три, потом стал осторожно раздвигать глаза. И опять, бросив это занятие, перешел к ударам. Они были смазанные – оплеухи, а не уколы. Два раза я наставлял на глаза растопыренные пальцы.

– Хватит! – сказал Андре радостно. – Теперь, кажется, мы расшифруем их речь. Слушайте, это поразительно!

Впоследствии выяснилось, что в деталях расшифровка была неточна, но суть передавала правильно:

«Тот же, убийца первого... Опять тот же... Опять... он раздвигает... Прикажите экранированным... Только они... На планете двое, все погибли... Я слабее. Не хватает гравитации. Отвечаю: они камнепалые, они другие... Экранированных... До вечера не продержусь... Ударю головой... планета больше не нужна...»

Очевидно, где-то неподалеку была их база, и они переговаривались с ней. Надо было ждать нового нападения.

– Помощь к ним придет не раньше ночи, – сказал Леонид. – Значит, надо справиться до темноты.

– Что это за экранированные? – спросил я. – От чего экранированные? От наших полей?

– Гравитация у них слабее, – сказал Андре. – Что это значит? И почему не обнаружены импульсы их собеседника?

– Собеседник далеко, – возразил я. – Дешифратор не принял его слабых сигналов.

– Планета, – сказал Лусин, – не нужна. Уничтожат?

– Сейчас важнее угроза: «Ударю головой», – ответил Камагин. – Несомненно, это извещение о готовящемся самоубийстве. Надо предотвратить его, но как?

– Лишить этих молодчиков возможности двигать головой, – загремел Аллан. – Отрубить ее мечевым полем – и все!

– Нет, – возразил я. – Тогда они развалятся. Андре прав: что-то важное связано с тем, что слабее гравитация. Давайте сожмем их полями и перетащим в барокамеру сдавленными.

Лишенные возможности пошевелиться, они вскоре были растащены. И тут один все же ухитрился ударить себя головой. Тем осторожнее мы обращались с последним. Мы несли его к планетолету, на котором прибыла помощь, отдельно сжимая полями туловище и отдельно голову. Он явно ослабевал. Импульсы его становились невнятные, голова перестала шевелиться и погасла.

– Умер, кажется, – сказал Андре, когда мы помещали глазу в барокамеру планетолета. – Дешифратор не улавливает излучений.

Мы усилили давление в камере, запустили бортовой гравитатор. Если глазу нравилась большая тяжесть, то он мог пользоваться ею и после смерти. Закрепив голову, чтобы она случайно не упала на тело, мы надежно устроили разрушителя в его временной усыпальнице.

– Поищем жителей планеты, – сказал Леонид. – Может, удастся кого живого найти.

Мы начали облет планеты. Города казались копиями друг друга. Везде был разгром, леса и луга сохли, листва опадала. Зеленая планета была полностью истреблена, как и умные кузнечики с почти человеческими головами.

После часа поисков мы приняли какие-то слабые импульсы и полетели в их сторону. Пеленг привел нас к подземному каналу или трубе, затерянной среди леса. Вход в нее был прикрыт травой и кустарниками. Приборы показывали, что в глубине есть живые. Я пытался проникнуть в отверстие, но оно было узко для меня, и в трубу полез Камагин, вслед отправился такой же щуплый Громан. Вдвоем они вытащили умирающего шестикрылого. Тот не отвечал на вопросы, не шевелился, дыхание его почти не улавливалось, но мозг еще работал.

– Их там сотни, – сказал Камагин, – но все мертвы.

Шло к вечеру, когда мы убедились, что на планете больше нет живых существ.

– Давайте заберем скульптурные группы, – предложил Леонид. Автоматы сняли скульптуры с пьедесталов, потом перенесли в планетолет и сами поставили.

– Садимся! – командовал Леонид. – Возвращаемся на звездолет.

Я посмотрел на небо. Электра закатилась, наступили сумерки. Над городом один за другим загорались тысячи светильников – они одни продолжали жить. Было грустно видеть эту великолепную иллюминацию в царстве смерти и хаоса.

11

Теперь я перехожу к трагедии Андре, и у меня путаются мысли.

Даже сейчас, отдаленный от того страшного дня годами и событиями куда страшнее, я не понимаю до конца всего, что произошло.

И прежде всего – не понимаю себя. Как я мог оказаться таким легкомысленным? Почему все мы вели себя как несмышленики? Уже и тогда мы знали, что боремся с умным, технически очень развитым врагом и что враг этот во многом превосходит нас, – почему, нет, почему, самодовольные глупцы, мы не подумали о простейших, элементарных, неизбежных мерах защиты? Враг сам сказал, чем собирается нас победить. Почему мы пренебрегли его угрозой?

Я снова перечитываю гравиграмму переговоров головоглаза со своей базой и вижу, что из всех толкований загадочного слова «экранированные» выбрал самое далекое от истины. И Андре, бедный Андре, так прозорливо угадавший невидимость наших противников, – разве он с облегчением не отказался от своего провидения? Я снова спрашиваю себя: почему глаза наши затмило слепотой в тот решающий миг, когда требовалась вся острота зрения? Или, узнав, как уродливы и неуклюжи первые противники и как легко мы справляемся с ними слабыми нашими полями, мы сразу преисполнились неумного презрения к ним, даже не попытавшись узнать, все ли они такие?

Над Сигмой опускалась ночь. Посланная врагами подмога уже приближалась к планете. До удара оставались считанные минуты. А мы болтали, радуясь легко вырванной победе!

– Здесь хорошие ночи! – сказал я Андре. – Даже эта автоматическая иллюминация не забивает блеска звезд.

С минуту мы любовались небом. Воздух был удивительно прозрачен. Экранированные враги уже висели над нами, выбирая момент для прыжка, а мы безмятежно восхищались светилами Плеяд.

– Торопитесь! – сердито крикнул Леонид. – Одних вас ждем.

Я сделал шаг к планетолету и тут услышал крик Андре. Он хрипел, голос обрывался – его душили, он отчаянно бился. Я чувствовал пульсацию его поля – никогда ни до, ни после того я не испытывал такого ощущения: поле Андре взрывало меня, вздымалось во мне собственной моей дико убыстренной кровью.

– Эли, помоги! – кричал Андре. – Эли, Эли!

Я кинулся к нему – и не увидел его. Над черной землей густо сверкали звезды, воздух был тих и прозрачен. Где-то рядом со мной хрипел и звал на помощь Андре, я слышал его с безмерной отчетливостью, я знал, что ему затыкают рот, что он захлебывается собственным криком и, выворачивая шею, на секунды освобождая лицо, снова кричит, все снова кричит о помощи, – и я не видел его!

– Эли! Эли! – слышал я вопль. – Эли! Эли!

– Невидимки! – крикнул я в неистовстве и бросил свое поле на крик, не соображая уже, что оно так же опасно для Андре, как и для напавших на него.

И тут я в последний раз увидел Андре.

Мой удар отбросил кого-то из невидимок. В воздух вдруг вырвались ноги Андре – они бешено боролись, били во что-то, брыкались, словно их пытались сдавить, а они не давались. И только ноги были видны, одни ноги! На том месте, где должны были быть туловище и голова, мирно светили звезды. С тех пор прошло много лет, но до сих пор передо мной во всех подробностях встает эта картина: одни сражающиеся в воздухе ноги Андре.

Я не успел собраться с полем, но нанес второй удар. Я знал, что товарищи спешат на помощь и самое главное – не дать утащить Андре, пока они не подспеют. Я нанес второй удар, чтобы полностью раскрыть Андре, но промахнулся. Какая-то сила подбросила меня в воздух. Я оглянулся и понял, что стал невидим. Я не нашел своего туловища и ног. Я видел сквозь тело камешки и траву на земле – они отдалялись и быстро пропадали в черноте опускавшейся ночи. Какие-то гибкие путы вязали и скручивали мне руки, тащили вверх. Захваченный врасплох, я все же до предела напряг свое поле и задержал подъем.

Теперь я колебался метрах в пяти над землей. Андре по-прежнему кричал, но крик его чаще прерывался и становился глуше. Андре непреодолимо утаскивало наверх. Он снова стал полностью невидим.

Внизу я увидел бежавших друзей. Они мчались на крик Андре, сам я, напрягая поле, чтоб не дать утащить себя, боролся молча и ожесточенно. Леонид остановился подо мной и поднял вверх голову.

– Где вы? – тревожно закричал он. – Я вас не вижу! Где вы?

Что-то отвратительно жесткое и холодное закрыло мне рот. Я вывернулся и крикнул вниз:

– Концентрируйте на мне поля! Андре утаскивают нав...

На этот раз рычаги сдавили мою голову и шею так основательно, что легким не хватило дыхания. Перед глазами заметались красные полосы. Но я сразу почувствовал, как наливается мощью мое ослабевшее поле. Я не пустил его в ход немедленно, хотя уже почти терял сознание от удушья. Я еще поупирался немного, а потом рванулся изо всех сил.

Напавших на меня противников разметало как пушинки. Один, сраженный, выпал в видимость и рухнул рядом со мной на землю. Я вскочил на ноги и выкрикнул авиетку. Рядом со мной взвилась авиетка Ромеро.

– Берегитесь, они невидимки! – крикнул я и, вырвавшись вверх, остановился. Ромеро тоже замер в воздухе. Мне показалось, будто сбоку доносится крик и прерывистое дыхание. Я устремился на эти звуки, прощупывая силовыми линиями прозрачный воздух. Как слепой, протягивающий вперед руки в поисках предметов, я протягивал свое поле, стараясь зацепить сражающуюся в воздухе невидимую группу. Но ни я, ни Ромеро ничего не обнаружили.

– Надо как-то рационализировать наши поиски, – сказал Ромеро, подлетая ко мне. – Согласитесь, это метание вслепую...

– Они утащат его! – твердил я, не слушая.

– Они уже утащили Андре. Вопрос: куда они скрылись? Мы их ищем над полем боя, а они, может быть, давно уже покинули планету. Надо вызывать звездолеты.

На звездолетах уже знали о несчастье. Локаторы кораблей обрыскивали пространство вокруг планеты. Чувствительность их такова, что они засекают пуговицу на расстоянии в сто тысяч километров. Андре и его похитители были больше пуговицы, а звездолеты держались к планете ближе ста тысяч километров, но даже следов разрушителей не было.

Мы еще не знали тогда, что все типы наших локаторов бессильны перед их экранирующими устройствами. Действенные средства борьбы против невидимок нам еще только предстояло изобрести. Сейчас каждому ясно, что мы опрометчиво ввязались в борьбу, хоть и грозно, как мы доказали впоследствии, вооруженные, но совершенно не представлявшие себе, что для этой борьбы потребуется.

Мы были подобны слепому гиганту, яростно бросившемуся на зрячих врагов. Тем, конечно, не поздоровится, если они попадут ему в руки – если они попадут!.. Несчастье – похи-

щение Андре – уже разразилось, но никто еще не отдавал себе отчета в его размерах. Меньше всех понимал тщету наших поисков я. Меня трясло отчаяние, я знал лишь то, что Андре перед гибелью звал на помощь одного меня, а я не помог. Я проклинал себя, впивался глазами в темноту – авиетка черной молнией пронеслась над ночной Сигмой. Не помню, сколько времени продолжались наши метания над планетой. Мы с Ромеро взмывали и рушились вниз, бросались в стороны. К нам присоединились Лусин и Аллан. Четыре поля, перекрещиваясь, ощупывали каждую молекулу воздуха. На них накладывались гигантские локаторные поля звездолетов, широкие силовые конусы планетолета. Все было напрасно. Ко мне снова подлетел Ромеро.

– Со звездолета передали, чтоб мы прекратили поиски. Нам дают четверть часа на возвращение. Что-то важное случилось.

К этому времени я был обессилен и опустошен. Я опустился около планетолета и пополз к входу. Меня встретил подавленный Леонид.

– Посмотри, кто боролся с тобой, Эли, – сказал он, показывая на ящик около планетолета.

В ящике лежали останки моего врага. Я тупо смотрел на него, не отдавая себе отчета в том, что вижу. Я так уверовал, что умирающие разрушители разлетаются в брызги и пыль, что уже не допускал для них другой кончины. Потом я сообразил, что если это и разрушитель, то мало похожий на тех, с какими мы боролись раньше.

– Знаете, кого напоминает мне этот уродец? – прошептал изумленный Ромеро. – Человечков из арматуры и железного лома, которыми скульпторы-абстракционисты в старину пугали зрителей.

Я молча обернулся к Ромеро. Я понятия не имел, что когда-то жили такие скульпторы, никогда не видел их изделий.

Существо, лежавшее в ящике, было собрано из одних костей или прутьев: центральный столб, две ноги, две руки, два кольца, толщиной с нашу шею, на том месте, где у нас бедра, а взамен головы – хитрое переплетение костяных трубок. Это был скелет, только сочленения скелета, прочные и гибкие, изгибались легче человеческих. Лишь в бредовом видении могли примерещиться такие чудища.

Лусин поднял сломанную при падении на землю кость ноги.

– Смотри, Эли. Мясо и нервы – тоже. Только внутри. И кровеносные сосуды. У нас кости – опора. У них – оболочка. Очень толстая кость. Надежная конструкция тела. Природа поработала. Интересно, сколько миллиардов лет? За сто миллионов не создать...

– Звездолеты опять торопят нас! – сказал Леонид. – Вносим ящик в планетолет и отправляемся.

Пока автоматы возились с ящиком, я отошел к месту, где был похищен Андре. Мое отчаяние разрешилось диким приступом. Я упал на землю, и рыдал, и кусал ее в бессильной ярости, и бил ее кулаками. Я проклинал и этот отвратительный скелет, на создание которого природа затратила миллиарды лет, и эту мягкую, еще теплую, еще живую, хотя и опустошенную чужую землю, которая тоже существовала, наверное, не меньше миллиарда лет, и особенно себя – за свое бессилие и медлительность.

Но невидимка, уже погибший, лежал в ящике, а чужой земле, насчитывающей миллиард лет, осталось существовать меньше часа – она была обречена независимо от моих проклятий. А мне предстояло пережить еще многое – такое же горькое, как гибель Андре.

Меня обнял Лусин. Он лег рядом и плакал, как я.

– Пойдем, – прошептал он, тихонько плача. – Пойдем, Эли. Больше нельзя! Последнее сообщение – приближается крейсер разрушителей.

12

Когда планетолет исчез в недрах «Пожирателя пространства», оба корабля быстро удалились от Сигмы.

Лицо Веры опухло от слез, она ни о чем не расспрашивала: они видели на экране нашу борьбу с невидимками. Я спросил: почему нам запретили продолжать поиски? Вероятно, произошло что-то грозное, раз решились на такой приказ.

– Пространство полно гравитационных возмущений, – ответила Вера. – Дешифраторы перехватили депешу невидимок. К счастью, вам удалось правильно распутать их код, и мы ее прочли. Судя по сообщению, Андре на планете уже нет.

«Взяли одного камнепалого, – было в перехваченной гравиграмме. – Разрушитель номер сто тридцать погиб. Уходим на базу. Пора кончать с планетой».

Все свободные от вахты были в наблюдательном зале. Рядом со мной села Ольга. Она сдала командование Леониду, была его вахта.

– Эли, дорогой, – сказала Ольга. – Такая страшная гибель...

– Исчезновение, – сказал я. – Андре не погиб, а похищен. Запомни это, Ольга.

Ольга не ответила. Я тоже не хотел говорить. Слова не могли ни помочь, ни утешить. Мы не знали самого главного: где Андре? Может, он неподалеку, невидимый и недоступный. Я готов был бить себя кулаками по лицу, кричать от боли и ярости. Я стиснул зубы и молчал, задыхаясь.

В этот момент появился шар разрушителей. Он воистину словно выпрыгнул из небытия, точь-в-точь как описывали космонавты с «Менделеева». Он возник сразу, неистово несущийся, огромный. Он шел на Сигму, притормаживая.

Затем мы увидели, что он летит над поверхностью Сигмы. Никто не заметил, как его облет превратился в гравитационный удар по планете. Все, что было на ней, – города, леса, равнины, – вдруг взметнулось вверх, словно вырванное гигантским плугом.

На Сигме бурно вздымалась исполинская приливная волна – но состояла она не из океанской воды, а из твердых планетных масс, камней и грунта. Тяжелые облака пыли затянули взорванную планету, она вся была теперь лишь прахом и дымом. Никакое извержение вулкана, никакой атомный взрыв не причинил бы таких гигантских разрушений, как облет этого грозного шара. Многие тысячелетия, может, миллионы лет должны будут пройти, пока Сигма станет вновь удобной для жизни.

Крейсер завернул за край планеты – теперь он вздымал поверхность ее обратной стороны.

– Леонид! – закричала Вера. – Останови его силой!

– Нет! – воскликнул я. – Нет, Вера! На Сигме жизни больше нет, а на шаре – Андре. Мы еще не все сделали, чтобы спасти его.

– Выручать Сигму поздно, – отозвался Леонид. – Мы не ожидали, что он способен на такое... Не исключено, что он и с нами попытается проделать эту штуку. И сильно пожалеет, если решится напасть.

– Если придется принять с ним бой, помните, что на нем Андре.

Корабль разрушителей, вынырнув из-за Сигмы, уже лег на обратный курс, когда заметил нас. Он пошел на сближение.

Леонид и Аллан запустили аннигиляторы вещества, реакционная масса, сгорая в их топках, вырывалась наружу пространством. Из осторожности ни Аллан, ни Леонид не вовлекали в аннигиляцию окружающие космические тела. В этом пока не было необходимости: вражеский крейсер, летя почти со световой скоростью, не приближался ни на километр, навстречу ему мчались такие объемы космической пустоты, что продраться сквозь нее он не сумел.

Со стороны казалось, будто наши корабли, обладая преимуществом в скорости, удирали от преследователя. Если разрушители сами не владели техникой аннигиляции вещества, то им трудно было догадаться, что в действительности мы и не думали никуда двигаться.

МУМ расшифровала гравиграмму крейсера: «Вижу чужой корабль, сближение не удастся. Перехожу на сверхсветовую, чтобы вырваться в конус удара».

– Пусть переходит, – сказал Леонид. – Пока большой опасности нет.

Я не разделял оптимизма Леонида. Уйдя в сверхсветовую область, крейсер стал не только невидим, но и неконтролируем. Не зная, насколько он обгоняет свет, мы не могли быть уверены в действенности аннигиляционной защиты. Он мог прорваться и сквозь заслоны непрерывно генерируемой пустоты!

Леонид успокоил меня:

– Говорю тебе, мы его отбросим, хотя и не знаем, где он. А если он все же приблизится, мы успеем реально кинуться наутек, не принимая сражения.

Вскоре разрушители поняли, что им ничего не добиться, и, затормозив, снова появились в оптике. МУМ расшифровала очередную передачу: «Атака не удалась. Забираю базу экранированных. Возвращаюсь к эскадре».

Теперь крейсер удалялся. Вскоре он пропал. И вместе с ним пропала последняя надежда выручить Андре. Он мчался на корабле космических бандитов куда-то в недра Плеяд. Если, конечно, уже не погиб...

13

Усталый, я заснул в кресле. Во сне увидел Андре – и с криком проснулся. Оба звездолета шли в сверхсветовой области по курсу исчезнувшего шара разрушителей. Я узнал, что принято решение разыскивать таинственную эскадру врагов.

Из-за исчезновения Андре вся его работа упала на меня. Мы с Лусином возились с останками обоих разрушителей и расшифровывали записанные излучения мозга шестикрылого. В полдень последний житель многострадальной Сигмы скончался. Мы положили его останки в консервирующую среду, чтоб привезти нетленным на Землю. Я работал истово, но временами деревенел, переставая замечать окружающее и что-либо понимать. В эти минуты Лусин тихонько дергал меня за руку или касался плеча. В перерыв мы пошли к Трубу. Ангел всхлипывал и вытирал глаза обломками крыльев.

– Похожи наши вчерашние противники на тех, что преследовали галактов, некогда высадившихся на вашей планете? – спросил я.

– Я сразу понял, что это они, сразу, сразу...

Он весь встопорщился. С трудом передвигаясь, он, похоже, готов был хоть сейчас ринуться в новый бой.

– Бои еще будут, – утешил я его. – Сомневаюсь, чтоб человечество могло ужиться с разрушителями. Твоя задача – пройти курс лечения. По прогнозу, крылья у тебя отрастут лучше прежних.

– Мы стоим? – спросил он. – Где мы?

– Идем курсом на Майю, в центр Плеяд.

– Слепые, – проговорил Лусин сумрачно. – Не видим. Идем – только. А они?

Я теперь почти не переставая думал об этом. Еще Андре поразило, что когда головоглаз беседовал со своим крейсером, несущимся в сверхсветовой области, гравиграммы его мы расшифровали, но ответные импульсы крейсера не улавливали. Лишь когда крейсер вынырнул в досветовое пространство, гравитационные его депеши стали доходить до нас. И это было естественно, ибо он обгонял свои гравитационные волны, несущиеся со скоростью света.

– Да, – сказал я со вздохом. – Они не слепые. Похоже, что у них есть какой-то свой способ общения в сверхсветовой области.

Вечером мы с Лусином показали экипажу расшифрованные видения умершего кузнечика. Это был предсмертный бред: хаотически возникавшие и пропадавшие фигуры, города, небо, деревья, обрывки, ошметки, клочья... Все складывалось в обвинения против разрушителей. На стереоэкране пылало белесое небо Сигмы, Электра стояла в зените. И вот, истемня великолепный день, над планетой повис зеленоватый шар. По невидимой гравитационной лестнице на планету посыпались флибустьеры космоса – унифицированные, механически безжалостные. Беззащитных кузничиков настигали гравитационные удары, стягивали гравитационные цепи, тащили гравитационные крючья, гравитационный эскалатор всасывал их с планеты в нависший над нею шар. Тысячи слабых, милых созданий Сигмы плакали и обреченно складывали крылья.

Какая участь ждала их в трюмах проклятого крейсера? Пищи? Источника запасных тканей для дряхлеющих механизмов головоглазов? Этого никто не знал. Зато мы видели, как расправлялись с теми, кто пытался скрыться. Гравитационные удары настигали спрятавшихся, пощады не было никому, никто не спасся!

Стереоэкран погас. Подавленные, мы молчали. Было страшно и стыдно, что это совершается во Вселенной, где мы, люди, живем и благоденствуем.

Глубинное просвечивание захваченных разрушителей подтвердило, что живые ткани соседствовали в них с искусственными, провода наращивались на нервы, сопротивления и емкости монтировались в кости. Жидкость особого состава, мало напоминавшая кровь, текла по искусственным трубкам и капиллярам. Зато мозг у обоих был биологического происхождения и размещался у головоглаза в центре тела, а у невидимки – в верхнем кольце. Самым же странным органом в их «живом механизме» было сердце – крохотный, но мощный гравитатор. У невидимки он располагался во втором кольце, у захваченного живьем головоглаза – в верхней части «опухоли».

Этот приборчик возбуждал короткодействующее мощное тяготение. Видимо, для жизни разрушителям требовались сильные гравитационные толчки. Сердце головоглаза работало с лихорадочной скоростью – несколько тысяч тактов в секунду. Но это было не все. Гравитационное сердце генерировало в пространство направленные волны – оно было боевым оружием. И единственным способом поразить головоглаза мог быть удар в сердце. Нарост на шее одновременно и высвечивал, и высматривал, и поражал добычу. При удачном выпаде головоглаз пронзал острым пучком света, как кинжалом, и уж в любом случае – легко ослеплял.

– Выяснен также механизм самоубийства, – сказал я, заканчивая сообщение об исследовании тел разрушителей. – Когда глаз ударяет по телу, сердце на время парализуется. Силы стяжения уже не противостоят господствующим внутри высоким давлениям, и головоглаза разрывает на куски. Похоже, это может происходить и после смерти. В барокамере мы держим восемь тысяч атмосфер, чтоб не дать этим силам разбрызгать мертвого разрушителя. Между прочим, отсюда следует, что головоглазов лучше поражать не силовыми полями, а потоками жестких лучей и корпускул. Теперь посмотрите запись излучений их мозга.

Предусмотрительность Андре, перед битвой пустившего дешифратор на все диапазоны, оказалась полезной. Мы увидели себя, прижатых к стене, бледных, но сражающихся. Я вновь бежал на центр вражеского отряда, с неба падали Леонид и Аллан, наносил удары Ромеро.

Не могу сказать, чтоб глаза разрушителей увидели в нас что-либо красивое: им, пораженным ужасом и погибающим, мы представлялись скорее чудищами.

Но запись мыслей разрушителя, захваченного живьем и умершего в тисках наших полей, дала кое-что новое.

Раньше верили, что, когда человек умирает, перед его глазами проходит вся жизнь. Исследование работы мозга умирающих показало, что мысли их смутны и лишены логики.

Но этот перед кончиной вспоминал если не всю жизнь, то немалый ее кусок. Перед нами вспыхнула дикая планета, словно созданная из свинца и золота: металлические горы сменялись металлическими полями, в металлических садах росли кристаллы металлических трав и кустов. Под ветвями металлических деревьев раскидывались металлические сооружения.

И везде были разрушители, бездны и тьмы их – пылающих головоглазов, ползущих, роящихся и роющих, до тошноты одинаковых...

Вера спросила меня, когда демонстрация видений закончилась:

– Ты обратил внимание, что второй разрушитель не запечатлен в мозгу ни у сородичей, ни у жителей Сигмы?

– Это естественно, ибо в нормальных условиях он – невидимка. Нам лишь в тяжелой борьбе удалось выбросить его из невидимости.

– А каков механизм невидимости, вы не расшифровали?

– Нет, Вера, не расшифровали.

– Мне кажется, воинами у них являются невидимки, – сказала Вера. – В Гиадах, где разыгрывались битвы с разрушителями, не сохранилось данных об их внешнем облике. Это не случайно. А эти чашкообразные, скорей всего, надсмотрщики над пленными. Сколько их напало на вас – и ни один не ушел живым! А невидимки сражались по-иному: одна их жизнь отдана за одну нашу.

– Андре не погиб, а исчез, – сказал я сухо. – Не надо хоронить его раньше времени.

– Кое-что в загадочных поступках и свойствах врагов поддается физическому истолкованию, – заметила Ольга. – В частности, их невидимость объясняется довольно просто. Я хотела познакомить вас с некоторыми своими соображениями. Все дело в том, что наши противники глубже, чем мы, проникли в природу тяготения.

Она начала с древнейших ученых – Ньютона, Эйнштейна и Нгоро. Их формулы охватывали лишь стационарные гравитационные поля, то есть установившееся тяготение. Между тем реальные природные процессы чаще всего неравновесны. Разрушители блестяще оперируют переменными полями. Умение владеть быстро меняющимися полями тяготения – большое их преимущество перед нами. Если бы гравитационный удар по Сигме принял характер равновесного поля, одинаково притягивающего планету к крейсеру и крейсер к планете, то дело кончилось бы тем, что корабль упал бы на Сигму, ибо у нее несравнимо большая масса. А в действительности он превратил поверхность планеты в океан пыли и обломков и спокойно умчался дальше.

В ближнем бою корабли разрушителей всегда возьмут верх над нами, следовательно, ближний бой с ними недопустим – вот первый вывод.

Второй вывод дополняет первый. Разрушители тоже умеют превращать пространство в вещество, но совсем не пользуются обратной реакцией – превращения вещества в пространство. Очевидно, они ее не открыли. Это по-своему понятно, ибо появление новых объемов пространства приводит к ослаблению полей тяготения, а разрушители стремятся к их усилению.

– Образование пространства есть верная защита от них, – сказала Ольга. – Но у нас не так уж велики запасы способного к аннигиляции вещества, многократных космических сражений мы не выдержим. Теперь о природе их невидимости. Разгадка, по-моему, и здесь в их умении создавать особые поля большой интенсивности – условно назовем их микрогравитационными. Я видела труп невидимки. Конструкция тела блестяще приспособлена к выполнению боевых функций. Сердце-гравитатор создает вокруг костей искривленное пространство. Луч света не пронзает – но огибает его, выходя точно на продолжение своего первоначального пути. Все, что находится внутри искривления – и сам невидимка, и его добыча, – естественно, невидимы для глаза и недоступны для обычных локаторов.

Я спросил ее:

– Не кажется ли тебе, Ольга, что средства связи у разрушителей совершеннее наших? По-моему, они отлично общаются друг с другом на сверхсветовых скоростях.

– Да, такая возможность имеется, – признала Ольга. – Но есть одно благоприятное для нас обстоятельство: так как гравитационные волны распространяются со скоростью света, то атаковать разрушители могут лишь в оптическом пространстве, чтоб не обогнать собственные свои удары. Иначе говоря, перед атакой мы их обязательно увидим.

Я заговорил с Ромеро. Мне показалось, что картины на стереоэкране произвели на него впечатление. Он хмурился, гневно сжимал набалдашник трости.

– Теперь вы видите, Павел, что мы не можем стоять в стороне? В таких случаях наши предки говорили, что преступления вопиют об отмщении...

Он высокомерно взглянул на меня.

– Мое ухо не слышит воплей – они слишком далеки от нашей Солнечной системы. И кто вопит? К прежним паукам и змеям вы добавляете кузнечиков! Неужели вы не соображаете, с каким мощным противником нас сталкиваете? Андре уже погиб – неизвестно для чего. Вам этого мало?

– Андре похищен, – сказал я. У меня сильно забило сердце. Я боялся, что голос мой задрожит. – Я уверен: Андре жив.

Ромеро желчно продолжал:

– Наши великие предки сражались ради того, чтоб создать нам, своим потомкам, справедливое, обеспеченное бытие. Почему мы должны изменять их завету, оставляя заботу о людях, чтоб совать нос в чужие дела? Я понимаю, стоило бы потрудиться, если бы мы могли истребить все зло и несправедливость во Вселенной. Но это же невозможно! Мы не облетели и тысячной доли одной нашей маленькой Галактики – поручитесь ли вы, что в неисследованных звездных районах нет своего горя? Почему вы берете на себя роль всеобщего наставника и спасителя? Мы не боги, в самом деле, чтобы страдать всеми страданиями мира, печалиться всеми его печальми!..

Я слушал Ромеро и думал, как и он, о наших великих предках.

Да, правильно, они боролись, нередко погибали, чтоб создать на Земле безоблачную жизнь – для нас, для тех, кто придет после, не для себя. Разве они оправдали бы нас, привычно радующихся счастью, которое создали многие поколения, и свысока отворачивающихся от страданий подобных нам существ?

Да, конечно, всю несправедливость во Вселенной мне не вычерпать, я просто пока не знаю всей Вселенной. Но как спокойно пройти мимо подлости? Я в силах уничтожить ее – неужели я не воспользуюсь своей силой? Что это за рассуждение: вопли истребляемых доносятся издали, я не хочу к ним прислушиваться! Не является ли само это утверждение одной из форм подлости? Примирись бы с таким эгоизмом наши предки, обрекавшие себя на боль и лишения, чтоб нам было легко? Почему мы должны быть хуже их? Я хочу быть лучше их, а не хуже, они боролись и ради того, чтоб я был лучше! Человечество всегда впереди великие, а не мелкие идеи. Время подвигов не прошло, нет, – сейчас подвиги так же свойственны человеку, как и пятьсот лет назад.

И еще одно: разве можно измерять справедливость в километрах? Если над кем-то измываются рядом со мной – это возмутительно, я должен вмешаться. А если в ста километрах от меня? В тысяче? В миллионе? В триллионе? Силовые поля на отдалении ослабевают – таков физический закон, но подлость, отдаляясь, не становится меньше, она не знает обратной пропорциональности к расстоянию. Близко или далеко причиняют боль беззащитным – мое сердце одинаково обливается кровью!

Ромеро с вызовом ждал ответа. Я молчал. Спорить с ним было бессмысленно. Тогда он сказал:

– Кстати, о несчастном нашем друге Андре. Вы всё повторяете, что он не погиб, а исчез. Думаю, никто не сомневается, что я бы с охотой отдал жизнь за его спасение. Но если уж с полной откровенностью, то и для нас, и для всего человечества, и даже для опекаемых вами полумозговых звездных животных было бы лучше, если бы Андре погиб.

– Вы отдаете себе отчет в своих словах, Павел?

– Полностью отдаю. Андре слишком много знает о достижениях человечества. Зато он не знает, что такое пытки – физические и нравственные. Если враги владеют техникой допроса, которую применяли в древних темницах... Вы меня понимаете?

И на это я не ответил. Я уже думал о судьбе, ожидавшей Андре, если он жив. Милый и гениальный, взбалмошный и добрый, он меньше любого из нас был способен вынести насилие и боль. «Эли! Эли!» – кричал он, исчезая. Почему он? Почему не я? Если бы мне предложили поменяться с ним судьбой, с каким облегчением и радостью я бы согласился!

По звездолету разнесся сигнал боевой тревоги, зазвучал властный голос Леонида:

– Все по местам! В оптике корабли противника. К бою!

14

– К бою! – гремело на корабле. – К бою!

По боевому расписанию мое место около больших дешифраторов МУМ. Я кинулся в наблюдательный зал: отсюда с дешифраторами отличная связь. Рядом, кто отставая, кто обгоняя, бежали на свои места другие.

Шум продолжался еще минуты две, а потом глубокая тишина сковала звездолет, наполненная великим напряжением тишина!

Мы были готовы к бою.

К бою! Пятьсот лет человечество не знало истинного значения этого призыва. Он еще существовал в языке – как диковинный термин из словаря, как звук, как предание, как тема для ученого разговора о прошлом, за ним не стояло единственно важного – действий.

Люди моего поколения, пятнадцатого поколения мира на Земле, утратили воинственность. Мы рождались мирными и должны были умереть в вечном мире – так нам самим казалось. Сила уже не была аргументом. И мы искренне думали, что из нас полностью вытравлен боевой инстинкт. Но вот непредвиденные обстоятельства навязали нам бой, и в каждом из нас мгновенно проснулся воин. Собранные и грозные, мы молча ожидали нападения. Враг безрассудно атакует, его надо сурово покарать – так чувствовал каждый. МУМ непрерывно суммировала наши ощущения, непрерывно докладывала их командиру корабля: нас наполняли одинаковые чувства, мы думали одинаковыми мыслями.

Нас было почти сто – женщины и мужчины, старые и молодые, сдержанные и порывистые, серьезные и веселые... В тот миг, перед первым после пяти с лишним столетий мира человеческим сражением, мы внезапно стали одним огромным человеком – одной нестигаемой волей, одним мощным разумом. Исполинская тишина, полная страсти и силы, сковала звездолет. Мы были полностью готовы к бою!

И тут мы увидели крейсера противника. Вытормозившись из сверхсветовой области в обычную, они выпрыгнули в мир нормальных тел и масштабов словно из небытия. Что бы Ольга ни говорила об опасности близких гравитационных ударов, главная угроза таится в неожиданности появления врагов.

В данном случае они просчитались. Если бы они скрытно подлетели поближе, нам пришлось бы труднее. Но они обрисовались в десятке миллионов километров. Лишь убежденность в собственном могуществе, не встречавшем достойного противодействия в этом глухом уголке Вселенной, могла привести к такому промаху.

Я насчитал шестнадцать шаров, несущихся со всех направлений звездной сферы, потом прибавилось еще два, отставших от общего строя. Восемнадцать крейсеров против двух – они могли надеяться на победу! И, полностью в ней уверенные, они больше всего заботились о том, чтобы мы не сбежали. Они замкнули нас в сферу – в кольцо, как говорили наши предки, воевавшие лишь в двух измерениях. И, как принято у всех флибустьеров, свирепствуют ли они в крохотном земном море или в безграничном космосе, разрушители не собирались вступать в переговоры, чтоб выяснить наши намерения, – они обрисовались и немедленно атаковали.

И навстречу им снова грянули аннигиляторы Танева, превращенные в защитные батареи.

Если бы я мог рассматривать все эти сцены взглядом стороннего наблюдателя, они, вероятно, показались бы мне даже забавными. Стремительно приближавшиеся шары вдруг унесло. Генерируемое двумя звездолетами пространство образовало провал в космосе, исполинскую яму в его метрике, и шары барахтались где-то на границе неожиданно разверзшейся бездны, отлетая от нас все дальше. Они по-прежнему рвались к нам со всех осей, и на всех осях расстояние между ними и нами увеличивалось.

Теперь даже самые тупые из них должны были сообразить, что мы не убегаем, а не подпускаем их к себе: если бы мы убегали, то, удаляясь от одних, сближались бы с другими.

Когда крейсера отбросило так далеко, что они полностью перестали улавливаться в умножителе, Леонид и Аллан остановили аннигиляторы, чтоб не расходовать активное вещество.

Через некоторое время шары опять появились в зоне видимости, а дешифратор уловил гравитационные волны передач между кораблями. Один из крейсеров был флагманом. Флагмана одолевали вопросами, он отдавал приказанья.

Разрушителей ошеломило наше умение генерировать пространство. Их флагман намеревался прорваться сквозь толщи разлетающейся пустоты на сверхсветовых скоростях, раз не удалась обычные.

– Один разок уже прорывались на сверхсветовых, да не вышло, – сказал Леонид. – И сейчас большего не добьются.

Приблизившись на достаточную, по их мнению, дистанцию, шары один за другим ныряли в невидимость. Я не мог подавить чувства беспомощности, когда корабли разрушителей стали исчезать. Я снова и снова спрашивал себя все о том же, пытался разрешить все ту же загадку. Вокруг нас на триллионы километров простиралась сияющая звездная пустота, в пустоте, невидимые, бешено неслись к нам восемнадцать смертоносных шаров – что, если Леонид и Аллан ошибутся и скорость сближения превысит скорость рассекания пространства? Что, если вражеские машины, пожирающие пустоту, возьмут верх над нашими, сеющими ее вокруг себя?

Решение может дать лишь опыт, но опыт – палка о двух концах. Если он повернется против нас, ошибка будет непоправимой.

И когда умножитель зафиксировал появление шаров на пределе видимости, с моей души словно камень свалился. Но я рано торжествовал. Разрушители оказались пронизательнее, чем я о них думал. Они нашли единственно возможный способ борьбы – навязать нам многократные космические сражения, каких мы долго выдержать не могли. МУМ расшифровала приказ флагмана: «Атаковать на обычных скоростях, пока не истощится их способность создавать пространство».

Они хорошо понимали, что генерирование пространства идет за счет заранее подготовленного вещества, а не по велению высшей воли, а любые материальные ресурсы небезграничны. Правда, как вскоре выяснилось, они не знали, что мы умеем вовлекать в реакцию уничтожения вещества и внешние тела, в том числе и их корабли. Так продолжалось несколько раз: мы отбрасывали их, генерируя пространство, они ныряли в невидимость и прорывались в сверхсветовой области. С каждым разом их прорывы становились опасней. Теперь они тормозили так близко, что только форсирование всей мощности аннигиляторов спасало нас от гравитационного залпа.

Леонид обратился к экипажам обоих звездолетов с просьбой высказаться через МУМ.

– Имеются две возможности. Первая – прорваться сквозь окружение и, оставив Плеяды врагу, бежать к Солнцу. Гарантии, что мы пробьемся без боя на уничтожение, дать не могу. Вторая – перейти от обороны к нападению. Не сомневаюсь, что нам удастся аннигилировать несколько крейсеров врага. Я знаю, что на одном из них может оказаться наш исчезнувший товарищ. И все-таки мое мнение – атаковать.

Каждый из нас в эту грозную минуту думал об Андрее.

Мы не торопились принимать решение. На нас лежала ответственность перед человечеством – мы обязаны были вернуться на Землю и рассказать о том, что открыли в далеких районах Галактики. Но и ответственность за возможную гибель друга, попавшего в беду, снимать с себя не хотели – мы просто не могли ее снять! Мы понимали, каким будет наш ответ, было только одно решение, но не торопились его высказывать. Мы не перебарывали себя – нам надо было перемучиться.

А затем МУМ объявила, что ни возражающих, ни воздерживающихся нет. Раз нам навязывают сражение, надо его принять.

И снова, уже в последний раз, на всех направлениях небесной сферы вспыхнули восемнадцать быстробегущих звезд. Сражение разыгралось в самом центре Плеяд. Небо пылало и переливалось, звезды исторгали сияние. А между великолепными реальными светилами мчались светила искусственные, стремительные, пронзительно-зеленые. Восемнадцать факелов рушились на нас со всех сторон, они с каждой секундой увеличивались.

На крейсерах противника поняли, что мы готовы принять бой, и стали притормаживать. Они выстраивались по сфере, центром которой были наши звездолеты. Теперь они двигались компактно и с одинаковой скоростью. В зловещем сиянии кораблей вражеской эскадры тускнели и пропадали звезды. От одновременного залпа всех гравитационных орудий разрушителей нас отделяли считанные минуты. Все решало теперь, кто сможет ударить раньше – мы или они?

И когда восемнадцать вражеских кораблей, еще не войдя в сферу своего прицельного удара, оказались в зоне нашего действия, Леонид и Аллан разом пустили в ход аннигиляторы. Пока еще рейсовые, а не боевые, они лишь уничтожали пространство – врагам могло показаться, что мы сами ринулись на сближение. Но они сразу увидели, что сближаются с нами не в одном, а во всех направлениях. Четыре из восемнадцати звездолетов противника, захваченные конусами исчезающего пространства, быстро оторвались от своих, их всасывало к нам, они полностью потеряли управление.

Мы приняли новую команду адмирала вражеского флота: «Бейте из гравитационных орудий! Бейте! Бейте! Иначе столкнетесь с ними». Мстительное торжество охватило меня, когда я услышал этот приказ. И перед смертью они не понимали, что им уготовано!

То, что увидели мы и что, несомненно, увидели оставшиеся в живых наши враги, было грандиозно. Теперь они узнали степень человеческого могущества!

В звездном небе ослепительно вспыхнули четыре багровых солнца – и тут же погасли, образовав туманные облака. Облака крутились, рассеивались, становились невидимыми – мировая пустота обогатилась четырьмя новыми провалами, зловещие крейсера стали километрами, просто километрами, не газом, не молекулами, не атомами – одной лишенной телесного содержания протяженностью, миллионами километров пустого «ничто»!

Остальные корабли противника ринулись наутек и унеслись в сверхсветовую область.

Я побежал к Ромеро. Я должен был жгучим упреком бросить ему в лицо свою радость.

– Андрей ничего не выдал, Павел! До последней минуты разрушители и не подозревали об аннигиляции.

Ромеро долго смотрел на меня, не отвечая. Я вдруг заметил, что он осунулся и постарел.

– Поверьте, я радуюсь вместе с вами, – сказал он устало. – Хотя если вдуматься – чему тут радоваться?..

Я ненавижу его. Он не верил, что Андре мог остаться в живых и ничего не выдать. Для него было одно объяснение: Андре мертв.

15

Плеяды остались за нами.

Это было печальное приобретение.

День за днем, неделю за неделей мы облетали одну звездную систему за другой. На тех планетах, где имелись условия для жизни и где еще недавно все цвело, жизни не было.

День за днем, неделю за неделей в биноклях умножителя и на стереоэкранах вспыхивали одни и те же картины: густые облака пепла и праха, клубящиеся над планетами, суша, перемерзшая с океанами в одно топкое месиво...

Мы попытались высадиться на одной из разрушенных планет.

Это было в звездной системе Алционы – великолепной, праздничной звезды. В недалеком прошлом здесь, вероятно, всего хватало: света и тепла, воды и зелени, воздуха и простора, минералов и еды. В печальном настоящем здесь была пыль, ничего, кроме пыли... В воздухе клубились черные облака тончайшей взвеси. Мы рассматривали планету в приборы, угадывали по горам праха уничтоженные города. Опустившись на нее, мы едва не утонули в пыли. Пыль текла, как вода...

Однажды вечером Вера попросила нас высказаться: что делать дальше?

Теперь мы знаем, что в Галактике свирепствуют странные полусущества-полумеханизмы, воинственный, технически высокоразвитый народ, сказала она. Мы выбрали на галактические просторы и обнаружили, что они захвачены пиратами. Но еще не все ясно. Где они обитают? Почему нападают? И где похожие на нас существа? Мы видели их в снах ангелов, на картинах альтаирцев, в скульптурах жителей Сигмы, но не живыми. Может, этого народа, наших потенциальных друзей, больше не существует?

Не исключено, что мы оказались зрителями последней фазы космической войны и в ней погибли все противники разрушителей. Это еще предстоит выяснить. Вместе с тем пора возвращаться на Землю. Нужно ознакомить людей с собранными фактами, чтоб решения были объективны.

Вера предложила разделить корабли. Один звездолет берет курс на Землю, другой продолжает поиски звездных гнездовий уже знакомых нам врагов и неведомых друзей.

За несколько месяцев мы удалились от Солнца на пятьсот световых лет и проникли в Плеяды. Следующий объект разведки, по-видимому, – скопление в Персее, до него четыре тысячи световых лет. Экспедиция туда займет не один год, однако она необходима. Пока мы не узнаем, куда исчезла флотилия разрушителей, никто на Земле не вправе пребывать в спокойствии.

– Я возвращаюсь на Землю, – закончила Вера. – И вы понимаете почему: предстоят споры.

– Я готова лететь дальше, – объявила Ольга. – «Пожиратель пространства» лучше приспособлен для дальних рейсов, чем «Кормчий». Мы перегрузим к себе часть активного вещества с «Кормчего». Экипаж скомплектуем из тех, кто вызовется лететь в Персей.

Она сказала это так просто, словно речь шла о путешествии с Земли на Сириус или альфу Центавра. Остальные с ответом не торопились.

Я думал о Земле, и Оре, и звездах, рассыпанных вокруг Земли и Оры. Ничто особенно не тянуло меня на Землю, скорее уж манил Плутон, но и без Плутона я смогу прожить. Правда, на далекой Веге, на сине-белой Веге, где я никогда не был и вряд ли буду, осталось то, что хоть немного звало меня назад. Но что изменится, если я решу возвратиться? Нас с Фиолой соеди-

няет лишь желание соединиться – у нас нет дороги друг к другу. Любовь наша бессмысленна – преждевременна, как по-ученому формулирует Лусин.

– Я лечу в Персей, – сказал я.

Ромеро и Лусин решили возвратиться на Землю. Труба Лусин брал с собой.

А потом наступил день расставания. Оно было невеселым. Вера обняла меня, я поцеловал ее. Я не был уверен, что мы увидимся.

– Вера, все может быть в такой дальней дороге, – сказал я. – Запомни мое последнее желание: Ромеро нужно опровергнуть. Если люди не выйдут на помощь звездожителям, грош цена человечеству.

Она с нежностью, сквозь слезы посмотрела на меня.

– Люди помогут всему доброму и разумному, что нуждается в помощи. Нет, Эли, человечеству не грош цена.

Последними, с кем я прощался, были Камагин и Громан. Отважные маленькие космонавты, наши предки, были взволнованы, как и мы.

– Три года назад, пятьсот двадцать земных лет тому, мы расстались с Землей, – сказал Камагин. – Сами мы с той поры переменялись мало, Земля и люди неузнаваемы. От души желаю вам в межзвездных странствиях большей удачи, чем выпала нам.

– А вам доброй встречи дома, – ответил я. – И доброй новой жизни на ласковой зеленой старушке, на вечно молодой Земле!

Мы с Ольгой сидели в обсервационном зале. На экране быстро уменьшался «Кормчий».

– Вот мы и остались в одиночестве, – сказал я печально.

– Я не боюсь одиночества, – сказала Ольга. – Я могу лететь хоть на тот свет, только не знаю, где он находится – тот свет.

Она с улыбкой смотрела на меня. У меня было такое ощущение, словно я сделал что-то нехорошее. Я стал всматриваться в звезды.

– Эли! – позвала она тихо. – Эли!

– Да! – отозвался я, не отрываясь от неба. – Вспорем Звездным Плугом Вселенную, Ольга! И кто знает, может, нам удастся что-нибудь разузнать об Андре.

16

По графику МУМ, при скорости, в четыре тысячи раз превышающей световую, путешествие до звездных скоплений в Персее должно было продлиться свыше года. Подобных скоростей еще не достигали, но Леонид с Осимой не сомневались, что рекорд удастся.

– Один Аллан наполовину уменьшал нам ход, – доказывал Леонид. – Его звездолет – тихоня.

Теперь Леонид дал волю страсти к быстроте. Если бы уничтожаемая пустота издавала звуки, по всей Галактике разнесся бы треск разрываемого пространства. Но мы летели в великом молчании космоса. Впереди сероватой дымкой чуть проступало дивное скопление в Персее, много, много месяцев должно было пройти до того, как оно превратится в скопище светил.

Все знают, что галактические просторы пусты. Одно – знать, другое – ощущать. При перелете с Земли на Ору я не чувствовал пустоты, звезды удалялись и приближались, рисунок созвездий менялся. Исполинской пустотой дохнуло лишь в полете на Плеяды, день уходил за днем, неделя за неделей, мы тысячекратно обгоняли свет – за бортом все оставалось тем же. Но, лишь удаляясь от Плеяд, я полностью понял, как бездонно пуста Вселенная! Уже через неделю великолепное скопление – три сотни звезд, собранных в кучу, – превратилось в такой же моточек сияющей шерсти, какой виден с Земли. Нет, мироздание не такое, каким оно представляется в школе. Звезды, как и люди, коллективисты, они теснятся друг к другу. А вне этих звездных коллективов – безмерная «пустейшая пустота».

И если в пустоте попадает одинокая звезда – это событие. Мы иногда встречали таких шальных шатунов, чаще темные карлики, ни одного гиганта и сверхгиганта, – звезда вылетала из мрака, мы проносились мимо. Ни у одного из таких светил не было и признаков планет.

Жизнь в Галактике – дар более редкий, чем тепло и свет.

Теперь я имел свое кресло в командирском зале, рядом с дежурным командиром. От дешифраторов информация поступала в МУМ, та отдавала команды автоматам, а я ставил механизмам дополнительные задания.

Обычно я дежурил с Ольгой: мы часами молчали, вглядываясь в звездное небо, мысленно переговариваясь с подчиненными нам машинами. Я все более узнавал другую Ольгу, не ту, что порядком надоедала мне в школе, не ту, что вела ученые разговоры в веселой компании, – спокойного, решительного, проницательного командира. Я учился у нее. Сейчас все это в прошлом, но я с радостью вспоминаю дни совместных дежурств.

Каждый день я уходил в гравитационную лабораторию и все снова и снова просматривал излучения мозга разрушителей, записанные Андре. Я считал эту работу главным своим делом. Раньше Андре делал все сам, мы лишь помогали ему. Мы посмеивались над его скоропалительными теориями, снисходительно одобряли его прозрения, а про себя были спокойны. Рядом с нами огромный разум непрерывно порождал ослепительные идеи. Он жадно ухватывал каждую загадку, бился, пока не разрешал ее, – зачем нам тревожиться? Все, что возможно сделать, сделает он, и сделает лучше любого из нас – так чувствовал каждый.

Теперь Андре не было. Исчез гениальный генератор новых идей. Его надо было заменять, хотя бы частично. У меня и в помине не было вдохновенной легкости Андре. Но я неустанно, непрерывно размышлял – хотел заменить трудом его интуицию. Там, где он одолевал неизвестность двумя-тремя исполинскими прыжками, я пробирался ползком, петлял, возвращался обратно и снова полз вперед.

Во всяком случае, я был настойчив. Я садился на диван, закрывал глаза и тысячи раз мысленно возвращался к одной и той же картине. Мы сжали полями слабеющего головоглаза, он отчаянно взывал к своим: «Помогите! Помогите!» Его гравитационные призывы уходили с нормальной световой скоростью, с той же скоростью возвращались ответы. Можно вычислить по времени, разделявшему призыв и ответ, расстояние от Сигмы до крейсера, вышедшего ему на помощь. Но крейсер, летя в сверхсветовой области, раньше ночи добраться не мог – так он сообщал. Сколько дней или недель светового пути разделяло их? А разрушитель беседовал с крейсером так, словно тот был рядом.

«Что же это такое? – спрашивал я себя. – Что может двигаться в пространстве, не уничтожая его, со сверхсветовой скоростью?»

Я пытался разрешить эту загадку даже во сне. Как-то я запустил дешифратор на излучения своего мозга, и он записал, что, и сонный, я бьюсь все над тем же.

И мало-помалу, еще смутное, стало вырисовываться решение. Оно было до того простым, что я поначалу в него не поверил.

Но все пути вели в одну точку, все логические нити завязывались в один узел.

Я вышел наконец на верную дорогу. Я попросил к себе Ольгу. Она пришла в лабораторию, долго слушала, потом сказала:

– Итак, ты считаешь, что этот загадочный агент связи, мгновенно проносющийся сквозь пространство, – само пространство?

– Да, само пространство. Вернее, колебания его плотности. Только изменения пространства могут распространяться в пространстве со сверхсветовыми скоростями – вот моя мысль.

Ольга продолжила ее:

– Мы научились превращать вещество в пространство и опять получать из пространства вещество. Короче, мы оперируем крайними точками – создавать и уничтожать... А между

ними спектр разнообразных состояний, возможно, не менее важных, чем полюса... Надо искать, Эли, надо искать!

От восторга я расцеловал Ольгу в обе щеки. Это было лишнее, конечно. Она растерялась, как девчонка, пойманная на шалости, хотя виноват был я, а не она.

– Не сердись, – сказал я с раскаянием. – Я от души, Ольга.

– Я не сержусь, – ответила она грустно. – Разве ты не заметил, что я не умею на тебя сердиться?

17

В тот вечер я долго не засыпал. Я думал об Андре. Он похвалил бы меня за открытие волн пространства. Я редко достаивался его похвал, когда мы были вместе, но сейчас он похвалил бы меня, я в этом не сомневался.

Андре стоял передо мной. Я слышал его голос. Я закрывал глаза, чтоб лучше видеть и слышать его. Он ходил по комнате, взмахивал вычурными локонами. Он был, как всегда, немного смешон и очень мил. Я говорил с ним и, стискивая зубы, плакал. Он был в беде, а я не мог ему помочь.

«Ты тяжелодум, Эли, – говорил он сердито. – Насмешливый ум сочетается в тебе с изрядной тупостью. Если бы я высказал то, к чему ты с таким трудом добрался, ты бы для начала поиздевался надо мною. Ты встречал насмешкой любую мою идею, разве не так?» – «Не так, – защищался я. – Будь справедлив, Андре, не так! Я многое принимал сразу». Он беспощадно опроверг меня. В жизни он не был таким жестоким, как в нынешнем моем представлении о нем. Впрочем, сейчас он не мог быть добрым – теперь он был вечным обвинением мне. «А невидимки? – говорил он. – Невидимки, Эли? Разве ты не расхохотался, когда услышал о них?» – «Да, невидимки, – отвечал я. – Это правда, я удивился и засмеялся. И я жестоко наказан, что не поверил в твоё прозрение и не позаботился о защите. Мы все наказаны, Андре, все!» – «Другие мои идеи ты высмеивал тоже, – заметил он. – Вспомни получше, Эли».

Я стал вспоминать его идеи и теории. Их было много, час бежал за часом, бессонная ночь плелась, как старуха. Я больше не спорил с Андре, я вдумывался в его мысли. Я был готов принять любую из них – уже потому, что ее высказывал он. Я подводил под них фундамент, подбирал убедительные доказательства – я запоздало оправдывался перед другом.

Я вспоминал, как он блестяще обосновал удаление Гиад от всех звезд мира. Спыхальский, наверное, уже послал экспедицию проверить его гипотезу, и экспедиция доказала, что Гиады рушатся в искусственно созданный провал в космосе. Как могло быть иначе? Андре так запальчиво отстаивал эту идею, он не мог ошибиться!

А потом я припомнил его версию происхождения людей, так жестоко раскритикованную Ромеро. Она стала мне дорога еще и потому, что Павел на нее ополчился. Я хотел обдумать ее в деталях, по-серьезному обосновать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.